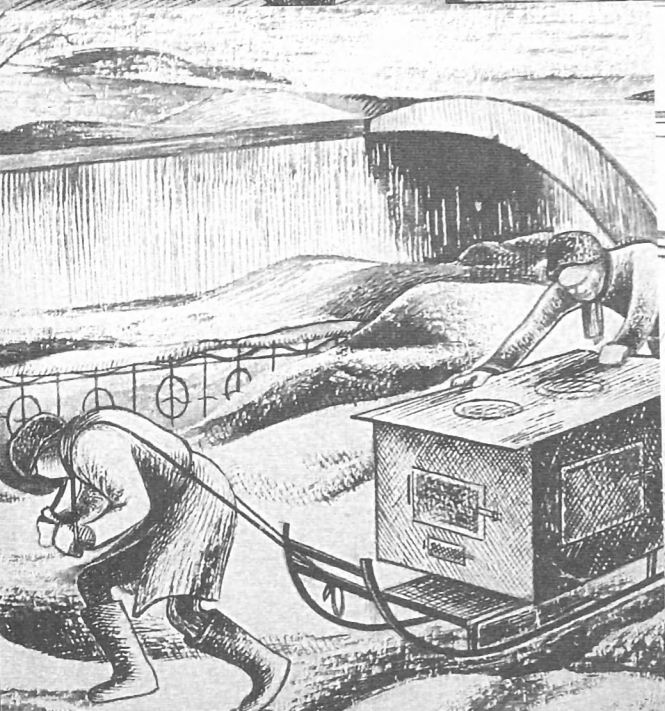
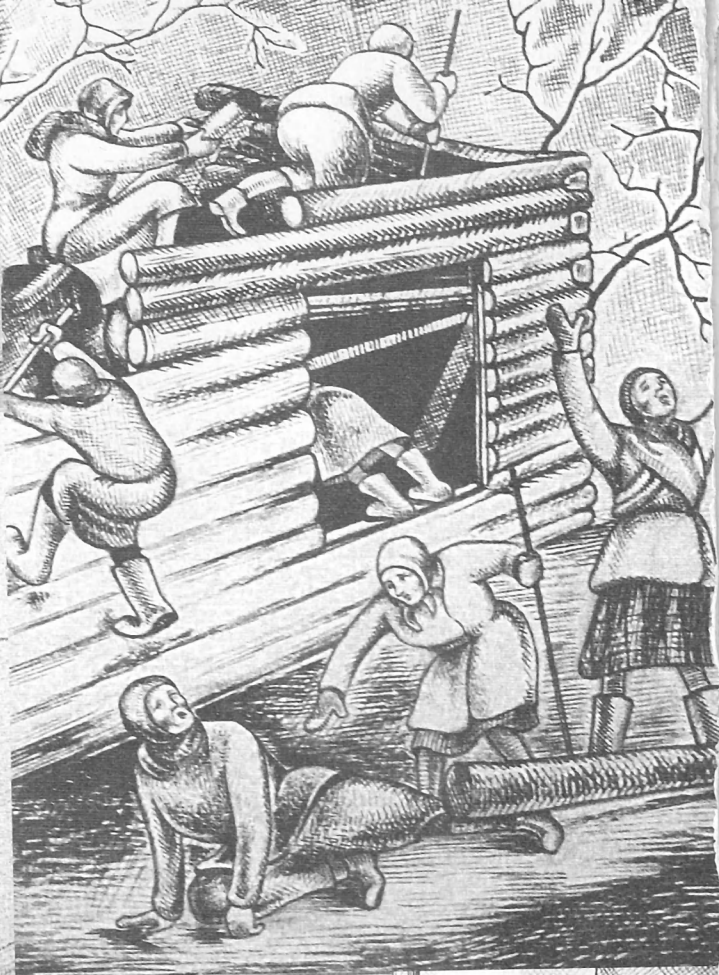
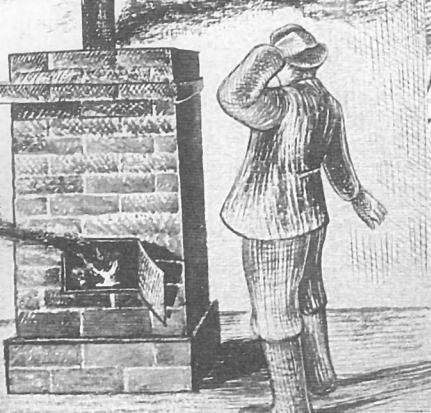

БЛОКАДА

глазами очевидцев

Дневники и воспоминания

Блокада глазами очевидцев

Дневники и воспоминания

ОСТРОВ

Санкт-Петербург
2012

УДК 94(47).084.8:82-94

ББК 63.3(2)622-7

Б 701

Б 701 Блокада глазами очевидцев. Дневники и воспоминания / сост.
С. Е. Глезеров. – СПб.: ООО «ИТД «ОСТРОВ», 2012. – 224 с., ил.

ISBN 978-5-94500-071-1

Сегодня, когда блокада постепенно переходит из живой памяти в историю, очень важны любые свидетельства о ней. Несмотря на то что дневников и воспоминаний, посвященных ленинградской блокаде, существует немало, появление каждого очередного свидетельства добавляет новые штрихи к облику жителей осажденного, но непокоренного города. В дневниках и воспоминаниях, вошедших в книгу, – блокада глазами самых простых людей, которые могли рассчитывать только на себя и своих родных, летопись 900 дней без идеологии, без подвигов и героизма. Значительную часть этой книги составляют блокадные дневники Екатерины Глинской, Ксаверия Сельцера и Марии Васильевой, а также двух подростков – Галины Зимницкой и Елизаветы Вейде. Взгляд из того времени дополняют воспоминания, написанные спустя почти семьдесят лет после блокады.

УДК 94(47).084.8:82-94

ББК 63.3(2)622-7

© С. Е. Глезеров, предисловие, 2012

© Авторы воспоминаний, наследники, 2012

© ООО «ИТД «ОСТРОВ», 2012

От составителя

Судьба блокадной памяти

Сегодня, когда блокада постепенно переходит из живой памяти в историю, очень важны любые свидетельства о ней. В каждом из них – частичка того, что пришлось пережить горожанам в те трагические дни.

Дневников и воспоминаний, посвященных ленинградской блокаде, существует немало. На первом месте, конечно, – «Блокадная книга» Даниила Гранина и Алеся Адамовича. А сколько блокадных мемуаров было напечатано в последние годы! И, тем не менее, появление каждого нового свидетельства добавляет новые штрихи к портрету блокадного времени, к облику жителей осажденного, но непокоренного города.

В чем-то эти дневники похожи друг на друга, но, вместе с тем, каждый из них по-своему уникален. В них – блокада без подвигов и героизма, без идеологии. Блокада глазами самых простых людей, которые могли рассчитывать только на себя и своих родных. Людей, которые порой только чудом избежали смерти от голода, обстрелов и бомбежек.

В каждом из дневников – свой рецепт выживания в чрезвычайных условиях. Но есть в них одно общее – это особое, запечатлевшееся в них настроение: беда, выпавшая Ленинграду и ленинградцам, – это то, что суждено пережить нам судьбой. А читая сегодняшние воспоминания жителей блокадного Ленинграда, можно добавить мысль, фигурирующую в них спустя почти семьдесят лет после войны: «Мы пережили то, что выпало нашему родному городу, не пытаясь уйти от ударов судьбы. Пережили вместе с ним. Только в этом не было никакого особого героизма – была жизнь, и нам приходилось принимать ее такой, какая она есть».

Особняком стоят детские блокадные дневники. В них – свой взгляд на блокаду. В них подчас нет чувства страха – есть любопытство.

Вот парадокс: немало ленинградцев, которые прежде не записывали события своей жизни, именно во время блокады стали вести дневники. Наверное,

В разрушенной квартире после артобстрела. Фото Давида Трахтенберга

этот вопрос из области психологии: почему человек во время чрезвычайных, стрессовых ситуаций, находясь практически на грани жизни и смерти, старается не только зафиксировать то, что видит вокруг, но и выразить свои чувства, эмоции, переживания? Возможно, именно в такие времена люди понимают свою сопричастность историческим событиям и начинают гораздо более, чем в обычное время, ощущать свою собственную значимость. А может быть, они просто не уверены, что останутся живы, и потому стараются хотя бы записями в дневнике оставить память о себе?

Об этих дневниках знали только самые близкие родственники. Времена были такие, что за «лишнее» слово или просто за высказывание, которое могли истолковать как «упадническое» или «пораженческое», можно было получить большие неприятности. И нередко именно дневники, найденные сотрудниками НКВД при обыске, служили затем важнейшим вещественным доказательством «антисоветской деятельности» автора. А некоторые из них даже стоили их авторам жизни.

К примеру, именно так случилось с ленинградским учителем Алексеем Винокуровым, расстрелянным в марте 1943 года. Военный трибунал войск НКВД Ленинградского округа и охраны тыла Ленинградского фронта 16 марта 1943 года признал его виновным в том, что «...с июля 1941 года по февраль 1943 года

Строительство баррикады у Кировского завода. 24 сентября 1941 г.

систематически среди работников школы, учащихся и окружавших его лиц проводил контрреволюционную антисоветскую агитацию, в которой клеветал на советскую систему и действительность, Красную Армию и печать...»¹.

Дневник красноармейца Семена Пулякова², арестованного в конце января 1942 года по печально знаменитой статье 58-10, также служил доказательством его «антисоветской деятельности», за которую его расстреляли по приговору военного трибунала. А дневниковые записи красноармейца Степана Кузнецова³ непосредственно фигурировали в составленном против него обвинительном заключении: «еще будучи солдатом Советской Армии в своем дневнике в течение 1941–1942 годов учинил ряд записей антисоветского содержания, в которых возводил гнусные клеветнические измышления на советский народ, на законы Советского Правительства, на советскую армию и ее солдат». Приговором С. И. Кузнецову были 10 лет исправительно-трудовых лагерей...

Документы свидетельствуют, что сталинский репрессивный конвейер в полной мере продолжал работать и в блокадном Ленинграде. А потому дневники

¹ Блокадные дневники и документы СПб., 2004. С. 237. Дневник А. И. Винокурова опубликован там же, с. 238–291.

² Опубликован там же, с. 337–394.

³ Опубликованы там же, с. 293–336.

Эвакуируемые по дороге на вокзал. Март 1942 г. Фото А. Михайлова

как зеницу ока берегли от чужих, посторонних глаз. Вот почему так немного сегодня блокадных дневников в музеях и архивах города: до сих пор потомки хранят их дома, хотя сегодня, конечно, нет никакой опасности предавать их огласке. Более того, публикация блокадных дневников сегодня необходима, ибо они являются ныне важнейшими историческими источниками и свидетельствами эпохи...

Не зря говорят, что петербуржец, ленинградец – это не обозначение места жительства, это особое ощущение, это состояние души. Сто с лишним лет назад сложился этот особый историко-культурный тип российского человека, особый характер и особый стиль человеческого поведения. Куда в годы войны ни заносила судьба этих людей, всюду они вызывали уважение. Правда, их тогда уже называли не петербуржцами, а ленинградцами. Имя «ленинградец» было одним из самых почитаемых, самых уважаемых званий на просторах советской страны. И люди старшего поколения хорошо помнят, что достаточно было назвать себя ленинградцем, чтобы ощутить симпатию и поддержку окружающих в любом уголке бывшего Советского Союза.

Память о блокаде – это часть особого, ленинградско-петербургского самосознания. Менталитета, как сегодня говорят. В нем сочетается все – и боль страданий, и гордость за то, что, несмотря ни на что, выжили. И выжив, спасли город, а после войны отстроили его.

Город был страдальцем, мучеником. Но его жители не теряли чувства человеческого достоинства. И, во многом благодаря этому, выжили.

«В осажденном, израненном городе, лишенном нормальных условий существования, люди не растеряли естественных человеческих чувств, – вспоминал Лев Моисеевич Никольский, в годы блокады литературный сотрудник „Ленинградской правды“. – И потому в затемненных театрах выступали артисты, музыка звучала в концертных залах, за книгами выстраивались длинные очереди...»

«Ленинград – город, который отличался высокой культурой, интеллектом, интеллигенцией своей, духовной жизнью, – отмечал Даниил Гранин, рассказывая о создании «Блокадной книги». – Мы хотели показать, как люди, которые были воспитаны этой культурой, смогли оставаться людьми, выстоять...

...Люди во время блокады относились друг к другу гораздо более сердечно, гуманно и милосердно, чем тогда, в конце семидесятых годов. ...Ныне происходит процесс дегуманизации людей, очерствения, бессердечия; блокада в этом смысле – пример того, как в тех страшных условиях люди не позволяли себе эгоизма...»

Позволим себе и еще одну цитату. «На каждом шагу – подлость и благородство, самопожертвование и крайний эгоизм, воровство и честность». Эти слова Дмитрия Лихачева относились к тем условиям, в которых находились ленинградцы на Дороге жизни – точнее, «дороге смерти», как тогда ее называли в городе. Но эти же слова можно применить и к жизни в блокадном городе, в котором, действительно, соседствовали самая мрачная подлость и самое высокое благородство и самопожертвование.

«...В голод люди показали себя, обнажились, освободились от всяческой мишуры: одни оказались замечательными, беспримерными героями, другие – злодеями, мерзавцами, убийцами, людоедами, – считал Дмитрий Лихачев. – Середины не было. Все было настоящее, разверзлись небеса, и в небесах был виден Бог. Его ясно видели хорошие. Совершались чудеса... Человеческий мозг умирал последним... Люди писали дневники, философские сочинения, научные работы, искренно, «от души» мыслили и проявляли необыкновенную твердость, не уступая давлению ветра, не поддаваясь суете и тщеславию...»

Многие пережившие блокаду отмечают и еще один факт: выжить в тех нечеловеческих условиях помогли... коммунальные квартиры. Во время войны в них была атмосфера взаимовыручки, взаимопонимания, поддержки друг друга.

«Общая беда сплотила людей, – рассказывал автору этих строк житель блокадного Ленинграда Юрий Галахов. – Жили мы в ту пору в нашей коммунальной квартире так дружно, как никогда не жили. До войны постоянно ругались, даже до суда дело доходило. И после войны тоже. А тут – удивительный был дух людей на войне...»

У памяти о блокаде, как и у памяти о войне, – нелегкая судьба. Ей манипулировали, из нее делали политический капитал. С годами память о блокаде

все больше «бронзовела» и все меньше и меньше походила на правду. «Залгана», по выражению Солженицына, была не только война. «Залгана» была и блокада.

Жестокий удар по городу нанесло «ленинградское дело». Одной из сталинских жертв стала и память о блокаде. На многие годы запретной темой стали страдания ленинградцев, трагизм блокады. Ольга Берггольц упоминала о том, что еще в сороковых годах ее просили не выступать в Москве с рассказом о тысячах голодающих ленинградцев. А ее знаменитые слова «Никто не забыт и ничто не забыто», высеченные на Пискаревском кладбище, были присвоены казенной идеологией...

«Уже умер Сталин, прошел XX съезд партии, все сменилось, ленинградский же „синдром“ продолжал действовать, – отмечал Даниил Гранин. – „Великий город с областной судьбой“ не смел вспоминать о блокаде. Он застыл раз и навсегда в утвержденной сверху героической эпопее 900 дней, в которые ленинградцы выстояли прежде всего „благодаря помощи всей страны“, вниманию, уделенному товарищем Сталиным. Этот образ блокады был утвержден постановлениями и обвинительными заключениями трибуналов, следовательно, обжалованию не подлежал. „Ленинградское дело“ скрепило его кровью сотен своих жертв. Пересмотра не позволялось».

«Правда о ленинградской блокаде никогда не будет напечатана, – писал в те времена Дмитрий Лихачев. – Из ленинградской блокады делают „сюсюк“...». Слава Богу, сегодня мы все-таки дожили до тех времен, когда можем читать правду о ленинградской блокаде.

Наверное, первым прорывом к трагической правде о ленинградской правде стала все-таки «Блокадная книга». Недаром столь трудным был ее выход в советское время. Через какие только препоны цензуры не приходилось проходить Даниилу Гранину и Алесю Адамовичу, чтобы их детище увидело свет, хотя бы в том, отредактированном виде, на который приходилось порой соглашаться.

«Почему нам было нужно больше людей? Да потому, что оказалось, у каждого есть свой рассказ, – рассказывал впоследствии Даниил Гранин о создании «Блокадной книги». – У каждого оказалась своя трагедия, своя драма, своя история, свои смерти. Люди и голодали по-разному, и умирали по-разному...

Многое решал талант рассказчика. Лучше всего рассказывали женщины. Женская память устроена несколько иначе, чем мужская. Ведь мужская память – она глобальная какая-то: мужчин общие ситуации больше интересуют. А подробности быта, бытия, что творилось на малом участке – очередь, булочная, квартира, соседи, лестница, кладбище, – это память... женская. Она была более красочная и крепкая.....

Существовал к тому времени устоявшийся, окаменелый стереотип идеологии блокады. Блокада – героическая эпопея. Подвиг ленинградцев, которые

не сдали город, отстояли его. Девятьсот дней блокады. Единственный город в истории Второй мировой войны, в истории нашей Великой Отечественной войны, который не сдался. И – всё! На Нюрнбергском процессе было зафиксировано, что погибло шестьсот шестьдесят тысяч человек. Ни одним больше! Мы вскоре поняли, что эта цифра преуменьшена значительно. А, главное, что дело не в героизме.

В конце концов, для многих это был вынужденный героизм. Героизм заключался в другом. Это был героизм внутрисемейный, внутриквартирный, где люди страдали, погибали, проклинали; где совершались невероятные поступки, вызванные голодом, морозами, обстрелом. Это была эпопея страданий человеческих. Это была история не девятист дней подвига, а девятист дней невыносимых мучений. Что, конечно, не соответствовало пафосу подвига, того, что прочно вошел в историю Великой Отечественной войны...»

«Блокадная книга» увидела в свет в 1982 году. И она стала одним из предвестников того, что правда о блокаде – живая, настоящая, ничем не приукрашенная – все-таки пробьет себе дорогу.

Впрочем, нельзя не упомянуть, что были в ту же пору и еще одни опубликованные воспоминания о блокаде, по своей правдивости, страстности и эмоциональности, пожалуй, не уступавшие «Блокадной книге». Правда, советским читателям она была недоступна, – ее знали лишь те, кто не боялся брать в руки «тамиздат». Ибо эти блокадные мемуары в нашей стране в советское время были запрещены в силу их «антисоветчины» и автора-эмигранта – женщины, являвшейся в СССР персоной нон-грата. Представительница «отжившего класса», «антисоветчица», скрывавшаяся под «личиной» служащей, после эвакуации из Ленинграда – житель оккупированной территории, а потом – «невозвращенец». Всего этого набора хватало, чтобы приклеить Скрябиной ярлык «врага советской власти», а ее дневнику – «клеветнических измышлений».

Речь идет о дневнике Елены Скрябиной – именно она для Запада стала летописцем ленинградской блокады. В 1964 году в Мюнхене на русском языке вышла ее книга «В блокаде», спустя восемь лет на немецком языке вышел ее «Ленинградский дневник», а в 1976 году в Париже на русском языке – «Годы скитаний». Во времена «железного занавеса» дневник Скрябиной служил за рубежом главным и практически единственным свидетельством о трагической ленинградской эпопее в годы войны.

Кто же такая Елена Скрябина? Она родилась в 1904 году в Нижнем Новгороде. Отец – дворянин Александр Горсткин, владелец поместья в Нижегородской губернии, монархист, депутат IV Государственной Думы. Его любили и уважали крестьяне – это спасло родных во время погромов помещичьих усадеб осенью 1917 года. Во время гражданской войны он примкнул к белому

движению, мечтал спасти царя и его семью, вывезти их из Сибири. Потом он оказался в эмиграции и умер в Париже.

Елена Скрыбина волею судьбы осталась в России, с середины 1920-х годов жила в Ленинграде. Склонность к литературному творчеству проявилась у нее очень рано. Еще в детстве она писала дневники, которые пришлось сжечь. В гражданскую войну они могли погубить всю семью – в них рассказывалось о работе отца в Думе. В 1930-х годах Скрыбина чудом убереглась от многочисленных «чисток». Работала машинисткой, перед войной окончила Институт иностранных языков.

«В свободное время пишу дневник, который веду с самого начала войны, – отмечала Скрыбина. – Все дневниковые записи – это разрозненные листы, а то и клочки бумаги. Кто знает, может быть, когда-нибудь их можно будет опубликовать, как документ одного из важнейших периодов истории».

Дневник Скрыбиной уже давно не под запретом – его опубликовали в нашей стране в 1994 году. Однако у многих он способен вызвать неприятие: уж больно «непатриотичную» позицию заняла Скрыбина с самых первых дней войны. Она не копала окопы, не рыла щели, не тушила зажигалки. Она просто жила в осажденном городе, думая об одном – как выжить и спасти детей. Забота о детях ведет ее везде. Чего точно нет в дневнике Скрыбиной, так это привычного для нас единодушия жителей города. В осажденном Ленинграде были разные люди, и записки Скрыбиной показывают, что среди них немало тех, кто не отличался симпатиями к советской власти. Ведь со времени революции прошло всего только двадцать лет. Несмотря на «чистки» и репрессии, а во многом и благодаря им, в обществе был слой людей, внутренне ощущавших свою абсолютную чуждость сталинскому режиму.

Двадцать лет эти люди жили в ожидании, что эта власть кончится. И теперь, когда началась война, многие из них разрывались между противоположными чувствами: с одной стороны, родине грозит страшный завоеватель, несущий смерть и страдания, с другой стороны, возможно, он поможет освободиться от сталинской тирании.

Вот что записала Скрыбина на второй день войны: «Бывшая домовладелица Анастасия Владимировна не скрывала своей ненависти к советской власти и видела в войне и победе немцев единственное спасение. Хотя я во многом разделяю ее взгляды, но в эту минуту ее улыбка меня безумно раздражала. Хочется верить, что несмотря ни на что, Россия не будет уничтожена, а в то же время сознаешь, что только эта война является реальной возможностью для освобождения от террористического режима».

Первую блокадную зиму, самую страшную, Скрыбина провела в блокадном Ленинграде. Затем – эвакуация на «Большую землю». Результатом долгих скитаний стал Пятигорск. Но прошло немного времени, и война пришла и туда.

В августе 1942 года Пятигорск захватили немцы. В 1943 году Скрыбину угнали в Германию, где она попала в лагерь восточных рабочих в Бендорф на Рейне. Из лагеря Скрыбину освободили войска союзников. Будучи в категории «перемещенных лиц», она понимала, какая участь может быть уготована ей по возвращении на Родину. Попав во французскую зону оккупации, она избежала выдачи. В 1950 году переехала в США, где поступила в университет в Сиракузах и три года работала над получением докторской степени. В начале 1960-х годов Скрыбина стала профессором университета города Айовы, тогда же началась ее литературная деятельность...

* * *

Со времени издания «Блокадной книги» до эпохи «гласности», а затем и «свободы слова» оставалось уже совсем недолго. Именно тогда рухнули все запреты. Правда, и тут с памятью о блокаде сыграли злую шутку. На первый план вышло то, что порой больше всего выглядело как сенсация. И пресловутое людоедство, и «жирующие» смольнинские руководители Ленинграда... Список можно продолжать. А голодающим ленинградцам доставалось роль жертв режима, который своими неумелыми действиями обрек огромный город на голодную смерть. Была ли эта та правда о блокаде, о которой десятилетия назад мечтали Дмитрий Лихачев, Даниил Гранин и Алесь Адамович? Едва ли...

И все-таки, несмотря на все попытки сделать сенсации на блокадных страницах, за два последних десятилетия по крупицам, порой практически с нуля, заново собиралась память о блокаде. Дневники и воспоминания играют в этом восстановлении истинной картины о блокаде очень важную роль. Они очень точно дают понять атмосферу жизни блокадного Ленинграда. И те дневники и воспоминания, что собраны в эту книгу, – тоже своего рода энциклопедия ленинградского блокадного быта.

В них можно узнать об очень многом. К примеру, почему во время блокады ленинградцы испытывали чувство тревоги, когда видели ясное солнце и безоблачное небо, и радовались пасмурной погоде? Какие кинофильмы шли в блокадном городе? Как распространялись новости в условиях минимума официальной информации?

«Газеты неясно сообщали о положении на фронтах, и люди жили слухами, – вспоминал Дмитрий Лихачев. – Слухи передавались повсюду: в буфете, на улицах, но им плохо верили – слишком они были мрачны. Потом слухи оправдывались».

Больше всего слухов, зачастую самых нелепых, распространялось в людных местах – очередях и на рынках. Они тут же обрастали всевозможными деталями и подробностями и начинали свою собственную жизнь. К примеру, в феврале 1942 года в городе пронесся слух о снятии и предании суду

председателя исполкома Ленгорсовета Попкова. Бытовали настроения, что голод в Ленинграде – это результат его «вредительской деятельности».

«Трудно сказать, где возник этот слух, но очевидно, почему он получил такое широкое распространение, – отмечает историк Никита Ломагин. – Вероятно, народ жаждал мщения за перенесенные страдания и лишения, искал и нашел простое объяснение причин голода. Попков, как олицетворение власти, получил по заслугам – «снят», «арестован», «расстрелян». Этот слух был своего рода народным приговором власти, а степень его распространения – показателем отношения в целом не только к человеку, но институту, который он представлял... Поразительно, что немцев, организовавших блокаду и голод, народ винил куда меньше, чем советскую власть»⁴.

К «сарафанному радио» добавлялась «шпиономания», невероятных размеров достигавшая в начале войны. «Шпионов искали всюду, – рассказывал Дмитрий Лихачев. – Стоило человеку пойти с чемоданчиком в баню, как его задерживали и начинали „проверять“. Так было, например, с М. А. Панченко (нашим ученым секретарем). Ходило много рассказов о шпионах. Рассказывали о сигналах, которые передавались с крыш немецким самолетам. Были какие-то якобы автоматические маяки, которые начинали сигнализировать как раз в часы налетов. Такие маяки, по слухам, находились в трубах домов (их было видно только сверху), на Марсовом поле и т. д. Какая-то доля истины в этих слухах, может быть, и была: немцы действительно знали все, что происходит в городе»...

У каждого из переживших блокаду – своя память о ней. И у каждого из дневников и воспоминаний, вошедших в эту книгу, – своя судьба, своя история. Собранные вместе, рядом, они удивительным образом взаимно дополняют и подтверждают друг друга. А это значит, что все вместе, и дневники, и воспоминания, все-таки могут приблизить нас к правдивой картине блокадных дней...

Значительную часть этой книги составляют блокадные дневники трех взрослых жителей Ленинграда – врача Екатерины Глинской, журналиста Ксаверия Сельцера и Марии Васильевой, а также двух детей-подростков – Галины Зимницкой и Елизаветы Вейде.

Взгляд из того времени подтверждается воспоминаниями, написанными спустя почти семьдесят лет после блокады. В этой книге – воспоминания детей блокадного Ленинграда, переживших самые тяжелые дни 900-дневной осады, – Дмитрия Семенова, Джона Федулова и Владимира Моргачева.

* * *

...Врач Екатерина Прокофьевна Глинская вела свой дневник с 12 декабря 1941 года по конец блокады. Когда началась война, она работала хирургом в Обуховской больнице, затем заведовала хирургическим отделением

⁴ Ломагин Н. А. Неизвестная блокада. Кн. 1. СПб., 2002. С. 285.

инфекционной больницы Фрунзенского района, что на Лазаретном переулке у Витебского вокзала. Уникальным иллюстрациями к дневнику служат рисунки неизвестной художницы, сделанные в больнице. На некоторых из них запечатлена и сама Екатерины Глинская.

Муж, железнодорожник, был далеко на севере, а она здесь, в осажденном Ленинграде. Дочери Оксане – чуть больше года: она родилась в октябре 1940 года. Когда родной дом на улице Чайковского, 33, разбомбили, пришлось перебраться на улицу Союза Печатников, но и там их постигла та же участь. С весны 1942-го и до самого конца войны семья Глинских жила при больнице...

Удивительно, что посреди всего этого ужаса, голода, бомбежек и обстрелов, она находила в себе силы говорить о... красоте блокадного города. «...Никогда мне не казался город таким красивым, как в эти смертельные дни, – записала она тогда, 12 декабря. – От мороза стоят такие красивые деревья, так красива Нева и ее набережные с замерзшими кораблями и застывшими домами».

Интересно и то, что на страницах дневника запечатлелись настроения ленинградцев. Тогда, в самые страшные месяцы блокады, людям оставались только надежда на спасение и вера в чудо, а потому и канонада на фронте воспринималась как предвестник близкого освобождения. Увы, до освобождения было еще очень и очень далеко.

«Самым больным был вопрос отъезда, – читаем в дневнике за 23 марта 1942 года. – Слухи и настроения колебались, как море. Приходили, говорили: «Немедленно убегайте из этого обреченного города. Не останется здесь камня на камне». Следом другие говорили: «Врут, подлецы, самое страшное позади. Ехать не надо. Везде голод, нигде не ждут с жареными пирогами, дорога из Ленинграда усыяна трупами». Эти противоречия буквально раздирали сердце на части».

Лето 1942-го подарило надежду. Истерзанный, измученный город понемногу возвращал свой человеческий облик. «Удивительные люди эти ленинградцы, – записала Екатерина Глинская 21 июня 1942 года. – Многие имеют возможность уехать – так не хотят, плохо живут, голодают, а не хотят бросать город».

Сегодня может показаться невероятным, что тогда, летом 1942 года, когда враг стоял у самых стен города на Неве, когда разгоралось битва на Волге, в Ленинграде носились самые невероятные слухи. «Масса разноречивых разговоров о конце войны и втором фронте, – записала Екатерина Глинская 21 июня 1942 года. – Упорно говорят, что война кончится в августе – сентябре. Но при нас или после нас, как говорят ленинградцы, неизвестно...».

Конец войны ленинградцы ждали как чуда... Поверили ли бы они тогда, если бы узнали, что война будет продолжаться еще почти три года? «Наступает 1943 год, миллионы людей ждут от него исполнения заветного желания – конца войны, – записала Екатерина Глинская в последний день 1942 года. – Что на самом деле он принесет?...».

Но до конца войны еще надо было дожить. «Два года Ленинград живет под гнетом смерти каждую минуту», – записала Екатерина Глинская 19 апреля 1943 года, пытаясь объяснить причину резкого увеличения в городе «психозов депрессивного толка». Опасность подстерегала каждую минуту. И это – та опасность, от которой практически невозможно уберечься, та беда, которую невозможно предугадать и обмануть. Перед лицом этой угрозы человек становился абсолютно беззащитным. «Большое количество жертв среди гражданского населения, – отмечала она 17 июля того же года. – Настроение такое, что идешь по улице и ждешь выстрела в спину». И не случайно сигнал отбоя – «лучшая симфония войны», а главная мечта – выспаться без тревог и пройти по улице без страха, не боясь попасть под обстрел.

«Как хочется жить!» – постоянно, несмотря ни на что, звучит на страницах дневника. Жить, выжить, пережить эту страшное время. Хотя бы ради дочери, ведь именно она среди всего этого ужаса была главным смыслом жизни. Какими только словами не называет ее Екатерина Прокофьевна на страницах дневника – «малютка», «обезьянка», «девочка», «шантрапа». «Малютке сегод-ня 2 года 3 месяца, – записала Екатерина Глинская 26 января 1943 года. – Забавно говорит стихи и растет это зернышко, само не знает, на какой жуткой почве, политой кровью страданий».

Осколок снаряда, застрявший в оконной раме, до сих пор хранится в семье Оксаны Викторовны Глинской как семейная реликвия. И будет храниться вечно, как память о блокаде. Страшное орудие смерти – маленький кусок железа с рваными, острыми краями...

«О том жутком эпизоде мама потом не раз рассказывала мне, – говорит Оксана Глинская. – Каким-то неведомым чувством ощутив беду, она закрыла меня спиной от града стекол, посыпавшихся из разбитого окна. Но об этом в дневнике ничего нет – мама не писала о своих подвигах, все это было само собой разумеющееся. Спасение от почти неминуемой смерти – это было просто как чудо, или знак свыше. И он наполнял еще большей жадной жизни».

«Чудесные белые ночи, – записала Екатерина Глинская 9 июня 1943 года. – Всю ночь можно читать. Часов с 11 поднимают аэростаты воздушного заграждения, и они на фоне серо-голубого неба плавают в эфире, как дельфины. Чудесные дни и ночи, только бы жить. Хочется побродить по Неве, хочется жить».

«В мамином блокадном дневнике, действительно, нет ни вздохов, ни стонов, ни обличения, – говорит Оксана Глинская. – Мама никогда не жаловалась, что в жизни ей выпало такое испытание. Она была очень жизнелюбивым, талантливым человеком. Писала стихи, играла на скрипке, хорошо рисовала, была хирогром от Бога»...

Почти семьдесят лет пролежал в семейном архиве и дневник ленинградского журналиста Ксаверия Наумовича Сельцера. Составителю этой книги его

любезно предоставила его родственница Мария Яковлевна Мурина, дочь ленинградца-фронтовика, прошедшего всю войну от простого ополченца Выборгского района Ленинграда до начальника штаба дивизии.

Про автора этого литературного произведения, озаглавленного им «Заметки „в осаде“», к сожалению, известно немного: в 1930-х годах он был журналистом, газетным работником, сотрудничал в одной из ленинградских газет. Когда началась война, ему было уже за 60 лет. На своем веку Ксаверий Сельцер повидал немало – революции, гражданскую войну, сталинский мрак предвоенного десятилетия. Но это было его время, страшное и одновременно счастливое, – то, в котором он жил, и другого было не дано...

Несмотря на все трагические катаклизмы, он сохранил независимость и критичность суждений. В дневнике немало острых тем и неудобных вопросов. По всей видимости, автор был далек от раболепия перед тогдашними властями: о ее действиях он порой отзывается с раздражением и возмущением. Трудно сказать, что было бы, если бы дневник попал в руки «бдительных органов». Как известно, они не дремали даже в самые страшные месяцы блокады. Вполне возможно, Сельцера ждало бы обвинение в «пораженчестве» и «контрреволюционной агитации». Но судьба хранила. На счастье, среди тех, кто мог знать об этом дневнике, непорядочных людей не нашлось...

Ксаверий Сельцер был из поколения старых петербургских интеллигентов. Судя по дневнику, он обладал несомненным художественным чутьем и литературным талантом. Недаром его дневник читается как настоящий роман, и его главное достоинство – в том, что в нем нет ни слова неправды.

«Старая привычка писать на людях, оставшаяся у меня со времени репортажества, помогает мне сейчас, – отмечал Сельцер в своем дневнике. – Кругом и старики, и женщины, по обыкновению, „калякающие“ о чем угодно, и хнычущие мамыши, а я – правда с некоторым напряжением – пишу, ловлю свои мысли и закрепляю на бумаге...» В этих воспоминаниях – живой человек, с его мыслями и думами, тревогой и отчаянием. Личные впечатления о происходящем соседствуют с раздумьями о судьбах родного города и страны.

В принципе, к этому дневнику практически нечего добавить – автор все уже сказал, и нам остается только вчитываться в пожелтевшие от времени страницы и слушать голос эпохи. Читая эти записи, как будто погружаешься в трагический мир блокадного города – голод, бомбежки, смерть. И в то же время чувствуешь стойкое желание людей выжить, вопреки всему, вера в то, что весь этот кошмар рано или поздно кончится и жизнь будет другой – обязательно лучше, чем до войны...

Блокадный дневник Марии Васильевой, как и многие другие, никогда прежде не публиковался. Будучи семейной реликвией, он по сей день хранится

в домашнем архиве. Составителю этой книги его любезно предоставил петербургский историк Всеволод Абрамов.

«Васильевы, наши родственники, жили на улице Достоевского, почти напротив Кузнечного рынка, – рассказывает Всеволод Валентинович. – Я часто бывал у них, слушал рассказы Марии Александровны, родной сестры моей бабушки, о жизни в блокаду. В осаждённом Ленинграде она жила с двумя дочерьми Верой и Марией и 14-летней внучкой Олей». Одна из двух сестер, Мария, вела дневник. Она начала его 19 января 1942 года, а последняя запись датирована 18 мая того же года.

«Блокадная история этой семьи интересна и важна тем, что позволяет понять, как без запасов продовольствия, денежных средств или ценностей люди выдержали голод и выстояли в тяжелейших условиях, – считает Всеволод Абрамов. – А секрет прост: в семье, как и в любом коллективе, в тяжелой обстановке важен лидер, решающий важнейшие вопросы жизни. Вот таким лидером в семье стала Вера Алексеевна (по мужу Савицкая), бухгалтер небольшого завода в Ленинграде. Даже я, будучи еще совсем маленьким, запомнил эту строгую до суровости тетюшку, не терпящую нытья, капризов и прочих слабостей...».

Кроме основной работы, Вера была бойцом местной противовоздушной обороны, дежурила на крыше своего дома. Еще до того, когда начался голод, она взяла на учёт все продукты. Не всем это было понятно, но скоро Мария записала в дневнике: «Я очень благодарна нашему гению Верусе, которая сумела пресечь возгорающие наши аппетиты и всё поставила в строгие рамки дележа, и, главное, еды в строго установленное время и со всеми вместе». Второе правило Веры заключалось в том, чтобы все двигались, работали, имели какие-то постоянные обязанности. Она следила, чтобы все мылись, стирали бельё (даже постельное), мыли пол, доставали дрова для маленькой печурки, приносили воду. Благодаря этому и выжили в самую тяжелую первую блокадную зиму.

В дневнике много отчаяния и горечи, здесь нет героизма, зато есть подлинное ощущение трагедии жителей города, пытающихся выжить из всех сил...

* * *

Первым месяцам войны посвящен дневник ленинградского школьника Дмитрия Семенова. С первого дня войны он вел дневник, сохранившийся по сей день в его домашнем архиве. Простая ученическая тетрадь, с аккуратными записями, сделанными чернилами. Тринадцать страниц убористого текста.

Когда началась война, Дмитрий Семенов окончил четыре класса 2-й средней школы Выборгского района Ленинграда. Сохранилась его школьная характеристика, выданная ему как раз после четвертого класса. «Способный мальчик, но вялый, флегматичный во время ответов. Говорит очень тихо. Быстро устает слушать, отвлекается посторонними вещами, начинает толкать соседей, заговаривает

с ними или совсем забывает классную обстановку и думает о чем-то своем. Очень часто болеет. Общественные нагрузки выполняет педантично. К ребятам относится дружелюбно, но дружить начинает с самыми тихими учениками».

Может быть, в чем-то учительница была не права в отношении обычного ленинградского подростка из интеллигентной учительской семьи. Причем ребенка, без всякого сомнения, не просто очень начитанного и воспитанного на лучших образцах русской классической литературы, но и одаренного литературным и вообще художественным талантом.

Мама, Наталья Павловна Семенова, была учительницей музыки, рисования и физкультуры, вела все предметы в нулевых (дошкольных) классах. Отец, Василий Иванович Семенов, преподавал русский язык и литературу. Бабушка, Надежда Николаевна Захарова, тоже была педагогом.

«28-го июня 1941 года мне исполнилось двенадцать лет, – рассказывает Дмитрий Васильевич. – Я непосредственно стал писать все, как было, как я это представлял и видел, без какой-либо посторонней помощи. Написал немного, потом начались очень тяжелые времена, и я перестал писать. До этого у меня уже были кое-какие „литературные опыты“, но они были посвящены более прозаическим вещам – например, жизнь кошки. А первые записи я сделал лет в шесть».

Сначала война воспринималась им как нечто происходящее где-то далеко, а эвакуация казалась увлекательным приключением, вроде поездки в пионерский лагерь. И только после бомбежки эшелона приходит трагическое понимание, что игры кончились, веселых приключений больше не будет, что война – страшная, безжалостная, жестокая и беспощадная – решительно и бесповоротно ворвалась в жизнь. Прежней жизни уже не будет и биться придется не на жизнь, а на смерть, причем в стороне остаться нельзя никаким образом...

В те дни Дмитрий Семенов едва не оказался жертвой трагедии, подобной лычковской. Как известно, в поселке Лычково нынешней Новгородской, а тогда Ленинградской, области в июле 1941 года попал под вражескую бомбежку эшелон с детьми из Ленинграда. Долгое время после войны лычковская трагедия умалчивалась и только в последние десятилетия перестала быть «белым» пятном истории. Хотя в самом Лычково о той страшной истории не забывали, а на могиле погибших в ту бомбежку ленинградских детей всегда лежат цветы, игрушки и конфеты...

Однако лычковская трагедия была не единичным эпизодом. Подобных случаев, когда ленинградские дети становились мучениками войны, было немало. Одной из причин тому стала роковая ошибка, точнее, фатальное заблуждение, приведшее к чудовищной трагедии. Как известно, вскоре после начала войны началась эвакуация детей из Ленинграда, однако «наверху» в первые недели войны были уверены, что опасность Ленинграду грозит со стороны Финляндии,

поэтому детей отправляли в те места, которые посчитали безопасными, а именно в южные районы Ленинградской области. Поэтому большое число эвакуируемых детей попало в Демянский, Маревский, Молвотицкий, Валдайский и Лычковский районы тогдашней Ленинградской области. Как оказалось, детей везли прямо навстречу войне...

Эшелон, в котором Дмитрий Семенов в августе 1941 года возвращался из валдайской эвакуации в Ленинград, тоже попал под бомбежку. До сих пор среди семейных раритетов Дмитрия Васильевича хранится военная реликвия – осколок вражеской бомбы, попавший в вагон во время той бомбежки. А рядом – надпись, сделанная рукой отца: «Осколок бомбы, сброшенной с немецкого самолета в наш поезд на станции Бурга во время возвращения в Ленинград из Боровичей. Август 1941 г.»⁵.

Кроме дневника, во время валдайской эвакуации Дмитрий Васильевич делал зарисовки, где в мельчайших деталях изобразил те места, где ему довелось оказаться. И не только запечатлевал виды окрестностей, а также встречавшихся характерных личностей (портрет лавочника), но и начертил точный план под названием: «Местность, где мы жили в эвакуации. Лето 1941 г.», обозначив условными знаками селения, отдельные дома и дороги, мельницы и заводы, реки и мосты, озера и речки, поля и леса...

Джон Федулов в самом начале войны в числе тысяч ленинградских детей тоже был оправлен в эвакуацию в южные районы Ленинградской области. В июле 1941 года волею судьбы он оказался в самом пекле – на станции Лычково. Собственными глазами видел гибель эшелона с ленинградскими детьми...

Никогда не публиковался и дневник Галины Зимницкой. В год сорокалетия Победы, в 1985 году, Галина Карловна обратилась в одну из ленинградских газет, но натолкнулась на странную стену отчуждения. «Теперь так много стало воспоминаний о блокаде, – заявили ей, – что у нас есть гораздо более интересные дневники, чем ваш». Действительно, в ту пору, когда военно-патриотическое воспитание являлось одним из столпов советской идеологии, подобный дневник, в который было «слишком мало» подвигов, не вписывался в официальную, героическую трактовку ленинградской блокады.

В этом дневнике все 900 дней осады представлены глазами простой девочки-подростка. Спустя два месяца после начала войны ей исполнилось 14 лет. Война заставила ее рано повзрослеть и, конечно, она не хотела оставаться в стороне от «взрослой» жизни. Поначалу все напоминало игру, поскольку война была где-то далеко, а город жил хоть и не прежней, но еще довольно мирной жизнью.

На третий день войны, 25 июня, готовили чердак к противопожарной обороне. «После работы захотелось выкупаться, смыть пот. Лежим на пляже в Озерках.

⁵ Бурга – деревня в Маловишерском районе Новгородской области и одноименная железнодорожная станция в 18 км к юго-востоку от Малой Вишеры.

Солнце печет, небо ярко-голубое». Но война и тут напоминает о себе: безмятежный зной прерывает сирена воздушной тревоги. «Я смотрю на небо: все спокойно, чисто. Вдруг на пляже появляется милиционер и загоняет всех в кусты и под деревья. Для чего? Нам кажется, что это лишнее. Нет никаких самолетов».

Но вскоре оказывается, что вовсе не лишнее. Запись от 6 августа 1941 года: «Участились тревоги. Город меняет свое лицо. Заложили мешками с песком витрины магазинов». «С каждым днем мне все труднее писать дневник, – записала Галя 15 августа. – Неужели брошу? Правда, эти дни проходят однообразно, без особых событий. Если заглянуть в наши души, то, наверняка, все хотят испытать хоть чуть-чуть боевой обстановки (бомбежки) и попробовать свое умение на раненых. Хотя это глупо».

«С продуктами стало совсем плохо, – читаем 9 сентября 1941 года. – Еда очень скудная и однообразная, а аппетит увеличивается с каждым днем». В дневниковых записях – голод и постоянные обстрелы. С крыши родного дома на Сердобольской улице, самого высокого в округе, было видно далеко. Видно все – и гибель людей под бомбежкой в парке Лесотехнической академии, и предательские сигнальные ракеты, которые неизвестный враг посылает где-то совсем рядом.

Смерть становилась повседневной, но к ней все равно невозможно было привыкнуть. И среди этого царства смерти – упорная вера, что эти ужасы рано или поздно кончатся. «10 октября 1941 года. На днях мы с мамой зашли в Выборгский универмаг посмотреть, что там есть. Увидели купальные костюмы из черного сатина с голубой отделкой и с кокетливыми резиночками на боках трусиков и на лифчике. Купили себе по купальнику. Продавщица смотрела на нас с мамой, как на чокнутых или знающих великую тайну конца войны. Нет, ничего мы не знаем, просто хотим дожить до мирных дней».

Самые пронзительные по своей трагичности записи посвящены первой блокадной зиме. «Голод сосет днем и ночью». Мысли только о том, как бы выжить в этих нечеловеческих условиях. Мать меняет на «черном рынке» вещи на хлеб. «Господи, – восклицает бабушка, – ведь это же ворованный хлеб! За такое сейчас расстрел, и ты пойдешь, как сообщница». «Понимаю, – с отчаянием отвечает мать. – Но я не могу видеть, как мы все приближаемся к смерти. Как же нам иначе выжить?»

Запись от 11 декабря 1941 года: «Днем в булочной видела ужасную сцену. Мальчишка лет десяти выхватил у старушки пайку хлеба и сразу начал есть. Женщины бросились отнимать, а он лег на пол, лицом вниз, и, не обращая внимания на обрушившиеся удары, доел хлеб на грязном полу. Самое ужасное в том, что никто не заступился за ребенка. Полежав немного, воришка встал, вытер рукавом слезы и кровь и ушел грязный, оборванный, совсем одинокий. Сейчас мне его жалко до боли в сердце. Где же я была тогда? Стояла, смотрела и молчала».

По направлению к Шуваловскому кладбищу, через Поклонную гору, жители возят на саночках гробы или зашитые в простыню трупы, «похожие на куколки какого-то огромного насекомого». На самом кладбище хоронить их просто некому – незахороненные покойники лежат за оградами и на дорожках...

И еще одна страшная картинка из той зимы. «26 декабря 1941 года. ...По дороге домой мы видели на снегу мертвую молодую женщину. Она лежала на проезжей части Лесного проспекта, видимо, упала с воза, когда сани с покойниками накренились на ухабе. Сначала нам показалось, что это лежит манекен из разбитой витрины магазина – так красива была эта женщина. На ней было темное легкое платье с глубоким вырезом. Красивые смуглые руки были сложены на груди, как у певицы. Великолепные темные волосы разметались по грязному снегу. Удивляло ее прелестное, не исхудавшее, чуть скуластое лицо с густыми ресницами. Мы с мамой стояли и смотрели с большой жалостью на эту погибшую красоту, а мимо шли люди и никто не останавливался...»

И посреди всего этого блокадного ада – возглас: «Господи, когда все это кончится?». Когда, наконец, ушла в прошлое та жуткая первая блокадная зима, казалось, что страшнее ее уже быть ничего не может, что теперь самое страшное уже позади. Вокруг продолжает множиться смерть, но жизнь все равно берет свое. Впереди – юность, впереди – первая любовь. И мысли – не только о войне. «20 октября 1942 года. Хочу пойти в Лесотехническую академию на танцы, а что надеть? Из своих прежних платьев я давно выросла». Выручила подружка, предложила свой наряд. «Я оделась и посмотрела в зеркало. Да! Я уже девушка. Сколько ни будет у меня потом в жизни платьев, это первое взрослое платье не забуду никогда».

Проходит еще один блокадный год. В нем много всего – служба в противопожарном полку, поступление в школу ФЗО. И хотя смерть от жестоких обстрелов подстерегает еще на каждом шагу, по всему чувствуется, что конец блокады уже близок.

«3 октября 1943 года. Наступление наших войск теперь не остановить до самого Берлина! Все так говорят. Настроение хорошее, приподнятое. Часто захожу в парикмахерскую на Литейном, делаю завивку щипцами». Мечты о том, что нужны модельные туфли. Нельзя же все время танцевать в чужих! Чтобы купить на «черном рынке» красивые туфельки (в магазинах их нет), приходится продать швейную машинку. Поездки на танцы и поход в кино – под обстрелами. Какой неестественной кажется теперь смерть, когда в душе царит любовь. И встреча нового, 1944 года, в кругу «кавалеров»...

Запись от 3 января 1944 года гласила: «До чего изнуряют эти обстрелы, как это все осточертело! Ведь жизнь наладилась, трамваи ходят, электричество горит, работают кинотеатры. Но обстрелы порой напрочь перечеркивают все

планы, а иногда и жизнь. Как с этим примириться?» Пережить всю блокаду – и едва не погибнуть во время артобстрела в самом начале января 1944 года, всего за несколько недель до «ленинградской победы»!..

И, наконец, 27 января 1944 года. «Могучий голос Левитана: „Сообщение Софинформбюро. Полное освобождение Ленинграда от вражеской блокады!“ Вот оно, такое долгожданное и радостное известие. Вечером будет салют! Нет, не могу писать, плачу от счастья». И запись следующего дня: «Салют был грандиозный. Когда раздавался очередной залп, у меня мурашки бежали по спине, так это было торжественно и красиво. Народа было – сколько хватало глаз, многие плакали»...

В дневнике Елизаветы Георгиевны Вейде – уникальная летопись всех тех мытарств, лишений и страданий, что выпали на долю простой ленинградской девочки с Гражданки. До войны она успела закончить шесть классов. Дневник начат весной 1942 года – с эвакуации из Ленинграда на Кавказ, включает в себя оккупацию и вывоз на работу в Германию. Закончен дневник летом 1945 года.

Это свидетель эпохи, позволяющий и сегодня, спустя более чем шестьдесят лет, глазами девочки-подростка увидеть и почувствовать страшную драму, навалившуюся на семью. Мы уверены, что он будет интересен читателям, поэтому привели его здесь практически полностью, без купюр и почти без редакторской правки. Это не просто летопись трагедии, это можно назвать настоящей исповедью, обращенной и к себе, и к современникам, и к потомкам...

* * *

«Были ли ленинградцы героями? Нет, это не то: они были мучениками...», – отмечал Дмитрий Лихачев. «Вторая мировая война породила три города-символа, – продолжает эту мысль Даниил Гранин. – Хиросиму – как ужас атомной бомбы, Сталинград – символ сопротивления и Ленинград – символ страдания невинных людей».

P.S. Иллюстрациями к блокадным дневникам и воспоминаниям стали уникальные фотографии из семейных, домашних архивов, а также из альбома Владимира Никитина «Неизвестная блокада. Ленинград 1941–1944» (СПб., 2002).

Галина Карловна Зимницкая

Блокадные будни (Дневник ленинградской девочки)

Об авторе: Галина Зимницкая (1927–1996) до войны успела закончить шесть классов. Во время блокады служила бойцом в Пожарно-комсомольском полку (с февраля до сентября 1942 г.), затем устроилась на кондитерскую фабрику им. Микояна в ФЗО. В основном, работать приходилось вне фабрики – на оборонных работах, торфоразработках, разборке домов. В 1943 г. поступила в Художественное Промышленное училище на Таврической улице, а в 1944-м перешла на «Ленфильм» учеником гримера. В 1956 г. окончила Политехнический институт, стала инженером электронной техники и работала до 1981 г. в объединении «Светлана».

Этот дневник я, четырнадцатилетняя девочка, вела во время блокады Ленинграда¹. Очень хочется, чтобы осталась память о ребятах, ушедших из жизни так рано; чтобы не стерлись имена людей, которым не суждено было испытать радость победы над фашизмом... И еще хочется ответить на вопрос, однажды заданный мне: «Вот ты гордишься, что пережила блокаду. А почему ты ее пережила? Почему тысячи людей погибли от голода, а ты осталась жива?».

В двух словах о таком не расскажешь. Поэтому я и откорректировала свой блокадный дневник с детскими записями в ученических тетрадях, ничего не убавляя и не прибавляя в описываемых событиях. Может быть, мне удастся хотя бы частично ответить на вопросы, интересующие людей, не познавших, к счастью, ленинградской блокады.

1941

22 июня

Война! Когда по радио зазвучали тревожные слова, мы с бабушкой Сашетой² были одни в квартире. Мама и отчим уехали к друзьям на взморье. Я лихорадочно

¹ Дневник Г.К. Зимницкой любезно предоставлен для публикации ее дочерью Инной Александровной Черноморской.

² Сашета – Александра Викторовна Козлова (1878–1950).Примечание Г.К. Зимницкой: «С 1897 г. состояла в гражданском браке с купцом Иваном Ионовым, имели дочь Зинаиду 1898 г. р.

Галина Зимницкая (6 месяцев) с мамой Зинаидой Ивановной (слева) и бабушкой Александрой Викторовной Козловой (Сашетой). 1927 г. Из архива И. А. Черноморской

искала резиновую купальную шапочку и не вникла в смысл слов. Во дворе нетерпеливо галдели ребята, поджидая опаздывающих. День был жаркий и всем хотелось купаться. Бабушка поймала меня за руку и сказала трясущимися губами: «Галюша, война!».

Я прислушалась: «Гитлер... Германия напала... без предупреждения... вероломно...». Тогда я подошла к окну и крикнула: «Ребята, война!». Купаться в этот день мы не поехали.

24 июня

Несмотря на жару, меня познабливает. Это от разговоров о войне. Вчера было собрание жильцов нашего дома³. Собрались на лестнице. Нам объявили следующее:

1. Необходимо подготовить темные шторы для светомаскировки.
2. Приступить к оборудованию лестниц и чердаков для противопожарной обороны (с чердаков убрать все лишнее, наносить песку).

и сына Михаила 1900 г. р. После разрыва с купцом была горничной, экономкой у князя Мышкина и других господ. В 1916 г. вместе с дочерью работали на ниточной фабрике. После замужества дочери (1920 г.) стала домохозяйкой».

³ С довоенных лет до 1952 года семья Зимницких жила на Сердобольской улице, в доме № 2-в, кв. 17, возле железнодорожной станции Ланская. Окна выходили на проспект Карла Маркса (бывший и нынешний Большой Сампсониевский) и парк Лесотехнической академии. Семья занимала квартиру из трех небольших комнат.

*После школьного праздника. Галина Зимницкая – крайняя
справа. 1 мая 1936 г. Из архива И.А. Черноморской*

3. За сараями выкопать щели для укрытия людей во время воздушных тревог, так как в нашем доме нет бомбоубежища.

4. Составить списки дежурств жильцов в парадном (во время воздушной тревоги дежурство переносится на чердак).

25 июня

Лежим на пляже в Озерках. Солнце печет, небо ярко-голубое. Сегодня с утра по живому конвейеру поднимали песок на чердак, красили невоспламеняющейся краской деревянные перекрытия. После работы захотелось выкупаться, смыть пот. Нина Галоцкая достает кусок душистого мыла в красочной упаковке: «Внимание! Сейчас вы все умрете от восхитительного аромата!». В ту же секунду завывла сирена. Воздушная тревога! Я смотрю на небо: все спокойно, чисто. Вдруг на пляже появляется милиционер и загоняет всех в кусты и под деревья. Для чего? Нам кажется, что это лишнее. Нет никаких самолетов. Я недавно научилась плавать, и теперь меня все время тянет в воду, на глубину. Так приятно сознавать, что под тобой почти бездна.

28 июня

При жакте (в доме у станции Ланская, где музей-квартира В. И. Ленина) оборудовали комнату под медпункт. Из медикаментов пока есть только бинты,

*Галина Зимницкая (в центре) с мамой Зинаидой Ивановной
и отчимом Михаилом Абросимовичем Громовым (дядей Мишей).
Фото 1941 г. Из архива И. А. Черноморской*

«Щель» – бомбоубежище во дворе. Фото В. Федосеева, 1941 г.

Галина Зимницкая во время работы на «Ленфильме».

Съемки кинофильма «Пирогов», 1946 г.

Из архива И. А. Черноморской

вата и йод. Здесь также организовали дежурства, в которые включили и нас – девочек. Врач Екатерина Александровна (мать моей подруги Нади Рыбаковой) ведет санитарный кружок. Учит нас оказывать первую помощь раненым. Мы перевязываем друг друга. Занятия проходят весело. Не обошлось и без смешного случая. Когда мы учились на Ире Малиновской делать перевязку головы (нога у нее уже была забинтована с наложенной шиной), вошла Ирина мама, тетя Леля, и в ужасе бросилась к дочке. Она подумала, что Ира пострадала всерьез.

Не верится, что будут настоящие раненые. Во время воздушных тревог спокойно.

У наших ребят появилась «болезнь» – учиться танцевать. Теперь собираемся там, где дома нет родителей. У нас четыре пластинки: «Утомленное солнце», «Рио-Рита», «Брызги шампанского», «Кукарача». Но танцевать нам удастся редко, так как нет подходящих условий. Вчера я уговорила свою Сашету, обещала после танцев вымыть пол. Собралось семь человек. Я танцевала больше с Лешей Жуковским. Геня Прокопюк пригласил только один раз. С тех пор, как в нашем дворе появилась Верочка Гладкова, все наши мальчики обращают свое внимание на нее. Приехала Вера с Украины погостить к тете, да так здесь теперь

и осталась. Тетя Шура Гладкова очень славная, простая женщина и великолепная портниха. У нее шьет платья киноактриса Лариса Емельянцева, которая играла главную роль в кинофильме «Аринка».

8 июля

Вчера нас, ребят, вызвали в райисполком. Дали задание собрать у населения бутылки, годные под горючую смесь. Мы разделились на бригады по 2-3 человека. Каждой бригаде дали тачку. Мы собирали бутылки на Сердобольской улице. Собранные бутылки отвезли в Лесотехническую академию. Там, во дворе, был склад.

Пришла домой уже вечером. Маму и отчима дядю Мишу отправляют на оборонные работы. Завтра они уезжают. А вчера я встретила Владю Феркович с мужем Славой (это самая красивая пара нашего дома). Они с рюкзаками шли по улице и смеялись. Наверное, тоже поехали на окопы.

*Галина Зимницкая с дочерью
Инной (1 месяц 15 дней). 1946 г.
Из архива И. А. Черноморской*

10 июля

Наши старшие товарищи постепенно исчезают. Ушли добровольцами на фронт Сережа (брат Люси Курьяк), Рома Подскачий, Коля Жуковский (брат Леши), Коля Герасимов, Тоня Осипова, Луся Лунева. Теперь во дворе не играют в волейбол, не стоят ребята у парадной двери, за что их раньше многие осуждали. Остались мы – подростки от 12 до 16 лет. Да и нам стало не до игр. Другие дела и заботы отвлекают нас от бездумной жизни, тревожат наши детские души.

11 июля

Сегодня заклеили окна бумажными полосками крест-накрест. Неужели это поможет от взрывной волны?

Во двор привезли бревна и доски. Мы узнали, что на крыше нашего дома будет построена платформа, на которой установят зенитный пулемет. Мальчишки весь день вертелись около строителей, помогали носить доски на чердак. Разговоров было! Вы слышали, что у нас будет на крыше? А как вы себе это

*Зинаида Ивановна и Карл
Игнатьевич Зимницкие. Фото
середины 1930-х гг. Из архива
И. А. Черноморской*

представляете? Одни считают, что хуже не будет, потому что самолеты не полетят на огонь. Другие, наоборот, уверяют, что фашисты будут стараться подавить пулемет. Но, слава богу, как говорит моя бабушка, самолетов пока не видно.

16 июля

Теперь мы, ребята, чувствуем себя независимыми. Наши родители перестали нас опекать. Даже моя бабушка, прозванная ребятами «совой» за постоянное наблюдение за мной, больше не появляется в окнах 4-го этажа. Она дежурит в парадном, в ее ведении порядок на чердаках. По своей комплекции Сашета очень полная, но подвижности ей не занимать. Единственное условие, которое поставили нам родители, – являться домой к обеду, а вечером уходить с улицы с появлением в воздухе заградительных аэростатов. Их поднимают с заходом солнца, чтобы помешать фашистским ночным бомбардировщикам пикировать над городом и прицельно сбрасывать свой смертоносный груз.

18 июля

Сегодня Екатерина Александровна сказала мне, что они с мужем будут пробираться к своим, под Вологду. Степан Григорьевич, узнав обстановку на фронтах, торопит ее с отъездом.

В прошлом году мы с Сашетой на лето ездили с ними на реку Пашу. Степан Григорьевич – специалист по лесу, и каждое лето уезжает в экспедицию к лесным массивам для их изучения и учета. Свою семью он берет с собой, а так как нас с Надей «водой не разольешь», то и мы с бабушкой ездили с ними. Отряд экспедиции расположился в небольшой деревушке. Природа на Паше великолепная! Особенно меня поразили бескрайние сосновые боры, в которых белых грибов столько – словно их посеяли. К борам шли по лесной дороге два, два

с половиной километра. У обочины дороги с обеих сторон гуськом стояли яркие подосиновики. Они словно специально вышли из леса и просились к нам в корзинки. Вдали яркие шляпки сливались в оранжевый бордюр. Я никогда не видела столько грибов. Но мы проходили мимо, а наши мальчишки, подбирая с дороги куски глины, сбивали грибы, громко горлая при очередном попадании. Неужели это было только год назад?

В этом году Надю с бабушкой и домработницей родители отправили в начале июня под Вологду и собирались выехать к ним в середине июля. Мы с Сашетой планировали поехать вместе с ними. Таким образом, я на месяц рассталась с Надей, но этот месяц, видимо, затянется до конца войны. Теперь Екатерина Александровна и Степан Григорьевич торопились соединиться с семьей (кроме Нади, у них еще семилетний Игорек и двухлетняя Лена) и успокоить старую бабушку, которая страшно боится остаться в чужом доме с детьми.

Включила радио, а там поют новую песню: «Вставай, страна огромная...». Сколько в ней силы!

20 июля

Уже заметно темнеет по вечерам, но ребята не расходятся со двора до появления аэростатов. Мы оставили шумные игры, теперь чаще сидим на скамейках под грушей в третьем дворе. Тихо разговариваем. Раньше играли в карты, но их у нас отобрали. Тогда я нарисовала 36 карт на папиных визитных карточках. Они из белого картона с закругленными уголками и золотым обрезами. С одной стороны красивым почерком написано: Зимницкий Карл Игнатьевич, а другая сторона – чистая. Но и эти карты у нас отобрали милиционер дядя Саша. Теперь, может быть, принесет к нам домой. Папа умер два года тому назад⁴, а мой отчим

Галина Зимницкая с дочерью Инной.

Фото 1956 г.

Из архива И. А. Черноморской

⁴ Карл Иванович Зимницкий родился в 1885 г., был родом из Виленской губернии. После службы в армии в родную деревню не возвратился. Уехал в Петроград учиться на слесаря-лекальщика. Вскоре стал революционером, вступил в партию большевиков. После революции во время Гражданской войны воевал в отрядах красных партизан. После окончания войны работал на разных участках трудового фронта – куда посылала партия: организовывал

*Галина Карловна Зимницкая.
Фото 1956 г. Из архива
И. А. Черноморской*

дядя Миша – славный человек и ругать не будет.

Геня сказал, что его сестра Вера проводила своего мужа на фронт (он имеет высокий чин). Много судачили о ее скороспелом замужестве. Вера выскочила замуж сразу после окончания 10-го класса, ей 18 лет. А он – 38-летний вдовец. Расписались они 20-го июня, и вот уже разлука. Когда-то они снова встретятся?

Много говорим о делах на фронте. А дела эти не радуют. Подошел к нам тот самый милиционер дядя Саша. Сказал, что нам пора идти домой. Еще рассказал, что сейчас враги засылают в город шпионов распространять ложные слухи об успехах фашистов под Ленинградом, сеять панику среди населения. Надо быть бдительными и если что заметим, сразу сообщить ему или в милицию.

В небо поползли раздутые, темные на фоне меркнувшего заката аэростаты. В окно с лестницы мама позвала Диму Шокина. Он сразу прервал разговор, стал прощаться. «Подожди, Дима, – сказала я. – Минут через пять все пойдем по домам». Но он уже пошел. Тогда я спросила: «И что ты ее так боишься?». Потому что более кроткого и тихого существа, чем Димины мама, я не встречала. А Дима на это мне ответил: «Я не боюсь, я ее уважаю». Славный Дима – мальчик умный, прямой. Немного заикается, худощав и лицом некрасив, но привлекает своим прямодушием и добротой. Я восхищаюсь Димой и Геней, а сама не такая. По выражению бабушки, «все время лягаюсь».

бани, а впоследствии (1922–1925 гг.) стал директором банного треста Петрограда. Затем его направили на восстановление фабрики «Нева», где он стал красным директором (1925–1929 гг.). Следующим этапом стала его работа по организации МТС под Волосово. В 1934 г. вернулся в Ленинград на работу по своей специальности слесаря-лекальщика на завод «Прогресс» (1934–1937 гг.). Во время пика сталинских репрессий пострадал за свою национальность – он был поляком или литовцем. Его уволили с военного завода за «неблагонадежность». После этого больше года не мог устроиться на работу, жил в ожидании ареста, и только старый товарищ по партизанскому отряду не побоялся взять его на картонную фабрику, где работали одни инвалиды. Карл Зимницкий не смог пережить такой несправедливости от властей, вскоре тяжело заболел. Сильно подействовал на него и арест его брата Игнатия в 1937 года (осужден на «10 лет без права переписки»). 11 мая 1939 года Карл Зимницкий умер.

22 июля

Вот уже месяц идет война. А кажется, прошел год. Говорят, на оборонных работах есть жертвы обстрелов. От наших нет никаких известий. Бабушка тайком вздыхает, я же ее подбадриваю, говорю, что такие слухи распускают шпионы. На крыше дома (по Сердобольской, 2В) построили великолепный «ящик» с бортами, доходящими мне до подбородка. Он покрашен коричневой краской под цвет крыши. Теперь во время тревоги мы лезем на крышу и из ящика обзираем окрестности Выборгской стороны. Однажды мы устроились там потанцевать, но пришел Геня и сказал, что со своим патефоном выглядим просто глупо. Он испортил нам настроение, и мы разошлись по домам.

26 июля

Сегодня Сашета разбудила меня рано утром и повела на Светлановский рынок. Еще вчера она прознала, что там будут продавать конину. «Хорошее мясо! Особенно хороши из конины котлеты, – хвалила бабушка. – С продуктами становится трудно, а мы с тобой на двоих купим». Два дня назад возвратились с оборонных работ мама и отчим. Наша семья опять увеличилась вдвое.

Так как нет маскировочных штор, то вместо обычных лампочек ввернули синие. Это какой-то ужас! Не передать, как это угнетает. Бабушка мается больше моего, говорит, что от такого света у нее разболелись глаза и голова. Я предложила закрыть в прихожую все двери и по вечерам сидеть здесь при полном освещении. Отчим похвалил меня за находчивость.

28 июля

Только что пришла бабушка и сказала, что у Ферковичей плохие вести от Влади. На оборонных работах на них внезапно выскочили немецкие танки. Тяжелораненый Слава находится в полевом госпитале, и Владя при нем. Подробности этого случая не известны. Ферковичам передали короткую записку, поспешно написанную Владей.

*Галина Карловна Зимницкая.
Фото начала 1950-х гг. Из архива
И. А. Черноморской*

30 июля

Сегодня мама и дядя Миша пришли с работы очень расстроенные (они работают на заводе «Прогресс»). Им объявили, что завод срочно эвакуируют. Ехать нам всем. Сердце мое оборвалось от такого сообщения. Уехать из Ленинграда! Расстаться с ребятами, со всеми нашими делами!

Для чего я училась перевязывать раненых? Для чего мне дядя Миша принес детский противогаз? И вдруг бабушка, моя милая Сашета, заявляет, что она остается в городе и не сдвинется с места, что бы ни было. Тогда я тоже заявляю, что остаюсь с бабушкой. На протест мамы у меня истерика. Давно я так не ревела! Родители опешили и ушли в спальню совещаться. Что будет? Я твердо решила не ехать.

2 августа

Мы с бабушкой «перетянули». Мама и дядя Миша остаются с нами. Оказывается, на заводе продолжают работать некоторые цеха, изготавливающие продукцию для ленинградского фронта. Мама работает на револьверном станке, она нужна здесь. Отчим – настройщик станков – тоже пригодился. Все уладилось, родители повеселели. Они признались, что тоже не хотели уезжать.

Вчера получила письма от Нади. Она сообщает, что родители благополучно добрались к ним в Покровское. Екатерина Александровна работает в госпитале, Степан Григорьевич лежит в том же госпитале с обострением язвы желудка. «Ты не представляешь себе, как я скучаю по Ленинграду! – пишет Надя. – Как я хочу быть с вами. Когда слышу по радио слово „Ленинград“, сердце мое сильно бьется, перехватывает дыхание. Пиши мне чаще, милая Галка!».

4 августа

Из-за грозящей нашей семье эвакуации я забыла написать про котлеты из конины. Они, действительно, как и обещала Сашета, были вкусными, словно из обычного мяса, только чуть темнее.

6 августа

Участились тревоги. Город меняет свое лицо. Заложили мешками с песком витрины магазинов, укрывают памятники и скульптуры. Как-то мы с мамой поехали в выходной в центр, хотели купить что-нибудь из одежды и маскировочные шторы. Но тревоги нам все испортили. Мы только и бегали по бомбоубежищам, прятались в подворотнях. Хотя на улице и тихо, хождение во время тревог запрещено.

Сегодня меня, Иру Малиновскую и Веру Писакину вызвали в жакт. Оказывается, жильцы нашего дома собрали деньги на подарки для фронтовиков. Нам поручили проехать по магазинам с Марией Ивановной Осиповой и помочь ей с покупками. Мы решили в каждую посылку вложить письмо. Наверное, бойцам будет приятно получить подарки и теплые слова от ленинградцев.

8 августа

Вчера мы удачно съездили за покупками. У Марии Ивановны было ходатайство из жакта, поэтому в магазинах шли нам навстречу. Мы купили хорошего душистого мыла, папирос, табаку, шарфы и одеколон. Так удачно все сложилось, даже тревога была одна, и та продолжалась недолго.

Сегодня с утра писали письма, содержание почти одно и то же, а адреса разные. Ира кончила семь классов, поэтому мы давали ей наши «сочинения» на проверку. Она ругала нас за ошибки, заставляла переписывать все начисто. Мы застряли с письмами до позднего вечера.

Пришла с работы тетя Леля (Ирина мама). Напоила нас чаем с коржиками. Какая молодая у Иры мама! Как старшая сестренка, и сходство между ними необыкновенное. Тетя Леля всегда модно одета, очень следит за своей внешностью. Иру одевает тоже хорошо. Не богато, но очень как-то ладненько и со вкусом.

Ира мечтала о балете, но тетя Леля ее отговорила. Может быть, зря? Ира хорошо сложена, гибкая, у нее хороший музыкальный слух. Отец Иры умер от туберкулеза, и тетя Леля очень боялась за Иру. Ей нужно хорошо питаться, а в балете сидят на голодном пайке. Здесь она, конечно, права.

10 августа

Вчера вернулась домой Владя. Вот что случилось с ними на оборонных работах. На участок, где они копали окопы, неожиданно выскочили немецкие танки. Владя и Слава заползли в кусты. На полном ходу два танка промчались через поле, оставив на нем убитых и раненых, и скрылись за холмами. Один танк задел кусты и раздавил Славе ноги. Сейчас Слава лежит в ленинградском госпитале.

15 августа

С каждым днем мне все труднее писать дневник. Неужели брошу? Правда, эти дни проходят однообразно, без особых событий. Дежурства в медпункте идут своим чередом, занятия кончились с отъездом Екатерины Александровны. Если заглянуть в наши души, то, наверняка, все хотят испытать хоть чуть-чуть боевой обстановки (бомбежки) и попробовать свое умение на раненых. Хотя это глупо.

Вчера уехали из Ленинграда две семьи, а значит, мы попрощались с Гаем Шевеленко и Володей Пашко. Гай начитанный мальчик, всегда делился с нами самым интересным, советовал, что прочитать. У него была мечта, даже цель – стать танкистом. Володя был нашим затейником в играх. Любую игру он превращал в театрализованное представление. А что он вытворял на качелях «Гигантские шаги! Правда, иногда на Вовку находило, и он начинал задираться: дергал меня за косы, больно бил мячом по ногам. «Володька, ведь больно!» – зывала я со слезами в голосе. Однажды Ира мне сказала, что это у Володи так

проявляется симпатия ко мне: «Он в тебя влюблен, а ты не замечаешь». Конечно, я не замечаю, потому что больше поглядываю на Геню. Он притягивал меня с раннего детства. Бабушка это замечала и часто говорила: «Иди, иди во двор, этот белобрысый Генька уже давно там».

21 августа

Мой день рождения. «Стукнуло» 14 лет.

Сегодня все читают в газетах и говорят об обращении Жданова и Ворошилова к ленинградцам⁵. В обращении говорится об опасности, надвигающейся на нас. Значит, на фронтах стало еще хуже. У всех на лицах боль и тревога. Но в городе все спокойно, никакой суеты. Работают магазины, кино, театры. В центре города витрины больших магазинов завалены мешками с песком и обшиты досками. На шпиль Петропавловского собора надели чехол серого цвета, над некоторыми домами натянуты маскировочные сетки, а стены больших зданий разрисованы пятнистыми желто-зелеными разводами. В парках, скверах и на газонах прорыты щели или траншеи. Тревоги замучили своей частотой. Но пока не бомбят.

26 августа

Сегодня нас «мобилизовали» на уборку картошки. В связи с приближением фронта ее надо срочно выкопать. Едем в поселок Грузино. Это недалеко от Ленинграда по токсовскому направлению. Наших собралось 13 человек (оказывается, это «чертова дюжина»). Едут: Нина Галоцкая, Вера Писакина, Галя Свиглинская, Ира Малиновская, Вера Гладкова, Геня Прокопюк, Леша Жуковский, Паша (новенький), Алешка, Дима Шокин, Дима Ионов, Леля Феркович, Люся Курьяк и тетя Фаня (мама Димы Ионова). Отправляемся завтра утром на сборный пункт (Батенина ул.). Родители нас отпускают без лишних слов. Вот что значит война!

12 сентября

Вчера вернулась с картошки, вернее сказать, нас вернули. Мы уехали из Грузино, не закончив уборку. Видимо, фронт еще приблизился к Ленинграду. В Грузино я ничего не записывала. Не хотела, чтобы ребята знали о моем дневнике. Да записи и не требовались. Каждый день запомнился мне надолго. Опишу все по порядку.

Приехали в Грузино спецпоездом. Небольшой митинг на привокзальной площади, затем пошли располагаться на жительство. Поселок выглядел уныло.

⁵ Обращение «Ко всем трудящимся города Ленина», подписанное К. Ворошиловым, А. Ждановым и П. Попковым, начиналось словами: «Над нашим родным и любимым городом нависла непосредственная угроза нападения немецко-фашистских войск. Враг пытается проникнуть в Ленинград». Заключительные слова обращения звучали следующим образом: «Будем стойки до конца! Не жалея жизни, будем биться с врагом, разобьем и уничтожим его... Победа будет за нами!».

Все население уехало, в домах двери настежь. Во дворах лежат внутренности забитой скотины, летают клочки бумаги, валяются мелкие вещи, жужжат привлекаемые вонью мухи. Здесь впервые мое сердце тревожно забилося и заныло от горя и от вида разрухи. Молча ходили мы от дома к дому. Наконец, нашли хатку без потрохов во дворе. Начали устраиваться. Пока все разобрали, вымели, разложили по местам, стемнело. Есть захотелось ужасно.

Чувствуем, что способны съесть все, что привезли с собой. Геня предложил пойти в лес за грибами. Лес зловеще чернел невдалеке, у края поля. Взяли электрические фонарики, ведра и пошли. В душе я не верила, что мы что-нибудь найдем. Каково же было мое удивление, когда под слабыми лучами фонариков возникли великолепные подберезовики. Ведра быстро наполнились, и мы вернулись к своему новому очагу. Нас встретили уютное жилище, горел электрический свет, топилась плита. Насытившись, мы приободрились, повеселели. Еще долго не ложились бы, но наша тетя Фаня велела спать. Пришлось подчиниться.

Когда мы впервые пришли на картофельное поле, оно показалось нам бесконечным. А картошка уродилась великолепная! Ох, как трудно пришлось нам в первые дни! Болели руки, ноги, спина. Работали с восьми часов утра до восьми часов вечера с двухчасовым перерывом на обед. Самое трудное было – заставить себя выйти в поле после обеда. В обеденные часы мы, наскоро перекусив, в основном, картошкой, лежали словно трупы. Но постепенно все наладилось. Боль в теле исчезла, чувствовали только усталость.

О воздушной тревоге узнавали по стрельбе зениток. Однажды, во время сильного зенитного огня, мы залегли в картошку. Я лежала в борозде и смотрела в небо. Там, на большой высоте, медленно плыли фашистские самолеты, моторы прерывисто рычали. Стервятников было много. Они шли ровным строем, как на параде. Поняв, что они нацелились только на Ленинград, мы поднялись и продолжили работу. Вдруг рядом что-то зашипело. Мы смотрим: большой плоский осколок от зенитного снаряда упал прямо на огромную картофелину, которую мы отложили как редкий экземпляр, и зажарил ее. Лешка хотел взять осколок, но с визгом отдернул руку – осколок был горячий. Потом он бегал по полю и давал всем понюхать зарумяненную картофелину. Она, действительно, пахла жареным. Все удивлялись такому точному попаданию и только позже осознали, что осколок мог попасть в кого-то из нас.

Обратно немецкие самолеты летели, как перепуганная стая ворон. На следующий день мы узнали от военных, что вражеским самолетам удалось прорваться в город и сбросить бомбы.

Вечером мы забрались на крышу сарая и вглядывались в сторону Ленинграда. Но неестественно яркий закат, охвативший полнеба, мешал нам увидеть зарево пожаров.

В последующие дни немецкие самолеты все чаще и чаще пролетали над нами. Все сильнее и сильнее били зенитки, но мы привыкли к такой «музыке» и не обращали на нее внимания. К сожалению, наша тетя Фаня боялась стрельбы ужасно. Она стала раздражительной, часто плакала. Однажды, когда мы шли через поселок по пыльной заезженной дороге, загрохотали, заколотили зенитки. Ошавев от страха, тетя Фаня забежала в ближнюю хатку, но не прошло и минуты, как она с криком выскочила оттуда, а за ней катилась банная шайка. Оказалось, что она заскочила в баню, где мылись солдаты. Это было последней каплей, переполнившей чашу ее терпения. На следующий день они с сыном уехали.

Осень стояла прекрасная: теплая и сухая. Но по вечерам в низины заползал легкий слоистый туман, холодало. Поужинав, как обычно, картошкой, ребята садились на бревна, лежащие у дороги, и молча смотрели в сторону города. Мы тревожились за наших родных, за Ленинград. Долго сидели мы на бревнах, было тихо-тихо, только где-то далеко звучала строевая песня:

*«Эх вы, поля, зеленые поля,
Красна кавалерия садится на коня...».*

Как-то во время обеденного перерыва мы гуляли по поселку, зашли в заброшенный сад, наелись черной смородины. Пошли дальше и оказались около школы. В отличие от частных домов, в школе сохранился полный порядок, хотя дверь была не заперта. В кабинете зоологии и ботаники на окне стоял микроскоп. В школе был такой знакомый и неповторимый мирный запах, что у меня защемило сердце. Так захотелось учиться!

Пока мы с девочками рассматривали учебные пособия, наши мальчики быстро бежали школу и спустились в подвал. Оттуда они вышли, обвешенные настоящими гранатами. Хоть глядеть на них было некому, все равно они, гордо подняв головы, пошли по поселку, на несколько шагов опережая нас, как вооруженная охрана. Лимонки, подвешенные к поясам, качались в такт четким шагам.

Но шагали так мальчики недолго: первый встреченный военный быстро разоружил ребят и попросил показать, где они взяли гранаты. Оказалось, что в школьном подвале кто-то «забыл» целый ящик лимонок. Гранаты перенесли в военную часть. На территорию нас не пустили, зато к нам вышел командир. Мы поговорили, сидя прямо на траве. От него мы узнали, что вот уже несколько дней Ленинград подвергается бомбежкам, самая большая была 8 сентября. Мы попросили у командира немного соли. Он что-то сказал дежурному, и через несколько минут нам вынесли две буханки хлеба, соленую треску и пакетик соли. Мы не стали отказываться, так как давно ели картошку без хлеба.

В этот же день мы вынуждены были покинуть наш обжитой дом, так как вернулась хозяйка, злая и крикливая. Она приказала нам освободить помещение.

Мы, как бродяги, пошли искать пристанище. За поселком, у околицы, облюбовали колхозный сарай довольно больших размеров. В нем лежало немного сена. Решили, что мальчики будут спать внизу, а девочки – под крышей. С этого дня нам стало совсем плохо. Варить картошку было негде, ели только печеную, да и та была наполовину сырая, наполовину горелая. Ночью дрожали от холода. Особенно холодно было мальчикам: из-за больших щелей в полу сарая снизу сильно задувало.

Согревались мы только на работе.

На третий день после нашего переселения на поле прибежал связной и сказал, чтобы все немедленно кончали работу и шли на станцию: в Ленинград отходит последний поезд. Мы кинулись собираться и очень скоро были на платформе, где, действительно, нас уже ждал поезд.

В вагоне, и не только в нашем, ехали раненые, повсюду белели свежие повязки с проступающей кровью. Напротив меня сидел боец с перевязанной рукой. Глаза его были закрыты, и только по тому, как менялось его лицо, можно было догадаться, что солдат испытывает сильную боль.

Через некоторое время по обеим сторонам дороги мы увидели взрывы. Не знаю, что это было – обстрел или бомбежка, но поезд не остановился. Вскоре дорога пошла лесом, и больше никаких ЧП в пути с нами не произошло. Около пяти часов вечера мы были уже дома, к большой радости наших родителей. Они очень волновались, что нас оставила тетя Фаня и, судя по ее рассказам, уже не чаяли с нами увидаться.

13 сентября

9 сентября разбомбили Бадаевские склады с большим запасом продуктов питания и аттракцион «Американские горы», где тоже были укрыты запасы муки и крупы. С продуктами стало совсем плохо. Еда очень скудная и однообразная, а аппетит увеличивается с каждым днем. Мама берет с собой на работу бидон под суп. Суп дают в заводской столовой, но родители его не едят, приносят домой. Сашета говорит, что она еще не чувствует недостатка в еде. А уже чувствую, да ещё как!

С 15 сентября начинаем ходить в школу! Многие школы, в том числе и моя, на Английском проспекте⁶, переоборудованы под госпитали. Буду учиться в школе на Сердобольской улице.

19 сентября

Сегодня была ужасная бомбежка! Как всегда с завыванием sireны я помчалась на крышу. Вскоре в «ящике» собралась вся наша компания. Был ясный солнечный день, прозрачный и теплый. Я видела, как из трамваев, остановившихся

⁶ Английский проспект в Лесном – с 1952 г. улица Пархоменко.

по тревоге, выходили люди и скрывались в парке Лесотехнической академии. Вскоре улица опустела. И тут началось...

Сначала захлопали зенитки, потом закачался, запрыгал наш дом. Что-то выло, трещало и бухало. Мы залегли в «ящике», я очень испугалась.

Когда все стихло, ребята спустились на чердак, проверили, нет ли «зажигалок», и разошлись. Вскоре стало известно, что много бомб попало в парк, где укрывались люди. В окно было видно, как подъезжали одна за другой «Скорые помощи» и увозили раненых. Еще подъезжали грузовики, в них складывали убитых. Несмотря на то, что люди укрылись в траншеях, жертв было много из-за прямого попадания. Не нравится мне такое укрытие, и я туда никогда не полезу.

Удивительно, что почти все бомбы сброшены в парк. Почему «фрицы» так прицельно его бомбили? Самое ужасное, что мы забыли о медпункте, о помощи раненым, и только три старшие девочки участвовали в оказании помощи.

22 сентября

Сегодня к нам пришла Евгения Трофимовна. Эта седая старушка, бывшая барынька, очень несчастна в своей судьбе.

Когда-то еще до революции она с семьей жила в городе Старый Оскол. Всей семьей мечтали перебраться в Петроград, но это не удавалось. Наконец, незадолго до революции, их мечта осуществилась: муж получил перевод в город их мечты. Но вскоре после переезда он погиб в железнодорожной катастрофе. Заболела скоротечной чахоткой и умерла единственная дочь. И вот Евгения Трофимовна одна. За много лет она не нашла друзей, и оказывается, что мы теперь для нее – самые близкие. До войны Е. Т. шила мне платья, перешивала мамины старые пальто. И вот теперь, в возрасте 76-ти лет, она попросилась к нам в семью.

За обедом, обсудив ситуацию, мы пришли к выводу, что надо хоть немного согреть ее одинокую старость. Дядя Миша спустился к ней на второй этаж и принес холщовый чемодан, большую корзину и еще кое-что из необходимых вещей. Е. Т. принесла красивую старинную деревянную шкатулку с документами и дорогими письмами. Я уступила ей свой диван и перешла спать на раскладушку. Бабушка дала мне шикарную перину. Если не лениться и взбивать ее хорошенько перед сном, то получаешь ощущение возложения на облаке.

6 октября

Утром, когда мама и дядя Миша собирались на работу, а я еще лежала в постели, началась бомбежка. Не успела отвыть сирена, дом закачало, затрясло. Заухали взрывы, захлопали зенитки. Мама побежала к выходной двери, вернулась за мной, уговаривая встать и спуститься вниз. Дядя Миша присел в прихожей за дверь. Я сидела на постели и, ясно сознавая, что делается в квартире, глупо хихикала.

При очередном ударе треснули и посыпались стекла, в комнату проник вонючий туман. Быстро накинув на себя пальто, я в тапках выскочила на лестницу. С верхних этажей буквально кубарем катились жильцы. Я не могла с места влиться в этот живой поток и остановилась в дверях. Когда лавина иссякла, кто-то взял меня за руку и сказал: «Пойдем на крышу». Это был Геня, и я без колебаний первая направилась вверх.

На чердаке было темно и жутко, но Геня крепко сжал меня за руку. Наконец-то мы в «яшике». Я осмотрелась. Было раннее утро, едва светало. Сразу бросились в глаза взлетающие где-то в парке и за некоторыми домами сигнальные ракеты. Это шпионы, а, может быть, и предатели помогали врагу прицельно бомбить наши самые важные объекты. Подумалось: мало того, что город со всех сторон окружен немцами, враги даже среди нас! Как их выследить, обезвредить? Я посмотрела на Геню. Его лицо ожесточилось, повзрослело, только непослушная золотистая волна волос все так же спускалась на лоб. Самолеты отогнали, стрельба стала стихать, а мы с Геней все стояли и смотрели на темный затаившийся город с предательскими ракетами.

Днем выяснилось, что ни одна бомба не попала в цель. Единственное попадание – в канализационный люк. О человеческих жертвах тоже не было слышно.

7 октября

Зашла к дяде. После смерти отца, я чувствую необходимость чаще видеть его родного брата Владислава. Они внешне очень похожи, но совсем разные по духу.

Мой папа был настоящим революционером, красным партизаном, работал в числе «двадцатипятипятисычников» по организации колхозов и МТС. В него стреляли, однажды чуть не зарубили лопатами враги. Жизнь ему спас конь. Орлик почти с места перемахнул через изгородь и унес папу от погони. У нас дома было два револьвера. С одним отец ездил по району, другой лежал под подушкой и предназначался для нашей самообороны, когда мы оставались дома одни. Не представляю, как выглядела бы эта «оборона», так как мама, перекладывая оружие с места на место, бралась за него двумя пальцами.

Дядя Владислав сочувствовал коммунистам, и только. Он работал в пекарне и ни во что не вмешивался. Несмотря на разницу во взглядах, папа был очень привязан к брату.

У дома дяди меня окликнула его дочь Зоя. У нее было печальное лицо, в глазах стояли слезы. Несколько дней назад пропал их любимый кот Кузька, а сегодня нашли за дровами его ярко-рыжую голову. Мне иногда попадались на глаза кошачьи головы, но только сейчас дошло, что начали есть кошек. Собак тоже не видно.

10 октября

Учусь, хожу за хлебом, стараюсь лучше отоварить наши продуктовые карточки. Сейчас на мясные талоны отпускают яичный порошок, вместо сахара

дают курагу, вместо крупы – маисовую муку, а вместо свежих овощей – сушеные. Это, конечно, не очень хорошая замена. Вот я и ищу, где дадут что-нибудь посущественнее.

На днях мы с мамой зашли в Выборгский универмаг, посмотреть, что там есть. Увидели купальные костюмы из черного сатина с голубой отделкой и кокетливыми резиночками по бокам. Купили себе по купальнику. Продавщица смотрела на нас как на чокнутых или знающих великую тайну конца войны. Нет, ничего мы не знаем, просто надеемся дожить до мирных дней.

Однако наши опять отступают: войска оставили город Орел.

15 октября

Почти из всех окон торчат трубы, похожие на самоварные. Вместо ставших холодными батарей парового отопления и обычных печей, требующих много дров, отапливаются «буржуйками». Это – маленькие железные печурки. Они потребляют меньше дров, быстрее нагреваются (но и охлаждаются). На «буржуйке» можно вскипятить воду, сварить суп.

В нашем доме почти все перед самой войной запаслись дровами. Построили новые сараи, а Степан Григорьевич (Надин отчим) выхлопотал, чтобы дрова доставили прямо к дому по железной дороге. Наш дом стоит у самой насыпи. Жильцы разгрузили большой вагон, завалив дровами весь двор. Потом их разделили и убрали в сараи. Наш сарай забит до самой двери. Половина дров уже распилена и расколота. Поэтому мы топим нормальную печь (она на две комнаты) и подтапливаем плиту для тепла на кухне и в Сашетиной комнате.

Обычно затапливаем печку вечером и все располагаемся у открытой дверцы. По комнате пляшут красные блики, розовеют наши худые бледные лица. Дядя Миша подшучивает над мамой, называет ее «лапушкой» или «горошинкой». Мама – маленького роста. До войны она была полненькая, но теперь сильно похудела и подурнела. Отчим же словно и не замечает этого – все Лапушка да Горошинка! Трофимовна почти не сходит с дивана. Стол специально придвинули ближе. Сядет, поест, попьет и опять на боковую. Она говорит, что голода совсем не чувствует. Ест мало, больше пьет чай с сахаром вприкуску. Сахара и чая у нее свой запас. Лицо у Трофимовны розовое и круглое. Пожалуй, из всех нас одна она не изменилась. Бабушка постепенно, медленно худеет, но ей худеть до дистрофика еще долго: полноты у нее было на троих. Сашета меньше нас страдает от недостатка питания и находит в себе силы делить продукты на два-три дня, а не съедать их сразу. В этом она у нас признанный командир.

18 октября

Чтобы не скучать по вечерам, мама достала из комода тонкую белую материю и раскроила из нее женские нижние сорочки. Аккуратно, через копирку, нанесла ажурный бледный рисунок, и мы принялись вышивать. Мне нравится

накладывать на материю ровные, плотные стежки, точно повторяя рисунок. Еще до войны я научилась вышивать крестиком и делать ажурные мережки, а теперь осваиваю ришелье и вышивку гладью. Вечера проходят с пользой, да и беседе эта работа не мешает.

Во время тревог мама и отчим спускаются вниз. Я, бабушка и Трофимовна остаемся дома. Уверена, что дядя Миша спускается из-за мамы. «Лапушка» панически боится обстрелов и бомбежек.

21 октября

Вчера в Лесотехническом парке поймали ракетчика. Помогли милиции наши мальчишки. Не знаю, как они там оказались. После того налета, когда из парка вынесли не один десяток трупов, мы туда больше не ходили. Боялись, что в каждой траншее нам будут мерещиться убитые.

И все же Геня, Дима и Алешка бегали там и заметили, что около одной траншеи набросаны горелые спички и окурки. Это показалось им подозрительным, и они сказали об этом нашему милиционеру. Там устроили засаду и поймали вредителя на месте преступления, когда он выпускал очередную, оказавшуюся для него последней, ракету.

23 октября

Стараюсь учиться хорошо. Но если честно признаться, все мысли о большой перемене, во время которой в столовке нам дают тарелку жидкого супа и кусочек хлеба.

Как и прежде, собираемся вечерами под грушей. О танцах теперь никто не вспоминает. Геня сказал, что его сестра давно не получает писем от мужа. Вера Писакина пожаловалась, что нет писем от братьев. Теперь наши разговоры только о событиях на фронте, об оставленных городах, о приходящих в наш дом похоронках и о письмах с фронта. О еде не говорим никогда.

25 октября

Сегодня ходили к нашей бывшей школе, в которой теперь госпиталь. Как раз было поступление раненых. Как это ужасно! Молодые красивые мужчины покалечены на всю жизнь. И сколько их таких. Оказывается, то, что мы слышим, как отдаленные раскаты грома, для солдат являются жестокими боями. Вот чего стоит наша более или менее спокойная жизнь в городе.

Завтра пойдем проситься в госпиталь хоть на какую-нибудь работу по вечерам.

26 октября

Побывали в двух госпиталях, но нас не взяли из-за возраста. Потом пошли в третий большой госпиталь, который разместился в Лесотехнической академии. Наконец, удача – нас согласились взять писарями, так как многие раненые

не могут сами писать письма. Завтра идем с Верой. Я очень волнуюсь. Ведь надо найти в себе силы не показать жалости, не волноваться.

28 октября

В госпитале все обошлось лучшим образом. Привели меня с Верой в палату, где лежали бойцы с забинтованными руками или ногами, были и с завязанными глазами. Однако атмосфера в палате была не унылая, а вполне нормальная, и волнение мое сразу же прошло. Раненые нас приветливо встретили, стали расспрашивать, как мы учимся, интересовались всеми подробностями жизни города.

Быстро освоившись, мы принялись писать под диктовку раненых письма. В тот вечер я написала четыре письма, стараясь не делать ошибок.

30 октября

Очень рада, что хожу в госпиталь. Моя жизнь стала разнообразнее и полнее. Вернувшись из школы, я быстренько доделываю домашнее задание, так как большую часть уроков стараюсь сделать уже в школе, на переменках, и убегаю писать письма.

Не все из наших девочек «прижились» в госпитале. Некоторые после первого посещения больше туда не ходят. А Галя Свиглинская, Ира Малиновская и Леля Феркович собрали для раненых много хороших книг. Мы с Верой отнесли их в госпиталь.

Иногда нам дают несложную работу: скручивать бинты, делать тампоны. Один раз мыли посуду. Взрослые стараются угостить нас чем-нибудь. Но мы с первого дня отказались от еды, и это остается непреклонными. Медсестра уговаривает нас поесть, говорит, что хлеб остается от пайка тяжелобольных или умерших. Но мы не поддаемся, хотя есть очень хочется. Боимся, как бы не подумали, что мы ходим в госпиталь из-за еды.

2 ноября

Старшей медсестре надоело с нами воевать по поводу еды, и она пожаловалась начальству. Главврач был немногословен: «Не будут есть – не пускайте в госпиталь». И сразу стало легче. Теперь мы не испытываем мук отказываться от каши или хлеба.

6 ноября

Сегодня я узнала, что наш милиционер дядя Саша ушел на фронт. А несколько дней назад он взял у меня на время электрический фонарик (память об отце). Мне стало так жалко свой фонарик, что я чуть не заплакала. «Бессовестный, не мог вернуть чужую вещь», – ругалась я под грушей. «О чем ты говоришь! – возмутился Геня. – Может быть, твой фонарик Саше жизнь спасет, а тебе жалко». Я прикусила язык. Как всегда, Геня прав.

Забыла написать, что нам пришло несколько писем с фронта с благодарностью за посылки. Первое письмо пришло тете Насте из 19-й квартиры. Молодой боец писал ей о том, что у него нет родных и близких, а он очень хочет переписываться с девушкой. Тетя Настя передала это письмо Леле Феркович. Теперь Леля читает нам письма с фронта. В письмах солдат Сеня описывает боевую обстановку, рассказывает о страданиях людей, находящихся на оккупированной территории, о голодных и оборванных детях, пробирающихся под пулями к своим, на передовую позицию, за куском хлеба.

7 ноября

День Октябрьской Революции, наш большой праздник. Вчера слушали по радио речь т. Сталина. Говорил он спокойно, с уверенностью в победе. На душе стало радостней. Даже воздушный налет не помешал дослушать т. Сталина до конца. Речь передавали и во время тревоги. А сейчас передают из Москвы парад на Красной площади. Звучат команды, играет оркестр, и это все под самым носом у фашистов.

10 ноября

Сегодня опять убавили хлебный паек. Из-за этого за вечерним чаем произошел неприятный разговор. Мама объявила, что с завтрашнего дня дядя Миша будет есть свой паек полностью. А она будет делить свой хлеб со мной и бабушкой. Отчим беспомощно заморгал глазами (у него замедленная реакция), потом быстро выпалил:

- Я не согласен!
- Ты будешь полностью есть свой хлеб, - упрямо твердила мама.
- Я не могу есть один свой хлеб, Зина.
- Сейчас не время играть в благородство, ты мужик, тебе надо в десять раз больше, чем дают теперь.
- А Галя растет! - возражает отчим.
- Галя подкармливается в госпитале, - не уступала мама.

В этот момент завывла сирена, мама заторопилась на лестницу, встал и отчим. Дверь захлопнулась за ними. Сашета тяжело вздохнула. Вдруг за окном что-то лопнуло. Мы погасили коптилку и подняли маскировочную штору. Что это? С улицы лился желтоватый дрожащий свет. Над землей висела большая осветительная ракета! Все здания, мосты и улицы были хорошо видны.

- Господи, что придумали! - ужаснулась бабушка.

Не успела погаснуть первая ракета, рядом вспыхнула вторая, еще более яркая. Как маленькое солнце, она осветила все кругом, почти не двигаясь с места. Поднялась беспрестанная стрельба.

- Может быть, спустимся вниз? - не выдержала я. Бабушка накинула на меня пальто, дала в руки шапку и выпроводила за дверь. В темноте, держась за перила,

я стала спускаться по лестнице. На нижнем этаже сидели жильцы нашего дома. Я нашла маму и дядю Мишу. Зенитки неистовствовали. «Вот приближается, сейчас грохнет», – подумала я, холодея от страха. Но стрельба продолжалась недолго и вскоре дали отбой. Как ни странно, но бомб вблизи нашего дома не сбросили. Что же тогда немцы разглядывали?

11 ноября

К нам в школу пришел новый учитель истории Павел Петрович, совсем молодой парень. Ходит он, опираясь на палку. На гимнастерке у него медаль «За отвагу».

14 ноября

Мы очень полюбили нашего нового учителя. Павел Петрович приходит в школу раньше всех и разжигает в классах печи. На своем уроке он садится за первую парту к нам лицом и увлекательно рассказывает о разных исторических событиях. Голос у Павла Петровича негромкий, но очень приятный, с хорошей дикцией. Когда он улыбается, то кажется совсем юным.

Во время тревоги учеников выводят из школы и прячут в щелях под большими деревьями. Я, верная своему убеждению не залезать в щели, незаметно остаюсь в вестибюле за колонной и жду, пока все не пойдут назад. Тогда я смешиваюсь с гурьбой ребят и иду в класс.

17 ноября

Сегодня мама не пустила меня в школу. Причина – женский день в «круглой» бане⁷, что бывает не так уж часто. Мы удачно помылись и только вошли в свою квартиру, как наш дом заходил ходуном. Стрельба зениток началась одновременно с сигналом тревоги, и сразу посыпались бомбы. Все началось и кончилось за какие-нибудь пять минут.

После отбоя я побежала к школе. Там уже стояли наши машины скорой помощи. В них грузили носилки с ранеными ребятами, сажали раненых учителей. Бомбежка застала школьников, когда они шли к щелям через Сердобольскую улицу. Убило одного мальчика, который замешкался и стоял, когда все залегли. Тяжело ранило нашего Павла Петровича. Он тоже стоял на дороге и подгонял детей в укрытие. Не везет же человеку!

Много жертв было у станции Ланская. Трупы отнесли за забор, а двое дежурных с красными повязками поджидали машину. Из-под забора текла кровь прямо на панель.

⁷ «Круглая баня», названная так за свою необычную форму, сохранилась до наших дней на площади Мужества. Ее возвели в 1927–1929 гг. по проекту архитектора А. С. Никольского на основе экспериментального проекта. В первую блокадную зиму баня была закрыта из-за отсутствия воды, топлива и электричества, но уже в апреле 1942 года снова стала работать.

20 ноября

По всему городу свирепствуют артобстрелы. Как-то мы с мамой возвращались от бабушки Кати, родной сестры Сашеты. На Лесном проспекте нас застал артобстрел. Услышав вой снаряда, мы присели под каменный выступ Дома специалистов⁸. Но снаряд разорвался где-то на 1-м Муринском проспекте. Мы почти бегом помчались домой. Мама просто ужасно боится бомбежек и обстрелов.

– Мама, смотри на меня. Я нисколько не боюсь, – хвастаюсь я.

– Потому что ты глупа, – отвечает она.

28 ноября

Сегодня встретила Геню. Мы одновременно выносили мусор на помойку. Поздоровались, печально посмотрев друг другу в глаза. От Гени осталась одна тень. Лицо бледное, худое. Он еле передвигается. После уборки картошки в Грузино у него стали болеть ноги. Видимо, он сильно застудил их, когда ночевали в сарае.

Мы молча пошли к дому, молча дошли до моей квартиры, и Геня, не оглянувшись, стал подниматься к себе на шестой этаж. Почему он так плох? Вся их семья еще крепкая. Недавно видела Веру и тетю Настю с Галкой, они выглядят неплохо. Наверно, у Гени все из-за болезни ног.

30 ноября

Зашла к своей школьной подруге Люсе Богдановой. Ее отец и брат на фронте, они живут вдвоем с мамой.

Два дня тому назад им стало жутковато одним в пустом доме (все соседи уехали), и они решили пойти к своим хорошим знакомым, которые живут в «профессорском» доме у Лесотехнической академии.

Поздно вечером, когда они укладывались спать, объявили воздушную тревогу. Сначала стреляли зенитки, а потом их дом потряс огромный по своей силе взрыв. Из окон вылетели стекла, стало темно и дымно. Кое-как завесив окошки, они всю ночь дрожали от холода и страха. Утром узнали, что большая фугасная бомба попала в маленький домик неподалеку и разнесла его в пыль, даже фундамента не осталось. Погибла семья из четырех человек.

Как-то там госпиталь? Бомба разорвалась очень близко.

2 декабря

В госпитале вылетели все стекла, в палатах мрак от фанерных заплат в окнах. Большинство раненых, особенно тяжелых, находятся в бомбоубежище. Срочно

⁸ Дом специалистов – жилой комплекс на Лесном пр., 61, занимающий квартал вдоль Кантемировской ул. от Лесного пр. до Парголовской ул. Построен в 1934–1937 гг. (архитекторы Т.Д. Каценеленбоген, Г.А. Симонов, Б.Р. Рубаненко) для представителей элиты советского общества. В настоящее время является одним из нескольких адресов в Петербурге, где в память о блокаде сохранена надпись «Граждане! При артобстреле эта сторона улицы наиболее опасна!».

ликвидируются последствия налета: вставляются стекла, штукатурятся потолки и стены (местами отвалились большие куски штукатурки).

Медсестра Таня рассказала, что в ту ночь им здорово досталось. От взрывной волны упали и разбились керосиновые лампы, в двух местах начался пожар, который в суматохе не сразу заметили. И все же огонь погасили своими силами до прибытия пожарных.

Один раненый признался мне, что ему на фронте не было так страшно, как здесь: там все ясно, где враг, откуда бьют, куда стрелять, а тут чувствуешь себя загнанным зверем...

Я до позднего вечера помогала убирать мусор из палат, выносила во двор битое стекло, штукатурку, обрезки фанеры.

3 декабря

У нас дома разыгралась настоящая драма. Пришла женщина из квартиры № 3, жена сапожника, мы даже не знаем, как ее звать. Она стала просить маму (бабушка была на работе) спасти ее детей от голодной смерти. Женщина почему-то решила, что у нас есть запас продуктов и умоляла маму насыпать ей хоть немного крупы.

«Розочка умирает, не откажите в помощи», – просила женщина, протягивая чашку. Мама сначала растерялась, стояла и молчала, а женщина, приняв ее растерянность за нежелание поделиться крупой, продолжала умолять маму, стоя на коленях. Тогда мама опомнилась и открыла все дверцы старого буфета и кухонных столов.

– Ищите, ищите, – говорила она. – Что найдете – все ваше...

На полках была идеальная чистота и пустота.

– Да встаньте же с колен!

Но женщина не могла подняться. Мы с мамой взяли ее под руки и посадили на табуретку.

– Разве Вы не заметили, что мой муж еле ходит? Откуда у нас могут быть продукты? – с мягким укором говорила мама.

– Александра Викторовна всегда была очень практичной хозяйкой, и мне казалось... – женщина не договорила. Поверив, что у нас действительно ничего нет, она заплакала, закрыв лицо руками.

Кстати, о наших «запасах». Если не считать навалочку сухарей из всевозможных недоеденных кусочков белого и черного хлеба, которые Сашета не выбрасывала, а подсушивала над плитой (не из-за экономии, а по убеждению, что хлеб грешно выбрасывать), ничего у нас не было. Но и эти сухари уже давно съедены.

4 декабря

Голод сосет днем и ночью. Дядя Миша едва передвигается: у него ослабли ноги. Мама изменилась до неузнаваемости. Бабушка высохла вся и сгорбилась,

но стала подвижнее, чем была. Кожа на ее лице и теле висит тощими складками. Сашета работает в общежитии трампарка им. Калинина кастеляншей, стирает постельное белье, по ночам сушит сырую одежду и обувь. В общем, пропадает там сутками. Так как трамваи не ходят, то вагоновожатые и кондукторы сейчас заняты на разных работах: расчищают дороги от снега, заготавливают дрова и т. п.

Теперь бабушка получает рабочую карточку, но, к сожалению, кроме хлеба по карточкам в магазине пока ничего нет.

Я уже много раз видела, как возят на саночках гробы или зашитые в простыню трупы по направлению к Шуваловскому кладбищу.

У меня образовался нарыв под мышкой. Мама говорит, что это от неправильного обмена веществ. Дядя Миша шутит: «Это от отсутствия каких-либо веществ».

6 декабря

Мама собрала вещи, которые можно обменять на продукты на «черном» рынке. В первую очередь, она взяла каракулевую шапку и полупальто дяди Миши. «Господи! – воскликнула бабушка. – В чем же он у тебя ходить будет?». «Лишь бы ходил, а в чем – это уже второй вопрос», – ответила мама.

С рынка она принесла маленький мешочек пшена и буханку совсем черствого хлеба. «Господи, – опять воскликнула бабушка, – ведь это же ворованный хлеб! За такое сейчас расстрел, и ты пойдешь как сообщница. Зина, неужели ты этого не понимаешь?».

«Понимаю. Но я не могу смотреть, как мы все приближаемся к смерти. Буханка, может быть, и не ворованная, а паек рабочего с хлебозавода. Ты видишь, какая она черствая?» – возражает мама. Бедная моя честная Сашета, как же нам выжить?

7 декабря

Встретила в булочной Люсю Курьяк. Она сказала, что ее отца направили от завода работать в похоронной команде. В городе есть квартиры, где лежат неубранные покойники. Особенно много таких квартир в центре города. Людей там губит не только голод, но и холод, так как нет дров: до войны обогревались паровым отоплением. Сожгли мебель, книги, но этого слишком мало для суровой блокадной зимы.

9 декабря

Сегодня большая радость – наши войска освободили город Тихвин. «Ну, Гитлер, подожди, морозы закрепчают, так дадут тебе не только по зубам, но и по мозгам», – радовался отчим. Он обнял меня, а я взывала от боли, по боку что-то потекло. Это прорвался мой чирей.

11 декабря

Днем в булочной видела ужасную сцену.

Мальчишка лет десяти выхватил у старушки пайку хлеба и сразу начал есть. Женщины бросились отнимать, а он лег на пол, лицом вниз, и, не обращая внимания на обрушившиеся удары, доел хлеб на грязном полу?

Самое ужасное в том, что никто не заступился за ребенка. Полежав немного, воришка встал, вытер рукавом слезы и кровь и ушел грязный, оборванный, может быть, совсем одинокий.

Сейчас мне его жалко до боли в сердце. Где же я была тогда? Стояла, смотрела и молчала.

12 декабря

Мама с отчимом еле ходят. Пока плетутся с работы, проходит два с лишним часа. Они идут от улицы Комсомола по Лесному проспекту, затем сворачивают на проспект Карла Маркса. Бывает, что в дороге их застает обстрел. Тогда они прячутся в какой-нибудь подворотне.

Вечером на улицах кромешная тьма. Чтобы люди не наталкивались друг на друга, продаются «светлячки». Это такие бляшки, размером побольше пятака, светящиеся слабым зеленым или желтым светом. Днем их надо выкладывать на свет, а еще лучше на солнце, тогда бляшки ярче светятся в темноте.

Идешь по улице, а навстречу тебе движутся эти колеблющиеся неяркие кружочки, и только поскрипывание снега под ногами людей напоминает об их присутствии.

13 декабря

Большая победа наших войск под Москвой!

Ради такого праздника мама устроила банный день. Натаскали воды из пруда, хорошо протопили плиту, нагрели целый бак воды. Мылись в корыте. После мытья все порозовели и похорошели. За скудным обедом шутили и смеялись. Особенно веселым был дядя Миша. Он гордился победой под Москвой. Это уже настоящий успех!

Мы радовались как дети. Евгения Трофимовна перекрестилась. Эта она молится за нас. Себе она желает только скорой смерти, чтобы не быть нам в тягость.

14 декабря

Сегодня опять радость: отбили немцев под Волховом! Если так будет, я готова каждый день писать свой дневник.

⁹ «Развилось и своеобразное блокадное воровство, – вспоминал Д. С. Лихачев. – Мальчишки, особенно страдавшие от голода (подросткам нужно больше пищи), бросались на хлеб и сразу начинали его есть. Они не пытались убежать: только бы съесть побольше, пока не отняли. Они заранее поднимали воротники, ожидая побоев, ложились на хлеб и ели, ели, ели. А на лестницах домов ожидали другие вору и у ослабевших отнимали продукты, карточки, паспорта».

*Еще одного жителя блокадного города провожают
в последний путь. Фото Н. Хандогина*

Трупы на улицах города. Фото В. Федосеева, 5 февраля 1942 г.

Павшую лошадь – на еду. Фото Д. Трахтенберга, зима 1942 г.

Мама очень устает. Она на работу и с работы возит отчима на саночках. Руками дядя Миша еще силен, а вот ноги не ходят.

24 декабря

У Иры Малиновской умерла мама. Вчера поздно вечером Ира прибежала за мной. Тетя Леля лежала одетая на диване и часто, часто дышала. Слабо улыбувшись мне, она положила руку на грудь.

«Сегодня мама отработала две смены», – сказала Ира. Вскоре тете Леле стало совсем плохо, она не открывала глаз.

«Может быть, это голодный обморок?» – предположила я. Ира пожала плечами: «В доме ничего нет». Потом она, что-то вспомнив, вышла на кухню. Вернулась Ира с бутылкой в руках. На ее дне темнел портвейн.

Тетя Леля открыла глаза и пристально посмотрела на Иру. Та влила ей в рот чайную ложечку вина. Пульс стал чаще. Когда он пропал, Ира дала маме еще вина. Жизнь опять вспыхнула, затрепетало сердце.

Так было, пока не кончилось вино. Тетя Леля умерла, не сказав ни слова. Милая, красивая, ей не было и 36-ти лет. Ира осталась одна.

26 декабря.

Сегодня мы с мамой опять навестили бабушку Катю. К ней недавно поселили беженку с двумя детьми – четырехлетней Тасей и шестимесячным Вовой. Муж Наты воюет на ленинградском фронте. Ната – молодая, энергичная

Прощание со сверстником. Фото В. Тарасевича, весна 1942 г.

женщина – поступила работать на фабрику имени «Комсомольской правды», а бабушку Катю попросила нянчить детей. Ната приехала из пригорода. Вещей она не взяла никаких, зато продуктов привезла порядочно, вплоть до овощей. Так что голодная смерть им пока не угрожает.

По дороге домой мы видели на снегу мертвую молодую женщину. Она лежала на проезжей части Лесного проспекта, видимо, упала с воза, когда сани с покойниками накренились на ухабе.

Сначала нам показалось, что это лежит манекен из разбитой витрины магазина – так красива была эта женщина. На ней было темное легкое платье с глубоким вырезом. Красивые смуглые руки были сложены на груди, как у певицы. Великолепные темные волосы разметались по грязному снегу. Удивляло ее прелестное, не исхудавшее, чуть скуластое лицо с густыми ресницами. Мы с мамой стояли и смотрели с большой жалостью на эту погибшую красоту, а мимо шли люди и никто не останавливался, не удивлялся ни красоте этой женщины, ни тому, что она лежит посреди дороги. Да это и понятно. Стоят сильные морозы, и люди появляются на улице закутанные в несколько шарфов, платков. Идут сторбленные и смотрят себе под ноги, чтобы не упасть. Если кто упадет, то не всегда сможет подняться. Где уж тут оглядываться по сторонам.

28 декабря

Приближается Новый год. Самый печальный и тоскливый из всех прошедших и, я верю, из всех будущих.

Как его встретить, с кем? Ведь сейчас столько смертей и болезней. Наши ребята сидят дома. Мы уже не бегаем друг к другу, нам не до игр. Ничего не придумать, хочется плакать.

29 декабря

В парадном встретила Генину маму. Поздоровались.

– Приходи с Геней попрощаться.

– А куда вы уезжаете?

– Никуда. Он умер.

Тетя Настя спокойно это сказала, а я тупо уставилась на нее.

– Если хочешь попрощаться, приходи сегодня. Завтра, рано утром, повезем на кладбище.

Я пришла домой и, не раздеваясь, плюхнулась на стул. Геня умер? Геня умер! Вот и конец моей первой детской привязанности, может быть, даже любви. Уж очень мне нравился этот веселый, умный мальчик. Он научил нас быть добрыми, ценить дружбу. Я сидела и думала о Гене как о живом и не могла представить его мертвым.

Прощаться с ним я не пошла, пусть останется в моей памяти только живым. И если мне суждено будет выжить, то я его никогда не забуду.

31 декабря

Через несколько часов Новый год. Но ничто не напоминает об этом. Попив горячей воды с кусочком хлеба, наши домочадцы разошлись по своим комнатам. Я лежала в постели и вспоминала о довоенных новогодних приготовлениях...

Вот мы с мамой принесли домой большую пушистую елку. В квартире густо пахло смолой. Обеденный стол сдвинут к стене и завален елочными игрушками. В муфточки, коробочки и сумочки засыпаем драже и театральный горошек. Шоколадные конфеты в нарядных фантиках вешаем на елку вместе с игрушками... Стоп!

Я вдруг вспоминаю, что большие длинные конфеты, похожие на хлопушки, сохранились из-за яркой красочной обертки. Их уже года два-три вешали на елку. В обертках была пастила, поэтому конфеты были легкими и не оттягивали елочные лапки.

И вот я осознала, что такое сокровище лежит в коробке с игрушками. С воплем «ура!» соскакиваю с постели, зажигаю коптилку, стаскиваю со шкафа коробку и добываю драгоценные конфеты. Их пятнадцать штук!

Мама и бабушка радостно удивляются. Дядя Миша проснулся, но еще не понимает, что случилось. Я ему объясняю. Одеваемся и садимся за стол. Трофимовна отдает нам свой последний чай. Всем досталось по три конфеты!

– Давайте съедим их сегодня все!..

Сашета, экономная, как всегда, две конфеты убрала в буфет.

Хоть пастила высохла в сухарик, все равно вкусно. И по-праздничному.

Горит керосиновая лампа. С Новым 1942 годом! С новыми нашими победами на фронте! Сейчас все хотят только этого. Это первое и главное пожелание друг другу.

А наш милый Геня навсегда остался в 1941 году.

1942

8 января

Утром на лестнице меня поджидала тетя Соня, мать двух маленьких девочек. Она протянула мне три карточки и попросила принести выкупленный хлеб пока к себе домой. «А довесочки можешь съесть. Я потом все объясню», – торопливо сказала она.

Оказалось, что ее муж съедает все, что находит в доме. Куда только ни прятала Соня от него хлеб. Но стоит отвернуться, хлеб бесследно исчезает. А вчера, не стесняясь детей, отобрал жалкий паек прямо на пороге. Дети обречены на голодную смерть.

Помню, как до войны этот молодой отец гулял в парке со своими девочками. Он был очень внимателен к ним и постоянно следил, чтобы дочки не забегали далеко, не промочили ноги.

В голове не укладываются его сегодняшние поступки. Наверное, он свихнулся от голода.

Тетя Соня приводит дочек к нам. На девочках нарядные ярко-красные фланелевые платица в белый горошек. Ужасно их жалко! Девочки такие грустные и тихие. Пьют кипяток, макают свои крохотные пальчики в соль, и откусывают хлеб маленькими кусочками.

Господи, когда все это кончится?..

10 января

Вчера забежала к нам Верочка Писакина. Я ее не видела недели две, хотя живем в одном доме. Из румяной полненькой девочки Верочка превратилась в худого бледного подростка. Вера пришла по делу. Умер отец Леши Жуковского. Леша лежит в больнице, и поэтому его мама, Елена Ивановна, просила всех ребят, кто может, свезти покойника на Шуваловское кладбище. Сама она, больная и слабая, не может. О могиле она договорилась и заплатила хлебом, могильщик поможет похоронить.

Я, конечно, согласилась. И вот сегодня утром мы двинулись к Шуваловскому кладбищу. Гроб везли на двух санках. Впереди тянули Нина и Вера, а я палкой подталкивала сзади. Везли гроб мы медленно, так как сами слабые. На Поклонной горе совсем выбились из сил и решили передохнуть. Вдруг завывла сирена.

Тревога. Ее так давно не было. Где-то далеко забили зенитки. Мы поторопились закончить свой путь.

До кладбища было еще довольно далеко. Теперь на дороге уже не задерживают и не отправляют в убежище. Мы, подгоняемые стрельбой зениток, спешили туда добраться.

На кладбище, в условленном месте, мы не нашли ни могилы, ни могильщика. Контора была закрыта, на наш зов никто не отозвался. Ходить по кладбищу было жутко, так как за оградами и на дорожках лежали зашитые в простыни захороненные трупы. Они были похожи на куколки какого-то огромного насекомого. Нам пришлось оставить гроб, не предав его земле, и отправиться домой.

Мы не стали расстраивать Елену Ивановну, сказали, что похоронили нормально и место могилы хорошо запомнили. Как мы выйдем потом из этого положения? Елена Ивановна пригласила нас на поминки, но мы отказались, сославшись на усталость. Отчасти не хотелось объедать слабую женщину, да и не было настроения из-за вынужденного обмана.

16 января

Дядю Мишу освободили от работы из-за сильной слабости – дистрофии. Мама тоже начала сдавать. На работе теперь дежурит, стоять у станка не может.

Водопровод давно не работает, канализация тоже. За водой ходим на колонку у дома № 105. Для других нужд в туалете стоит ведро.

17 января

Сегодня у меня радость – получила письмо от Нади. Оказывается, не все письма попадают на Большую землю.

Надя писала на листке с картинкой: за елкой спрятались партизаны, а по дороге приближается колонна немецких грузовиков. Внизу написано: «С Новым годом, отважный советский воин! Будь всегда тверд и бесстрашен в борьбе с кровожадным немецким захватчиком! Смерть немецким оккупантам!».

Письмо написано 6 января.

«Галинка, моя милая, дорогая, здравствуй! Уже три месяца не имею от тебя никаких известий. Не знаю, жива ли ты и что с тобой. Я пишу из Вологды. Из Покровского мы уехали месяц назад. Папу перевели работать в Великий Устюг. Мы ехали туда, но в Вологде его мобилизовали в армию. Мы остались здесь жить.

В Вологде спокойно, хотя бывают тревоги. Я не учусь. Там в Покровском школы были закрыты. В Вологде они работают, но теперь начинают учиться слишком поздно.

Жду ответ. Целую. Надя».

Завтра pošлю ей сразу три письма. Нет. Буду опускать их через день. Может быть, хоть одно, да дойдет. Вот только что ей написать? События – одно печальнее другого. Особенно ее огорчит смерть Гени.

18 января

Сегодня утром на лестнице раздался какой-то странный стук. Выглянув за дверь, Сашета сообщила: «Убирают покойников с верхних этажей». «А что это стучит?» – спрашиваю. «Что, что... Покойнички-то промерзшие, как камень, и тащат их за ноги, вот они и стучат по ступенькам. Теперь, милая, нет сил на носилочках носить», – почему-то сердито объяснила мне бабушка. Я зажала уши. К счастью, это все скоро кончилось¹⁰.

19 января

Я стояла у квартиры № 9 и стучала каблуком в дверь. Надо узнать, что с Димой Шокиным. Еле расслышала слабый голос, говорящий, что дверь открыта. В темной и холодной комнате на кровати лежит Дими́на мама. Она и до войны была маленькая, как девочка. Сейчас ее можно было принять за ребенка.

– Где Дима? – спросила я, наклонясь к ней.

– Он умер. А что ты хочешь?

– Да так, давно его не видела. Геня Прокопюк тоже умер.

Дими́на мама вздохнула.

– Мужа убили на фронте, Дима умер, я не могла его спасти. Теперь хочу скорее умереть сама.

Я предложила истопить печку, согреть воды, сходить за хлебом.

«Спасибо, – сказала Дими́на мама. – Не надо». И отвернулась к стене. Я ушла.

29 января

Мы с мамой ходили за водой, а когда вернулись и взглянули на себя в зеркало, то удивились своим раскрасневшимся, румяным лицам. Особенно неестественно выглядел румянец на худом, обтянутом кожей мамином лице. Дядя Миша сидел в большой комнате у печки и разговаривал с Трофимовной. Мы очень обрадовались: значит, ему стало лучше!

Я подошла и протянула руки к огню. Глаза мои встретились с глазами отчима. Я внутренне содрогнулась от его какого-то тоскливого и завистливого взгляда. Дядя Миша сидел, положил руки на палку, и смотрел на меня со смешанным чувством надежды и печали, потом с уверенностью сказал, что во мне еще много жизни, словно упрекнул. И есть за что. Ведь это мы с бабушкой восстали против эвакуации, и еще, осенью, когда дядя Миша был в силе, ему предлагали ехать на Большую землю валить лес, он отказался из-за нас,

¹⁰ Из воспоминаний Д. С. Лихачева: «Трупы умерших от истощения почти не портились: они были такие сухие, что могли лежать долго».

не захотел оставить женщин одних, думал, что с ним маме будет легче. А вот теперь сдал первый.

2 февраля

Ужасно голодно. Живем на одном хлебе, да и тот сырой, как глина, но хоть такого бы побольше.

Мама с бабушкой днем и ночью сохраняют очередь за продуктами. В очереди дают номерки и надо отмечаться. Если завозят продукты, то отоваривают все карточки, даже за прошедший месяц. Недели полторы тому назад продукты в магазин привезли ночью и сразу стали продавать. Было прекрасное мороженое мясо, крупа и масло. Но нам не хватило. Теперь ждем следующего завоза. Очередь бережно сохраняется, особенно боимся прозевать завоз продуктов ночью.

Дядя Миша уже не встает с постели, жалуется на жжение в груди, не спит по ночам. Я заворачиваюсь в свое ватное одеяло и забираюсь к нему на кровать в ноги. Он рад, что я с ним, оживает и рассказывает мне про мирное время, как познакомился с моим отцом, какой он был смелый человек и отличный организатор. Но постепенно его мысли путаются, и у него начинаются галлюцинации. Отчиму кажется, что пришли его товарищи, и он просит меня дать им стулья, оживает и радуется. Затем это возбуждение переходит в сонливость, и он засыпает. Я неподвижно сижу и смотрю на яркие звезды в черном морозном небе. Жду маму.

3 февраля

Мама опять ушла стоять в очереди, бабушка – на работу. Я, как всегда, усесться дяде Мише в ноги. В окне красное расплывшееся солнце висело над крышами. Отчиму было не по себе. Он долго крепился, потом сказал: «Галя, мне очень больно в груди, словно там горит огонь. Я мучаюсь, не могу больше терпеть, дай мне бритву, я перережу себе вены». Я испуганно уставилась на него. «Если ты меня любишь, прошу, дай бритву». Я его, действительно, люблю, но не могла сделать то, что он просил и громко заплакала.

Дядя Миша опомнился, стал меня уговаривать не плакать и не бояться. Хорошо, что мама вскоре вернулась. Я ей все рассказала. «Он скоро умрет, – грустно сказала мама, – он погубил себя какой-то жидкостью, потихоньку сосал, а бутылочку я под подушкой уже пустую нашла. У него, видимо, сожжен пищевод».

Мама раздобыла лекарство, от которого боль в груди у дяди Миши стихала, и он засыпал. Есть он уже не мог, не проглотить было даже суп. «Я боюсь с Мишей спать, – сказала мама, – боюсь, что проснусь, а он уже холодный». И стала спать с бабушкой.

4 февраля

Наконец, в магазин привезли продукты, и мама отоварила карточки за два месяца, она принесла масло, мясо и макароны, но как этого мало на пятерых! На сколько дней Сашете удастся растянуть эти продукты?

7 февраля

Сегодня, когда я дала отчиму лекарство, он подмигнул мне и сказал, что «лапушка» боится с ним спать. «Я ее понимаю, Галченко, все правильно».

Ночью я проснулась от того, что мама тихонько разговаривала с бабушкой, они искали пятаки. Смутная тревога коснулась меня и отлетела. Я заснула. А утром узнала, что умер дядя Миша. Вот и в нашем доме покойник. Его положили к холодной стенке на два стула и доску от раздвижного стола, загородили ширмой. Мама сказала, что не отдаст его в общую могилу, а похоронит на Шуваловском кладбище, рядом с первым мужем (моим отцом).

8 февраля

Сегодня мама ходила на кладбище, чтобы нанять выкопать могилу. Хлебный паек дяди Миши прикапливали для расходов на похороны.

У кладбища маму встретил пожилой мужчина и предложил выкопать могилу за 600 граммов хлеба. Долго долбил мужичек лопатой промерзший слой снега, но до мягкой земли не мог добраться. Мама озябла и забеспокоилась, что засветло он не успеет справиться. Но работник упрямо, изо всех сил тюкал лопатой – уж очень ему хотелось заработать хлеба. Наконец, он изнемог и, сев на сугроб, виновато посмотрел на маму. Она пожалела его и дала кусочек хлеба, а сама пошла искать другого работника. Второй мужичек оказался сильнее, он, видимо, был не новичок в этом деле. Быстро сколол ломом смерзшийся снег, а рыхлая земля с песком уже сама сыпалась ему в лопату¹¹.

9 февраля

На следующий день после смерти отчима управдом привел к нам на жительство беженку Аню с четырехлетней дочкой Тamarой. Они жили недалеко от Кировского завода, их дом разрушил снаряд. Расселяли беженцев по всему нашему дому, но Аня не пошла в пустую квартиру, попросилась к людям. Когда она вошла, мама замялась, не зная, что сказать насчет покойника. Однако Аня не смутилась. «Сейчас везде покойники», – сказала она. И даже пообещала помочь с похоронами. Аня – довольно крепкая для блокадных дней молодая женщина.

¹¹ Из воспоминаний Д. С. Лихачева: «Как хоронить? Надо было отдать несколько буханок хлеба за могилу. Гробы не делали вообще, а могилами торговали. В промерзшей земле трудно было копать могилы для новых и новых трупов тысяч умиравших. И могильщики торговали могилами уже „использованными“: хоронили в могиле, потом вырывали из нее покойника и хоронили второго, потом третьего, четвертого и т. д., а первых выбрасывали в общую могилу».

Вечером мама и Аня зашили покойника в плотную бежевую штору: Аня уговорила маму не покупать гроб.

«Шутка ли сказать, отдать целый килограмм хлеба за лишнюю тяжесть, которую самим же придется тащить», – заявила она.

Теперь на папиной колонке со звездой будет выбито и имя Громова Михаила Абросимовича. «Разве думали два друга, что им придется лежать рядом и так скоро», – вздохнув, сказала мама. Слез я у нее не видела¹².

11 февраля

Опять едим один хлеб. А вчера и хлеба не дали. Говорят, авария на хлебо-заводе. Отстояв длинную очередь, мама получила маленький кулечек белой муки. Сашета развела муку на воде, посолила и спекла несколько плотных, как пряники, лепешек. Каждому по одной – вот и вся еда за день.

Смерть разгулялась вовсю. Она, как невидимка, косит налево и направо.

Видела не один раз, как падали замертво люди прямо на дороге.

12 февраля

Сегодня ко мне зашла Ира Малиновская. После смерти мамы она живет у тетки. Выглядит Ира неплохо. Знакомая ее мамы устроила Иру мыть посуду при стационаре. Ира сдает свою продуктовую карточку и там питается. Я рада за нее.

Аня водит Тамару в трампарковый детсадик на улице Скороходова. До войны она работала кондуктором. «Там ей сытнее», – уверенно говорит Аня. У нее кончились небольшие припасы, и она уговаривает маму пойти в деревню Кудрово к своим дальним родственникам и обменять вещи на картошку. Мама боится, что не дойдет. «Возьмем санки и, в случае чего, я подвезу», – не унимается Аня. И мама соглашается. Пойдут завтра рано утром.

14 февраля

Противопожарный Комсомольский полк (ПКП) набирает бойцов. Принимают и несовершеннолетних. Нина Галоцкая уже там побывала, все узнала и нам сообщила. Пошли оформляться с Галей Свиглинский. Штаб роты Выборгской стороны временно разместился в подвальном помещении дома на 1-м Муринском проспекте. Строгая женщина предупредила нас, что это считается мобилизацией. Вышли на улицу радостные. Думали ли мы, что так скоро будем мобилизованными! Теперь и в Комсомол, наверное, скоро примут!

Только сегодня я разглядела, какая Галя худющая: глаза ввалились, личико клином, кожа серая, пупыристая – настоящий дистрофик.

¹² Из воспоминаний Д. С. Лихачева: «Страха перед трупами не было, родных не оплакивали – слез тоже не было».

15 февраля

Сегодня пришли наши ходоки. Мама принесла мешочек овса (наверное, полкило) и шесть вареных картошек. В деревне на дорогу их покормили картошкой, поджаренной на свином сале. «Я как увидела сковороду с золотистой картошкой и шкварками, – рассказала мама, – у меня комок к горлу подступил, только бы думать, не заплакать. Аня, конечно, наворачивает, а я ведь не у родственников, стесняюсь. Ткнула вилкой раз, другой и сижу. Тогда старичок посмотрел на меня, крикнул и положил мне картошки отдельно на блюде. Обратный путь короче показался, и все из-за жареной картошки, такого добра поела!».

Мы очищаем овес от шкурки, раскатываем зернышки бутылкой в лепешки. Из такого овса Сашета варит овсяный кисель. Не едим его, а принимаем, как лекарство, – по две-три столовых ложки.

18 февраля

Теперь я каждый день хожу в ПКП. Нас обучают пожарному делу, знакомят с противопожарным инвентарем. В нашей роте – из ребят одна зеленая молодежь, не подлежащая мобилизации на фронт, а среди девушек есть и постарше. Нам сообщили, что скоро дадут помещение, и мы перейдем на казарменное положение.

Недавно уехала на Большую землю Верочка Писакина. Семья Шевеленко эвакуировалась еще осенью. Завтра уезжает Леша Жуковский с мамой Еленой Ивановной. Их эвакуируют в обязательном порядке, так как Елена Ивановна по национальности немка. Из нашей «чертовой дюжины» остались Нина Галоцкая, Галя Свиглинская, Ира и Вера Гладкова.

20 февраля

Нашей роте отвели деревянные бараки в конце Английского проспекта¹³. Построены они не по обычному коридорному типу. При входе прямо с лестницы на первом и втором этажах расположено обширное помещение. Налево и направо небольшие коридоры ведут в комнаты. В доме два подъезда. До войны это было общежитие студентов Лесотехнической академии. В небольших комнатах стоят койки с матрасами. На полках лежат учебники, конспекты, коньки. Меня поместили с незнакомой девочкой Валей в малюсенькой комнате. Кроме коек, есть тумбочка и один стул. Зато у нас преимущество в том, что рядом за стеной расположилось начальство, и печка, обогревающая обе комнаты, была уже жарко натоплена. Перед тем, как перебраться в общежитие, нас сводили в баню (на санобработку).

23 февраля

Но, как ни странно, вскоре у нас появились бельевые вши. Эти гадкие насекомые прячутся в швах и складках нижнего белья, их укусы очень чешутся.

¹³ Ныне ул. Пархоменко.

Откуда они взялись? Теперь в свободное время нас можно застать за таким занятием: снимаем с себя белье, выворачиваем наизнанку и тщательно просматриваем. Хорошо бы прогладить горячим утюгом, но увы...

Нам два раза в месяц будут выдавать постное масло и сахар, а хлеб и котлету – каждый день. Раздачей заведует старшина Тоня, приятная и улыбчивая девушка. Голодная смерть нам теперь не угрожает, но голод, сосущий голод, терзает, как и прежде. Нас пока еще не посылают на пожары, изучаем пожарное дело, дежури́м в пожарной части у телефона.

24 февраля

Я изредка забегаю к своим на Сердобольскую. Мама, Сашета и Трофимовна еще держатся. Аня изредка таскает маму в Кудрово. Последний раз мама отнесла мою любимую куклу Тамару. Ее подарили наши знакомые, когда мне исполнился год. Тамара – кукла заграничная, у нее фарфоровое личико, натуральные белокурые волосы заплетены в косы, закрывающиеся серые глаза ласково смотрят из-под пушистых ресниц. За нее маме дали восемь картофелин.

25 февраля

Пока мы обучаемся приемам борьбы с огнем, нам поручают другие, совсем не пожарные дела: ходим по квартирам и выявляем ослабевших от голода (лежачих) или умерших людей и оставшихся без родителей детей. Ох, как трудно и страшно входить в квартиру, которая не отозвалась на стук, а незапертая дверь¹⁴ сама открывается и отвечает мертвой тишиной на мой робкий вопрос: «Есть ли кто живой?». Но входить все равно надо, должна быть проверена каждая лестница, каждая комната.

Сведения о слабых и больных ленинградцах в холодных квартирах мы сдаем в райсовет того района, где делали обход.

28 февраля

Меня направили на другую работу – дежурить на Финляндском вокзале. Сейчас самый разгар эвакуации населения через Ладожское озеро. Дежури́м по 4–5 человек. В первый день, подойдя к вокзалу, я удивилась большому количеству детских саночек и финских саней, оставленных на привокзальной площади. Море саней! Если можно так сказать. Мы помогаем многодетным женщинам при посадке в поезд: подносим багаж, присматриваем за детьми, размещаем отъезжающих в вагонах. Также присматриваем за вещами во время тревоги или обстрела, когда граждане с детьми находятся в бомбоубежище.

Вчера долго не могла заснуть. В окно были видны рвущиеся где-то далеко шрапнели. Без звука на черном небе раскрывался красный шар и быстро

¹⁴ Из воспоминаний Д. С. Лихачева: «В квартирах не запирались двери: на порогах накапливался лед, как и по всей лестнице (ведь воду носили в ведрах, вода расплескивалась, ее часто проливали обессиленные люди, и вода тотчас замерзала)».

*Толкучка у Кузнечного рынка.
Фото Д. Трахтенберга, зима 1941–1942 гг.*

угасал. Эти зловещие шары над спящим городом будили во мне мучительную тревогу: что будет завтра? Об этом в последнее время я научилась не задумываться, жила одним днем. Сегодня жива, а завтра – кто знает? Как тут загадывать о будущем, если смерть от голода, снаряда или бомбы каждый день выдергивает людей из жизни.

Вечером всегда доедаем весь хлеб: вдруг завтра разбомбят!

В весне фашисты стали активнее, участились обстрелы и бомбежки.

7 марта

Сегодня забежала к своим и сразу увидела пустой диван. Умерла Евгения Трофимовна. С вечера уснула и не проснулась.

За столом сидела бабушка и ела суп из воробья. Она нашла на улице замерзшую птичку, ощипала ее и сварила с лавровым листом. Я заглянула в кастрюльку – какой же воробушек маленький!

С собой я принесла кусочек хлеба с котлеткой, положила его перед бабушкой. Она посмотрела на меня и заплакала, потом отщипнула маленький кусочек и заела воробья.

С черного рынка вернулась мама, и я заметила, что она похудела еще больше. Черты ее лица стали грубыми, почти мужскими. Голод грызет всех

*Обмен товарами
на рынке.
Фото Г. Чертова,
февраль 1942 г.*

беспощадно. Мама устало прилегла на диван. Обменять табак на хлеб ей не удалось, но на деньги она купила творог почему-то черного цвета¹⁵. Мы не покупаем на толкучке ни котлеты, ни студень – все это может быть из мертвечины.

Сашета и мама стали есть эту черную массу, похожую на жирную землю. Я тоже попробовала – никакого вкуса.

8 марта

Иногда по вечерам у нас в общежитии заводят патефоны. Пластинки звучат весело, по-мирному. Они грустно и приятно напоминают довоенное время, когда на окнах выставляли усилители и во двор несло:

«Саша, ты помнишь наши встречи?..»

Или:

«Пой, Андрюша, нам ли знать печали!..».

Вчера вдруг появилась Ира Малиновская. Оказывается, и она перешла в ПКП. Живет Ира в другом бараке, в комнате с девочкой Таней, у которой тоже нет родителей.

Сережа Иванов принес нам с Валею по большой луковице – угощение. Это теперь такая ценность.

¹⁵ По всей видимости, речь идет о выкопанных из земли отходах с Первого овощного комбината на Пискаревке. В блокадную зиму 1941–1942 гг. сюда происходило настоящее паломничество голодных людей. Дело в том, что на территории комбината за много лет назад до войны были закопаны нереализованные отходы квашеной капусты. Вот эти ямы и раскапывали голодные ленинградцы. Выкопанные отходы, смешанные с землей, сразу же съедались. Брели также с собой ведрами или просто в мешках. Даже закопанные фруктовые отходы люди отрывали и ели, называя их «творогом». В этом «черном твороге» рассказывал в своих воспоминаниях и Д. С. Лихачев: «...это была черная лоснящаяся земля, масса, пахнувшая землей и замазывавшая до боли горло. После нее болел живот (единственный раз, когда у меня во время войны болел живот)».

9 марта

Шли с занятий по Новосильцевской улице¹⁶ и увидели лежащего на снегу солдата. Он уютно свернулся калачиком, голову положил на ком снега. Мы стояли и сомневались: живой он или мертвый? Вдруг Сережка Иванов пнул его ногой и поморщился: солдат был совсем замерзший, как камень. Откуда он шел? Из госпиталя или в госпиталь и когда успел так промерзнуть? Утром его еще не было.

Мне сначала нравился Сережка Иванов, и в первую очередь потому, что он похож на Геню. Такой же беленький, с голубыми глазами. А теперь разонравился за то, что пнул солдатику. Ведь к мертвому тем более надо относиться уважительно.

Нина Галоцкая ходит с заплаканными глазами. Пришло извещение с фронта о смерти Ромы Подскочного.

– Разве ты его любила? – удивляюсь я.

– При чем тут любовь! – сердится Нина. – Ты что, не знаешь, какой этой был парень?

Помню Рому высоким сутуловатым юношей с лицом, затронутым оспой. В волейбол играл лучше всех, но не гордился и всегда брал к себе в команду слабых игроков, никогда не ругал за потерянное очко и даже за проигрыш.

Заплаканные глаза у Нины были не один день. Это странно. Теперь редко увидишь слезы, хотя смерть на каждом шагу.

10 марта

Как вчера было страшно! Мы опять дежурили на Финляндском. Только отправили очередной поезд и, замерзшие ужасно, ввалились в дежурку, – маленькую темную комнатку, жарко натопленную буржуйкой. Легли прямо на полу. Вдруг сирена – воздушная тревога!

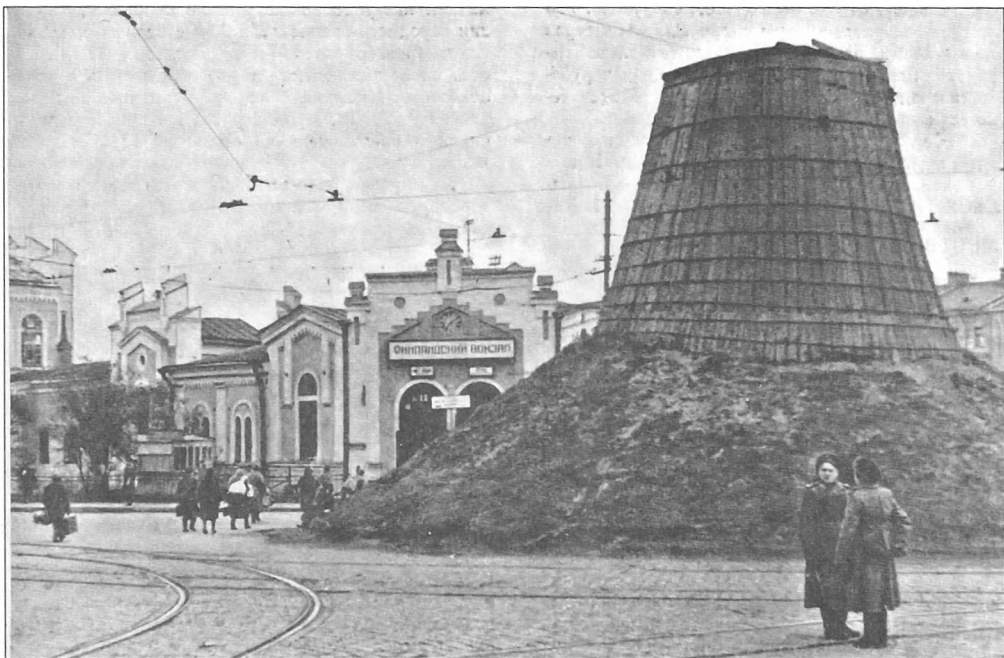
Вскоре ужасно загрохотало, затряслась земля. Под нами пол дрожал и подпрыгивал, а мы лежали в дежурке, как в мышеловке. Коптилка погасла. Я вспомнила

*Покупка дров на площади Нахимсона
(бывшей и нынешней Владимирской).*

Фото ЛенТАСС, 27 февраля 1942 г.

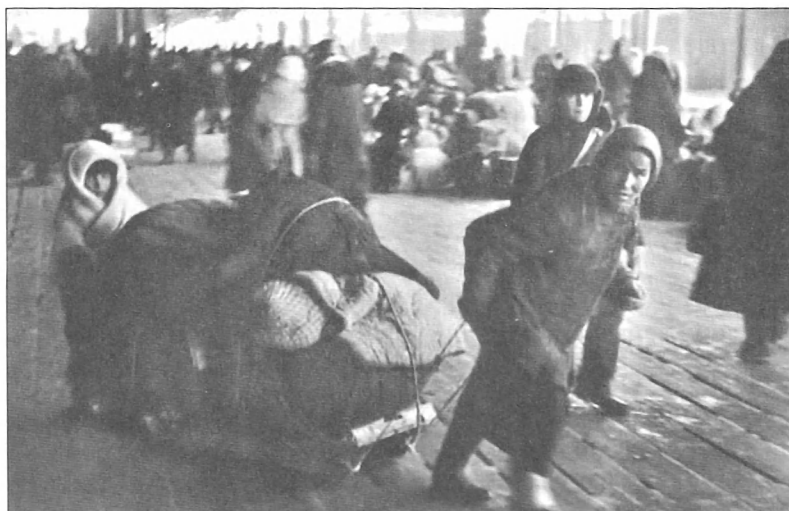
¹⁶ Ныне Новороссийская улица.

*У входа на Финляндский вокзал. Справа – укрытый
памятник В. И. Ленину. Фото 1943 г.*

свой дом: «Мамочка! Родненькая мамочка, Сашета! Неужели я больше не увижу вас никогда?».

С потолка полетела штукатурка. Сейчас, вот сию минуту нас разорвет прямым попаданием. Я вжалась в пол, обхватила голову руками и, как спасительную молитву, твердила: «Мамочка родная, Сашета!».

*Эвакуируемые
на Финляндском
вокзале.
Фото 1942 г.*

*Освобождение
от укрытия
памятника
В. И. Ленину
у Финляндского
вокзала.
Фото 1945 г.*

Впервые за всю войну я испытала такой панический страх. Тогда я была уверена, что меня убьет. Но вот понемногу стихли разрывы, замолчали зенитки. Кто-то вошел в дежурку, и в открытую дверь хлынул свет, а с ним и надежда на жизнь. В этот раз сильно бомбили прилегавшие к вокзалу жилые кварталы. В воздухе стоял пороховой дым и пыль.

12 марта.

Евгения Трофимовна просила, чтобы мы похоронили ее в отдельную могилу. Для этого она оставила 1,5 кг сахара и золотые часы. Но у мамы уже кончились силы. Аня болеет. И мама отдала Трофимовну в общую могилу на Пискаревское кладбище. Теперь же ужасно переживает, что не исполнила последнее желание умершей.

Я пыталась ее успокоить тем, что на могилку к Трофимовне все равно некому ходить, а братская могила, может быть, будет охраняться государством.

27 марта

Наконец, пришла весна. Повисли сосульки, забулькала капель. Сегодня все работали на сколке и уборке льда и нечистот, которые зимой выносили из квартир и выливали во дворах, на улице, в общем, где попало¹⁷. Надо успеть убрать, пока это все в замороженном состоянии: если растает, могут вспыхнуть инфекционные болезни.

Работали с большим подъемом, словно вместе с нечистотами расправлялись и с блокадой. Весна всегда надежда!

¹⁷ Из воспоминаний Д. С. Лихачева: «Уборная не действовала. Первое время можно было сливать, но потом где-то внизу замерзло. Мы ходили через кухню на чердак. Другие заворачивали сделанное в бумагу и выбрасывали на улицу. Поэтому около домов было опасно ходить. Но тропки все равно были протоптаны по середине мостовой. К счастью, по серьезным делам мы ходили раз в неделю, даже раз в десять дней. И это было понятно: тело переваривало все, да и перевариваемого было слишком мало».

*Галина Зимницкая во время
работы на «Ленфильме». 1946 г.
Из архива И. А. Черноморской*

15 апреля

Сегодня мы с Валею отправились на Невский. Нам сказали, что там работает фотография. Сфотографировались и прошлись по магазинам. В ювелирном мне понравилась звездочка из плавленных рубинов в серебре. Она напоминала кремлевскую звезду в миниатюре. Так как деньги все равно не на что было тратить, я купила ее и тут же приколотла к жакетке.

17 апреля.

Много наших мальчиков из ПКП призвали в армию. Пока в разные училища. Петю Мартынова – в морское, Женю Семенова – в училище связи. Опять расставания. У некоторых – любовь.

Сегодня утром где-то сильно бомбили фугасками. А может быть, эта наши бьют фашистов?

23 апреля

Весна развернулась вовсю. Греет солнце, набухли почки. На газонах показалась зелененькая травка. Город чистый и какой-то повеселевший. Ох, как долго, долго длилась эта блокадная зима!

Вчера нам зачитали распоряжение, что каждый клочок земли должен быть использован для посадки овощей. Будут выдавать семена.

28 апреля

Копаем землю вокруг наших барачков. Земля твердая, наверное, сто лет ее топтали, и никогда на ней ничего не росло. Но мы копаем, копаем все подряд. В центре города вскапывают все газеты, скверы – все, все под овощи! Мои на Сердобольской тоже получили участок во дворе дома. Я помогала копать и видела в земле много кирпичной крошки. Вырастут ли овощи?

Сашета прикапывает удобрение (фекалии). Она совсем высохла, но не унывает, работает.

1 мая

Первое мая! Я так ждала его в зимние блокадные дни! Я была уверена, что опять будут песни, музыка и жареные пирожки на каждом углу. Но ничего такого нет и, по-видимому, будет нескоро. Слушали по радио праздничный доклад, а потом заводили патефон.

4 мая

Меня приняли в комсомол! Правда, произошло это очень просто, по-деловому, чувствовалась нехватка времени. Нас, вступающих, было много, принимающих двое: один – член партии, другой – комсомолец из райкома. Они вручили нам комсомольские билеты, пожали руку и поздравили. От всех выступила Галя Свиглинская. Она хорошо сказала о долге комсомольца вообще и в сегодняшней обстановке. Вот и все.

На участке у нашего общежития посадили картофельные глазки. А Сашета уже высадила огуречную рассаду, посеяла редиску. Кругом огороды, огороды! Погода на редкость хорошая, идут кратковременные теплые дожди – все, что надо для огорода.

10 мая

Какая дружная теплая весна! Зеленеют деревья, поют птицы. Сегодня рано утром Валя, Аллочка и я ходили в парк¹⁸ за черемухой. Теперь нет сторожа, который гонял нас в мирное время. Нарвали по охапке. Разделили по комнатам, пусть у всех пахнет весной. Ах, как радуется, вселяет в душу надежду на победу наступающее лето! Только бы не убило, так хочется жить! Фашисты же стреляют и бомбят все яростней и яростней. Очнувшись от зимнего оцепенения, они с удивлением узнают, что Ленинград живет почти нормальной жизнью. Блокада не помогла фрицам. Действовала «Дорога жизни», летали самолеты. Теперь наш город накапливает силы для ответного удара. Вот фашисты и бьются, не жалеют снарядов и бомб.

Вчера на Лесном проспекте снаряд попал в трамвай. Когда мы подошли, разбитые вагоны и убитых уже увезли. Вся мостовая была залита кровью с какими-то мелкими кусочками. От ярких лучей солнца красные капли переливались, дрожали. Казалось, что эти остатки человеческой плоти еще не умерли и трепещут в своей последней агонии. Меня до сих пор преследует сладковатый запах крови. А я думала, кровь не пахнет¹⁹.

¹⁸ Парк Лесотехнической академии

¹⁹ Из воспоминаний Д. С. Лихачева: «В трамваях ехать было особенно опасно. Ленинградские старые трамвайные вагоны были со скамейками вдоль окон. Разрывом выбивало стекла и обезглавливало сидящих. Когда я впоследствии вернулся в Ленинград (приехал

15 мая

Только пришли на учебу в пожарную часть на проспекте Энгельса, как позвонили из ПКП и приказали срочно прибыть в роту. Нам выдали багры, медные каски и отправили на горящий объект. Сочетание сияющей пожарной каски и багра с девичьим платьем выглядело необычным и, как мне показалось, смешно. Мы в таком «наряде» поехали на трамвае к «Печатному двору». Я поглядывала на пассажиров, но никто не смеялся и даже не улыбался, глядя на нас. Какие все угрюмые!

«Печатный двор» обстреляли утром. Большой огонь залили до нас, но огромное количество книг в цехах и на складах тлело внутри штабелей. Нам предстояло все это разобрать, добраться до тлеющих мест, загасить их и спасти те книги, которые были не испорчены огнем и водой. Разбирали день и полночи. Рано утром заметно похолодало. Силы наши иссякли, мы закопались в теплые сырые книги и заснули. Через три часа нас разбудили и повели в столовую. Затем мы опять разбирали и разбирали, передавая книги по живому конвейеру – в годные и негодные. К вечеру нас сменил другой отряд ПКП, а мы отправились на отдых²⁰.

16 мая

Привезли еще картошку для посадки, вернее, кусочки с «глазками», то есть с ростками. С запозданием засадили последний участок.

Я вспомнила наш выезд на уборку картошки осенью 1941 года. Нас было тогда тринадцать. Осталось четверо, правда, не все умерли. Часть на Большой земле. Но кто знает, когда мы встретимся опять?

Теперь мама с бабушкой живут вдвоем в трехкомнатной квартире. Аня с Тамарочкой уехали еще в марте, после того как в Кудрово уже нечего было менять. Мама ее отговаривала, как могла, но Аня не послушалась.

20 мая

Наше начальство перебралось в другое общежитие, а мы – я, Валя, Вера и Саша – заняли большую комнату. Нашу маленькую заняли под кладовку. Теперь у нас просторно, койки стоят вдоль стен, обеденный стол со стульями посередине. У каждого есть тумбочка. Сегодня с утра фашистские самолеты бомбили парк Лесотехнической академии (там расположилась воинская часть). Они пикировали, словно коршуны на свою добычу. Чтобы лучше рассмотреть, из Казани в командировку в 1944 году), я много слышал рассказов о таких трамвайных трагедиях».

²⁰ В ликвидации пожара на «Печатном дворе» на Ораниенбаумской улице на Петроградской стороне, вызванного попаданием вражеских фугасно-зажигательных снарядов, участвовало 35 отделений пожарных, пять комсомольских рот и четыре аварийные бригады. Черный клуб дыма с пожара был виден даже в центре города. Тление небольших очагов, штабелей книг и их разборка продолжались еще несколько суток.

я встала на кровать и выглянула в форточку. Не успела ничего сообразить, как взрывной волной меня опрокинуло навзничь. Хорошо еще, что головой не ударилась о спинку кровати, а упала прямо на подушку.

3 июня

Мама только что пошла работать после длительного перерыва из-за дистрофии и осложнения на почки. Пока она не работала, уехали в тыл последние цеха «Прогресса», и мама, как опытная револьверщица, получила направление в механический цех фабрики им. Микояна²¹. Это конфетная фабрика, но в механическом делают «конфетки» для фашистов²². В первый рабочий день маму отправили копать противотанковые рвы в районе Озерков. В обеденный перерыв она собирает листья одуванчиков и лебеду. Бабушка моет эту зелень, пропускает через мясорубку, подсаливает и прямо на плите печет лепешки. К скудному пайку это хорошая добавка. Голод мучает ленинградцев. Скорей бы выросли овощи!²³

8 июня

На днях к нам зашла тетя Настя из 19-й квартиры и попросила сдать комнату супружеской паре. Там, где они живут – сильные обстрелы, и женщина уже не выдерживает. Оба работают вместе с тетей Настей на фабрике Микояна. Мама согласилась, и завтра они к нам переберутся. Мы отдали Сашетину комнату. Интересно, чем объяснить отсутствие обстрелов у нас? Это на отрезке проспекта Карла Маркса от 1-го Муринского и до завода «Светлана».

14 июня

У нас на Сердобольской уже неделю живут Антоневици. Он пожилой, молчаливый и важный. Она помоложе, веселая, общительная и простая. В общем, полная противоположность своему мужу.

Вечером, когда они приходят с работы, в нашей квартире распространяется конфетный аромат. Пахнет чем-то невообразимо сладким и вкусным, и это наводит меня на мысли о довоенных сладостях, хотя к конфетам я всегда была равнодушной. Теперь же я никак не могу представить, как они работают в своих конфетных цехах, со всех сторон обставленные лакомой продукцией.

15 июня

Только сегодня узнала, что еще в марте умерла Верочка Писакина. Умерла уже на Большой земле от дизентерии. Ее сняли с поезда в Саратове, а легкомысленная мамаша поехала дальше. Господи! Неужели она не понимала, что

²¹ Ныне «Первый кондитерский комбинат – АЗАРТ» на Большом Сампсониевском проспекте.

²² Во время блокады ряд цехов фабрики им. Микояна выпускал боеприпасы.

²³ С наступлением весны 1942 года ленинградцы выщипывали в городе буквально каждую травинку, если молодые листья клена, липы, делали салат и щи из мокрицы и дикого цикория.

делается на эвакуопунктах?! Сколько там больных и слабых людей, и некому хорошо ухаживать. Что ее несло дальше? Стремление к сытой жизни?

Верочка! Моя добрая милая подружка, тебя уже нет. А я так часто думала о тебе, как о живой.

22 июня

Сегодня черная дата. Прошел год, как началась эта ужасная война. Всего год. А сколько перемен, сколько горя. По радио сообщают об отступлении наших войск на Черном море. Вдруг и под Ленинградом начнут отходить, как год назад? Нет, этого не может быть, никогда не будет!!

Поздно вечером мы с Сашетой видели, как Ляля Никитина, живущая в доме напротив, таскала овощи с чужих грядок. Встанет в дверях, оглядится и – раз на грядку! Подергает второпях – и в дом. Глупая, ведь из окон нашего дома все видно как на ладони.

Ляля не принадлежала к нашей дворовой компании, так как жила в другом доме и гуляла в маленьком садике, огороженном с трех сторон сараями. Этот кусочек земли был превращен жителями небольшого двухэтажного дома в райский уголок. Однажды в щель сарая я видела, как из дома выбежала Ляля в бархатном вишневого цвета платье. Позади шла ее мама с расческой. Ляля, щурясь от ярких солнечных лучей, села на скамейку среди цветущих яблонь, а мама нежно и ласково расчесывала ее золотистые косы.

Зимой сорок первого умер Лялин отец, а мать, не выдержав блокадного ужаса, перерезала себе вены. Старший брат, кадровый военный, с первых дней был на фронте. Ляля осталась одна. Сослуживцы матери устроили ее на работу в Геофизическую обсерваторию.

В начале войны сломали забор, отгораживавший цветущий садик от улицы, и мы стали собираться на новом месте под грушей. Но Ляля редко выходила к нам, видимо, не совсем уверенно чувствовала себя в нашей сдружившейся компании. Как ей живется теперь одной в эти тяжкие дни? И разве можно осуждать голодную девчонку за съеденную редиску с чужой грядки? Но предупредить ее надо обязательно.

26 июня

Случайно встретилась с Лялей и хотела ей сказать, что ее набег на чужие грядки хорошо видны из окон. Но Ляля заговорила о своем переселении в наш дом, так как их дом будут ломать на дрова. Она переезжает в квартиру над нами, в такую же маленькую комнатку с входом из кухни. «Зайди посмотреть, как я устроюсь», – пригласила Ляля.

28 июня

В связи с участвовавшими обстрелами и бомбежками города приходится много работать на пожарищах разрушенных домов. Нас из общежития вызывают

в любое время. Поэтому начальство запретило отлучаться из полка, и я теперь очень редко бываю дома. Как правило, нас вызывают к уже тлеющим объектам. Приходится баграми растаскивать обгоревшие предметы, разбирать кирпичи. Часто работаем вместе с девушками из ПВО.

19 июля

Вчера выезжали на территорию больницы Эрисмана. Горел небольшой флигель у самой речки Карповки. Огонь разошелся вовсю, и нам пришлось помогать брандспойтам, носить воду ведрами. Но флигелек пылал и жутко дымил, словно заговоренный. Мы торопились, бегая с ведрами, облились водой и очень устали. Наконец, объект погасили, но от него остались одни стены. Оказалось (узнали сегодня), что там когда-то хранили горючее, и им был пропитан весь пол и забрызганы стены, поэтому так долго не могли погасить огонь.

30 июля

Мне кажется, что больше всего достается Петроградской стороне. Сколько было вызовов – и все туда. То госпиталь, то больница Эрисмана, а вчера магазин со складом. Снаряд точно угодил с это помещение и образовал большую пещеру, верхние этажи дома не обвалились, правда, успел обгореть второй этаж со стороны магазина. Опять растаскивали, разбирали.

Милиция составляла акт об утраченных товарах вместе с работниками магазина, которые в момент попадания снаряда бегали за хлебом, и только девочка 14 лет осталась присматривать за примусом и погибла (от нее ничего не нашли). Когда мы уже все разобрали и нигде не было дыма, стали собираться уходить, мама этой девочки все лазила и ковыряла палкой уже сто раз перевернутые куски известки и битого кирпича. Она не плакала, была спокойной. Мне показалось, что она не понимала, что дочка уже нет.

11 августа

Сегодня, наконец, выбралась домой. Мама страшно обрадовалась моему приходу. Как-то по особенному заглядывала мне в глаза, спрашивала, где придется работать и не очень ли трудно и опасно. Я ничего не сказала про обстрелы и только немного описала нашу работу на пожарах. Я знаю, почему мама с бабушкой так волнуются за меня. Ведь до войны меня всячески ласкали и лелеяли. Сашета только показывала, как надо убирать квартиру, а делать почти ничего не давала. Очень редко я мыла пол и ходила за керосином.

За два года до войны я стала посещать художественный кружок при ДПШ нашего района. Потом открылся там же кружок лепки. Нам рекомендовали заниматься лепкой, так как она помогала более объемно ощущать рисунок. Таким образом, дни после школы у меня были заняты вплотную, если еще учесть общественную работу в школе, походы в музеи, театры и кино. В общем, мама

боялась, что я вырасту белоручкой. А теперь она, наверное, переменила свое мнение обо мне. Родители угостили меня огурцами с наших грядок. Мне самой захотелось пойти на огород. Так приятно находить и срывать небольшие пузатенькие прохладные огурчики!

22 августа

Вчера мне исполнилось 15 лет. Но этот день прошел в обычном дежурстве. Я никому об этом не сказала и домой отпроситься не смогла. Да и что тут особенного? 15 лет – даже паспорта не полагается.

Интересно, как бы мой день прошел, не будь войны? Бабушка испекла бы большой пирог и обязательно купила бы раков. Раки – это любимое лакомство нашей семьи.

9 сентября

Сегодня была дневальной по общежитию. Все прибрала, проверила порядок в комнатах и вымела вокруг дома. Села отдохнуть на скамейку у входа в общежитие. Вдруг идет наш командир Кудрявцев. Я встала, докладываю о дежурстве, а он мне влепил замечание: «грязно у общежития» – и показывает на желтые листья, которые летят с деревьев один за другим. Говорю, что листья летят без перерыва, а он приказал и подметать без перерыва. Вот это да! Сказал – как отрезал! И какая это муха его укусила? Однако делать ничего – взяла метлу и махала ею до самого конца дежурства.

15 сентября

У нас в роте говорят, что полк будут расформировывать, а бойцов пошлют на лесозаготовки или в степь ловить одичавших лошадей. И якобы малолеток будут отчислять. Очень не хочется, чтобы эти слухи оправдались. Моя соседка по комнате Валя очень переживает, у нее родители умерли зимой, и она круглая сирота.

18 сентября

Слухи об увольнении малолеток (не достигших 16 лет) оказались не ложными. Нас отчисляют из полка. Валя решила пойти к главному начальству и просить, чтобы ее не отчисляли, а оставили при любой пожарной части на любой работе. Она попросила меня сходить с ней. Я ждала ее на лестнице и переживала не меньше, чем она сама. Валя вышла из штаба сияющая: ее оставили в городе в одной из пожарных команд связной.

20 сентября

Я не могла действовать, как Валя, так как мои родители живы (кроме отчима), мне есть, где жить и меня, конечно, отчислили. И вот я уже не в ПКП, а дома, скучаю и прикидываю, как поступить, куда идти работать.

В нашей квартире трое работают на фабрике имени Микояна – двое наших жильцов и мама. Мама вот уже второй раз на оборонных работах. В Удельном парке копают линии обороны.

21 сентября

Мама договорилась с начальством, и меня взяли на оборонные работы. Работать тяжело, хотя грунт песчаный. Копаем рывками – 15 минут работаем, 5 минут отдыхаем. Такой режим позволяет в короткий срок отдать максимум сил, а за отдых – накопить их снова. Вместе со мной работают такие же малолетки, как и я. Работаем мы наравне с взрослыми. За это вечером получаем отдых на топчанах в деревянном скрипучем доме. Желающие могут здесь переночевать. Мы же с мамой идем домой и несем бабушке Сашете кусочек хлеба.

26 сентября

Сегодня объявили, что оборонные работы на нашем участке подходят к концу. Всех фабричных отзывают на фабрику и мою маму тоже.

28 сентября

Мама была в отделе кадров фабрики по поводу моего устройства на работу. Пока положительного ничего не сказали. Тогда решили попросить тетю Настю: она работает на фабрике много лет и пользуется там авторитетом. Как все решится?

30 сентября

Сегодня оформлялась на фабрику. Нас, подростков, оформлялось четверо. Пока женщина из отдела кадров ходила с нами и нашими документами по всем начальникам на фабрике и в райсовете, все время боязливо приговаривала: «Ох, где-нибудь да откажут!». Главной причиной остается наш малый возраст. Наконец нам подписали документы – ура! Я теперь ученица ФЗО!²⁴

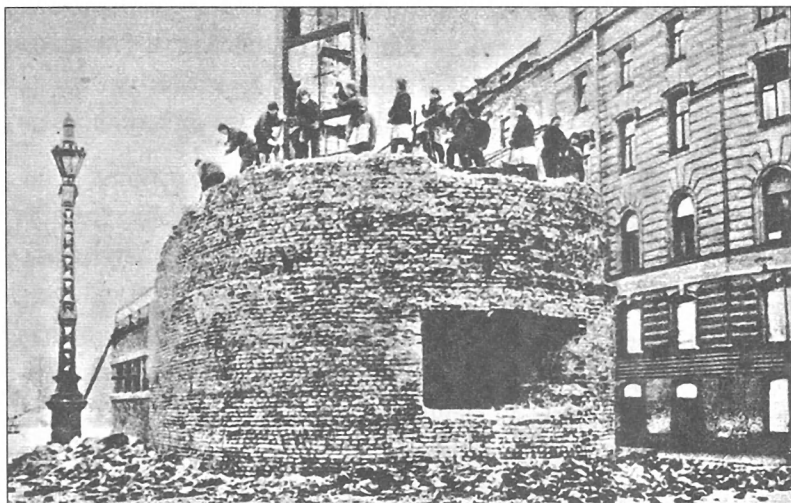
3 октября

Первый день на фабрике. Собрали нас в классе ФЗО. Начальник обратился к нам с разъяснениями о том, что хоть нас будут обучать конфектному делу, работать придется большей частью в механическом и ящичном цехах. А так хочется в пищевом! Один запах из этих цехов отвлекает от дела, наводит на гастрономические размышления.

4 ноября

Как выяснилось, «фабзайчат», в основном, бросают на прорыв. Выполняем вроде бы несложное дело, но и оно дается с трудом. Вот уже два дня работаю

²⁴ ФЗО – школа фабрично-заводского обучения. Существовали с 1940 по 1963 год, действовали на базе промышленных предприятий и строек в системе Государственных трудовых резервов СССР. Учащиеся находились на полном государственном обеспечении. Срок обучения составлял шесть месяцев. В школу ФЗО принималась молодёжь 16–18 лет с любой общеобразовательной подготовкой.

*ДОТ на площади
Восстания*

в ящичном цехе. Мне дают готовые рамки (стенки плоского ящичка), к которым надо маленькими гвоздиками прибить фанерное дно. Кажется, чего проще? Но у меня молоток попадает почему-то по пальцам, а гвозди норовят пройти мимо стенки. Для постоянных цеховых рабочих так это – просто игра. С одного пристука забивают гвозди и, не заглядывая на обратную сторону, ставят ящик на сдачу.

8 октября

Не прошло и недели, а я уже на оборонных работах. Из нашего ФЗО пока направили сюда восемь человек. Работаю на строительстве ДОТа в бригаде с совсем незнакомыми людьми. ДОТ строим на набережной Большой Невки у моста Свободы²⁵. Мы, четверо девчат, ломami выковыриваем из панели каменные плиты и переносим их на носилках к месту будущего ДОТа. С работой нас торопят, так как не за горами заморозки и зима.

12 октября

ДОТ быстро строится. Уже положили два наката бревен, теперь кладем плиты, а потом все засыплем землей и обложим дерном. Амбразура ДОТа смотрит в сторону Невки. Вчера к нашему берегу пришвартовался сторожевой катер. Его команда живет своей флотской жизнью, не обращая внимания на симпатичных строителей ДОТа. На палубе катера молодой мичман стирал белье в обычном корыте, установленном на табуретках. Девчата, конечно, хихикали, но мичман ни разу не посмотрел в нашу сторону. Развесив на проволоке тельняшки и трусы, он тщательно вымыл корыто и спустился в трюм.

15 октября

Меня и еще трех девушек перевели на новый объект. Теперь наша бригада строит амбразуры. Нам привозят сколоченную из толстых досок часть амбразуры

²⁵ Ныне Сампсониевский мост.

со шелью для дула пулемета, кирпичи и цемент с песком. Деревянная часть вставляется в проем окна (рама со стеклом вынимается) и обкладывается кирпичом. Окна под амбразуры выбираются военными специалистами, они определяют, какие участки улиц или площадей должны простреливаться в случае уличных боев. Говорят, фашисты готовятся к броску на Ленинград, чтобы взять реванш за прошлый год. Господи, неужели дойдет до уличных боев?

17 октября

Начали делать большую амбразуру для мелкокалиберной пушки. Для этого хорошо подошла парадная дверь многоэтажного дома. Прицел пушки направлен в сторону Невы. Очень устаем, так как подгоняют и штатские, и военные начальники. Наша бригада работает четко и быстро. Я и Дина кладем кирпичи, Вера и Люда приготавливают раствор. А сегодня наш объект посетило главное начальство по строительству. Мы было заикнулись, что устали, нельзя ли заменить, но тов. Огородников сказал, что не отпустит нас и через два месяца. Амбразуры наши признали одними из самых качественных: кладка хорошо пригнана к проемам, плотно и ровно положены кирпичи, раствор сделан по норме, то есть прочный. Начальство даже немного было удивлено (как мне показалось), что это все делают подростки 15–16 лет. Огородников каждому пожал руку, сказал «спасибо» за хорошую работу и уехал.

19 октября

Утром, когда я шла на свой объект, было дождливо и холодно. На дороге, у большой ямы, сидели около костра рабочие. Среди них я узнала Алешку Пиотровского, моего бывшего одноклассника. В то время он был озорным, но добрым и недрачливым мальчишкой. В конце учебного года (еще до войны) я получила от Алешки письмо с предложением дружить. Но долговязый избалованный маменькин сынок не нравился мне, а нравился мне с пяти лет Геня, и я ответила ему обидным отказом.

Я чуть не наступила ему на ногу, обутую в грубый сапог, но он меня даже не заметил. Алешка, Алешка! Что пришлось нам пережить! Как далеки мы от тех нас, что учились в 6 б классе!

Сейчас с жалею, что не заговорила с ним, ведь ту обиду он давно забыл и, может быть, рассказал бы о ком-нибудь из наших. За время блокады я виделась только с двумя девочками из нашего класса – Люсей Богдановой и Лидой Набоковой. Лида живет хорошо. Во время блокады им удалось сохранить молочную корову. Лида работает в Лесотехнической академии. Она сказала, что там в актовом зале каждый день кино и танцы.

20 октября

Хочу пойти в Лесотехническую академию на танцы, а что надеть? Из своих прежних платьев я давно выросла, да и не годятся они, так как совсем детские.

Кадр из фильма «Доктор Калюжный». Слева – актриса Янина Жеймо

Обратилась к Люсе Курьяк. Она предложила платье, на мой взгляд, очень неплохое, а главное – недорого. Ей мало, а мне – в самый раз. Сшито оно из шелка вишневого цвета. Рукава, чуть собранные в плечах, доходят до локтя. Лиф с небольшим круглым вырезом, плотно облегает талию, а юбка – клеш.

Я оделась и посмотрела в зеркало. Да! Я уже девушка. Из-за своего высокого роста я кажусь старше своих 15 лет. Это хорошо.

Сколько ни будет у меня потом в жизни платьев, это первое взрослое платье не забуду никогда. Я его сразу полюбила.

22 октября

На танцах выяснилось, что я плохо танцую. Тех редких уроков, которые мы прошли на крыше, в «ящике», явно недостаточно. Тоня Платонова, которая недавно поселилась с мамой в нашем доме, обещала подучить. А вообще мне на танцах понравилось. Зал большой, оркестр играет громко, партнеры – военные ребята. До танцев демонстрировался фильм «Доктор Калюжный» с Жеймо в главной роли²⁶.

²⁶ В фильме «Доктор Калюжный», снятом в 1939 году на киностудии «Ленфильм» по сценарию Юрия Германа (режиссеры Эраст Гарин, Хеся Локшина) снимались Аркадий Райкин, Янина Жеймо, Юрий Толубеев и др.

В пустующих квартирах нашего дома на седьмом (последнем) этаже разместили военный гарнизон войск НКВД. Для чего он предназначен – нам неизвестно. По вечерам некоторые из гарнизона появляются во дворе под грушей и охотно болтают с нашими девочками. Нас теперь четверо. Кроме Люси и Тоси, есть еще Лена Герасимова. Она, как и Ляля, переехала из сломанного дома. Работает Лена медсестрой в госпитале. Она небольшого роста, очень хорошенькая, но серьезная.

Лялю я не считаю, так как она никогда не появляется во дворе – стесняется своего дистрофического вида. Все вечера она сидит дома или уходит в огород окучивать картошку.

23 октября

Сегодня пришли на новый объект, в жилую комнату, где семья завтракала. Никто из них не сказал и слова, когда узнали, что их единственное окно будет заложено амбразурой. Забрали чашки, тарелки и ушли в кухню. Мы же в чистой комнате развели свою строительную грязь. Цемент, песок и кирпичи пришлось таскать на четвертый этаж. У меня всегда после тяжелых нош болит под ложечкой (желудок).

После работы по пути к дому я и Вера попали под бомбежку. Не успели осмотреться, куда спрятаться, как вдруг из дома выбежала испуганная женщина и стала просить нас пойти к ней и, не дождавшись ответа, потащила нас домой на третий этаж. В комнате на кровати ревели маленькие дети. «Девоньки, помогите снять детей на пол, боюсь, осколком попадет!».

Женщина благодарила за то, что пришли, говорила, как боится оставаться дома одна с детьми в бомбежку. Где-то близко упала бомба, сильно трянуло. Мы, как по команде, прижались к полу, но мне почему-то не было страшно. Женщина не отпустила нас, пока не дали «отбой». Она налила нам чаю и дала по щепотке сушеной морковки. Мы пили чай со сладкой морковкой, было славно и непринужденно в этом случайном для нас доме.

30 октября

Вчера на объекте (недалеко от больницы Эрисмана) был сильный артобстрел. Снаряд разорвался недалеко и как раз напротив нашей амбразуры. К счастью, мы, все четверо, были за ней, а вот из бригады, разбиравшей на кирпичи старую ограду, убило бригадира – очень славную девушку Катю. Она была энергичная, веселая и очень хорошенькая. Мне почему-то думалось, что песня «Катюша» именно про нее. И вот на носилки положили что-то окровавленное, не имеющее ничего общего с Катей.

В нашу амбразуру попало несколько осколков, а один прошел через глазок и врезался в стену, испортив платье Веры, которое висело среди нашей нерабочей одежды. Пришлось Вере идти домой в испачканной одежде (комбинезоне).

4 ноября

Нас отпустили (вернее, заменили) с оборонных работ. Завтра на фабрику!

9 ноября

Шла по фабричному двору в столовую и увидела двух девушек в белых косынках – такие работают в пищевых цехах. Так и пахло от них конфетами (раньше так пахли конфеты монпансье). Счастливики! Но удивительно, что они тоже ходят в столовую, берут по талонам продуктовых карточек кашу и суп.

В пищевых цехах иногда не хватает рабочих, и тогда приглашают работать в ночную смену всех, кто пожелает, из других цехов. Но это не освобождает от основной работы, то есть получается две смены подряд. Наверное, это ужасно трудно, но я обязательно пойду.

Сегодня мама дала мне комок крошек от карамельных конфет. Эти крошки она соскребла с ломаных лотков, которые выставили из цеха, чтобы сжечь в кочегарке. Маме повезло, что она первая на них наткнулась. Однажды я зашла к ней в механический цех и увидела их «изделия» – множество корпусов снарядов, называемых «стаканами». Они еще пустые внутри, и начиняют их в другом месте.

12 ноября

Вот и я прошла этот ад – ночную смену в пятом конфетном цехе (шоколадном). Поставили меня на укладку ирисок в те самые ящички, которые я сколачивала в тарном цехе и от которых у меня до сих пор отметины на пальцах и ногтях. Как ни часто представляла я себе обстановку в пищевых цехах, но даже и вообразить себе не могла все эти груды конфет, которые отделяет от двора кирпичная стена. Конечно, трудно это все представить, если почти год кроме кусочка хлеба, каши-размазни и супа, похожего на разведенную водой кашу, я ничего не видела.

Повели нас по цеху на рабочее место, смотрю по сторонам, лежат на столах какие-то коричневые бруски, в чанах такая же масса и никак не могу осознать, что это и есть съедобное. Начала укладывать ириски в ящики. Они соединены между собой тонкими пленками и составляют плитку размером как раз по размеру ящичка. Каждую плитку надо переложить бумажной прокладкой, чтобы они не слиплись, так как еще очень свежие, мягкие и ломкие. Укладываю, укладываю и боюсь конфетку в рот положить. Наконец, попалась плитка со смятым углом. Отделяю раздавленные ириски и заменяю нормальными, ну а брак можно и съесть!

Так и пошло: как брак – так в рот. Кажется, работа легкая и приятная, однако к середине смены я уже устала и захотела спать. Приторный цеховой воздух кружил голову, и гремела прямо надо мной вентиляция. Кое-как доработала и сразу же пошла в ящичный. Как я там маялась, лучше не вспоминать! Каждый стук молотка отдавался в висках острой болью.

15 ноября

Неожиданно меня перевели в 3-й карамельный цех (подозреваю, что похлопотали Антоневичи). Я не успела еще и обрадоваться, как получила халат и косынку и была приставлена к трясуну карамельной машины. Шум у него очень сильный, и я боюсь, что у меня не выдержит голова, как это было от вентиляции.

17 ноября

Работаю на трясуне, который похож на катальную горку с бортами. Такие горки устанавливали зимой в ЦПКиО. Трясун тоже с бортами, но вместо льда обшит гладкой, блестящей жостью. По нему «бусы» из конфет скользят и извиваются ровной волной (или зигзагом). Моя работа – смотреть, чтобы не засорялась поверхность трясунa. Бывает, что конфеты бьются, начинка налипает на жость, и «бусы» застревают, накапливаются на клейком месте, не успевают остыть и затвердеть, и все превращается в сплошное месиво – брак.

Еще надо смотреть, чтобы в конце трясунa не ссыпались в лотки сдвоенные конфеты, так как на дальнейших операциях, где они покрываются шоколадной глазурью или обсыпается какао, это считается тоже браком. Немного странно, что в такое тяжелое время на это обращают внимание. Я стараюсь хорошо работать и не только потому, что имею дело с конфетами, мне нравится эта работа. Как только поверхность трясунa загрязняется, я сразу же счищаю начинку и протираю это место масляной тряпкой. Трясун у меня просто зеркальный!

Рядом на таком же трясуне работает Тамара Иванова. Она действует по-другому. Загрязненное место Тамара присыпает мукой, а цепочки конфет, плохо скользящие по этому участку, проталкивает руками. В конце смены мне надо только немного обтереть трясун от крошек у бортиков, а Тамара, вооружившись ведром с горячей водой и щеткой, долго скоблит и чистит машину. Не понимаю, чем это лучше? Да и конфеты у нее в лотках какие-то не блестящие.

Я раньше удивлялась, что рабочие пищевых цехов ходят в столовую. Теперь поняла, что голод конфетами можно заглушить, но не утолить. Хочется хлеба, картошки и особенно чего-нибудь солененького. Жалко бабушку, она голодает и только нюхает мою, пропитанную запахом эссенции, одежду. Я думала, думала, как принести ей хоть пяток конфет, и, наконец, придумала. На фабрику все ходят с противогазами – это обязательно, хотя еще ни разу не было химической тревоги. Отвинтила гофрированную трубку и засунула в нее несколько длинных карамелек, затем привернула обратно, прощупала – не прощупываются. В проходной все сошло нормально, противогаз осмотрели, а трубку даже не потрогали. Сашета с тревогой посмотрела на меня, но конфеты съела.

Маме легче – ей удастся на фабрике чего-нибудь съесть. То мешки с сахаром или какао бобами поможет перетаскать в подвал с машины, то бочки с повидлом или вареньем катает в тот же подвал. За это получает кружку повидла или патоки. Для этого она носит с собой мой школьный портфель, в котором находятся кружка, ложка и полотенце. Мама маленького росточка, ходит в больших ботах и в моей старой зимней жакетке. Выглядит она довольно смешно, поэтому ее прозвали «швейк».

18 ноября

Сегодня Сашета сказала, что она встретила Лялю и что у вид у нее очень плохой. Я сразу вспомнила, что еще летом Ляля приглашала меня зайти к ней. Но находясь в ПКП на казарменном положении, я почти не бывала дома и про Лялю совсем забыла.

19 ноября

Зашла к Ляле сразу же после работы. Мы сели на кровать (так как в малюсенькой комнатке больше ничего не было), и она, не то виновато, не то завистливо улыбаясь, сказала, что от меня очень вкусно пахнет. Лицо у Ляли худощавое, из-за густых и пышных волос голова на тонкой шейке кажется большой, а ножки – палочки. Я почувствовала к ней щемящую жалость. Придется мою «контрабанду» делить между бабушкой и Лялей.

20 ноября

Меня зачислили в фабричный штаб МПВО. Это значит, что через сутки я должна остаться после работы на фабрике на всю ночь. Ночью два часа дежурства на отведенном посту, в основном, на крыше. Я опять в пожарной команде. В свободные часы, если нет тревоги, можно спать на нарах в бомбоубежище штаба. В нем усиленно проводится обучение всех команд. Мне легко в моей команде, так как я все это проходила и умела делать в ПКП. От нас требуется предельная организованность и четкое выполнение всех команд.

По радио сообщили об успехах наших войск под городом Орджоникидзе²⁷. Сердце запрыгало от радости. Может быть, это начало конца?

22 ноября

Сегодня новое радостное известие – успех под Сталинградом! Немцы отступили на 50–70 км!

25 ноября

Наступление под Сталинградом продолжается, огромное число пленных и убитых фашистов! А у нас участились обстрелы и воздушные налеты. Наверное, фашисты боятся, знают, что ленинградцы ликуют от успеха под Сталинградом, и хотят нам досадить.

²⁷ Город Орджоникидзе – ныне Владикавказ.

27 ноября

На дежурстве совсем замерзаю, стало холодно, как зимой. Бабушка советует взять в будку ватное одеяло. Под Сталинградом успех за успехом!

1 декабря

Победное шествие наших войск продолжается! Под Сталинградом взято в плен около ста тысяч фашистов. Господи, сколько их выродилось?! Еще сообщили об успехе на Центральном фронте: и тут – несметное количество убитых гитлеровцев.

Почему-то не говорят о переломе в войне. Наверное, еще рано. А ведь это перелом, перелом!

5 декабря

В начале и в конце дежурства делаю обходы своей территории. Во время же дежурства, одетая в зимнее пальто и валенки, закутываясь в ватное большое одеяло, и таким же кулем, втискиваюсь в будку. Ну а если бомбежки или обстрел, то и без одеяла жарко.

Как все ждут наступления наших войск под Ленинградом! На юге началось наступление, под Сталинградом и на Центральном фронте успех, и только у нас пока затянулось оборонительное положение.

7 декабря

Ко мне теперь часто заходит Ляля. Свою «контрабанду» по-прежнему делю между голодающими. Когда у нас варят суп в большой кастрюле, я стучу в потолок, приглашая к обеду Лялю. С тех пор, как уехала Галя Свиглинская, Ляля у нас самая дистрофичная. Она никогда не говорит о своих близких. Смерть отца и матери, отсутствие вестей от брата обрекли ее на полное одиночество.

Вчера к нам зашла Ира Малиновская. После ПКП она работает в детском саду. Выглядит хорошо, выросла и возмужала. Шестнадцатого декабря исполнится год, как умерла ее мама. Вспомнили тот ужасный день, когда мы вином, пока оно не кончилось, продлевали ее жизнь.

28 декабря

Приближается Новый год. Он приходит с радостными надеждами на скорую победу. На фронтах наши войска завоёвывают рубеж за рубежом. От южной окраины Сталинграда фашисты отброшены на двадцать пять километров. А у нас в городе пока бешеные обстрелы и бомбежки. Похоже, что фрицы хотят нам испортить встречу Нового года.

Я изменила Ване Рожко, хожу на танцы с Лешей Мустафой. Хорошенькая фамилия! Говорят, он татарин, а по мне – хоть эскимос. Леша мне очень нравится. Он появился у нас на седьмом этаже недавно в новенькой форме младшего лейтенанта. На внешний вид – ничего: густые черные волосы и белые зубы.

Но главное, как он держится: веселый, но не трепливый, вежливый, но не приторный. На мой взгляд – все в меру.

Пока мы с ним на «Вы», хотя мне всего пятнадцать (но он этого не знает), а ему девятнадцать.

1943

2 января

Новый год я провела на фабрике, в штабе. Немного выпили за успехи наших на фронте. Закусывали хлебом с селедкой – невиданная роскошь! Говорят, попала бочка с селедкой вместо яблочного повидла.

Я сменилась в ночь часов тридцать минут – надо было дать Тосе встретить Новый год. На пост она пришла, естественно, вместе с Толиком, а я побежала в штаб. Не спали всю ночь.

8 января

Сегодня нас отпустили с работы выспаться, так как вчера тревоги не прекращались до самого утра. Я всю ночь провела на своем посту № 3. Это ужасно!

Люся Курьяк дежурила на крыше главного здания. С высоты ей было видно, что немцы сбрасывали много зажигательных бомб. В разных районах города был виден огонь, но его быстро ликвидировали. У нас же не упала ни одна бомба. Повезло!

15 января

В городе ходят разговоры, что на Ленинградском фронте готовится большое наступление²⁸. И Леша сказал, что скоро будет сообщение, так как он точно знает о продвижении наших войск на Ленинградском и Волховском фронтах. Действительно, если прислушаться, слышна постоянная канонада.

18 января

Вечером, сменившись с поста, пришла в штаб. Девчонки где-то раздобыли жидкую, несмываемую губную помаду и намазали губы. Я тоже не отстала. Но если девчонки намазали чуть-чуть, то я, неумеха, жирно намочила пробку и так навела, что можно было подумать, будто у меня изо рта идет кровь. Сначала пыталась смыть, а потом, махнув рукой, легла спать. Вдруг будит меня тетя Дина: «Вставай, „красавица“, блокаду прорвали!».

Я вскочила, хотела поцеловаться, а она, смеясь, отстраняется: думает – замажу. Все побежали на фабричный двор слушать громкоговоритель. Я тоже побежала, прикрыв рот шарфом. Во дворе собралось много народа – вся ночная смена и штабники. Радость была так велика, что многие плакали. Я впервые поняла, как плачут от радости.

²⁸ Операция войск Ленинградского и Волховского фронтов под кодовым наименованием «Искра» по прорыву блокады Ленинграда началась 12 января 1943 г.

Утром привезли наших девчат, временно работавших на ликероводочном заводе. Они отметили там это радостное событие так, что всех вели до нар как больных.

На работу мы шли веселые и счастливые. В цеху то и дело собирались в кучки, обсуждали события. Начальство не ругалось, да его и не было видно. После работы нам объявили, чтобы бойцы команд ПВО собрались в штабе. Даже те, кому положено идти домой. Нас отправили на уборку снега. За сутки его столько намело, что не пройти и не проехать.

Наши девчонки с ликероводочного были «больны» и выйти на снег не смогли. Поэтому мы отработали до полночи. Но их никто не ругал, так все были довольны и счастливы.

Жаль, не могут порадоваться со мной мои погибшие ребята. Так много счастья и почти не с кем разделить!

Думали, немцы от злости забросают нас бомбами, но они притихли. Видно, находятся в шоке.

25 января

Ходили с Лешей в кино, смотрели «Парень из тайги»²⁹. Перед фильмом демонстрировался киножурнал о прорыве блокады. Когда показывали момент соединения Ленинградского и Волховского фронтов, то в зале, так же, как и на экране, кричали «ура» и бросали вверх шапки.

29 января

Под Сталинградом немцы окружены и разгромлены окончательно!

У меня все по-старому. Работаю, дежурю в штабе. Настроение хорошее, да и не только у меня.

Леша уехал в командировку. Опять около меня ходит Ваня Рожко. Нет, все напрасно: Леша со мной, даже когда его нет. Жду, когда он появится. Обычно Леша выходит во двор, садится на перила беседки и украдкой поглядывает на наши окна. Скорей бы!

12 февраля

Налеты и обстрелы участились. Немцы, видимо, бьются от бессилия. Они понимают, что под Ленинградом их тоже скоро погонят, и пакостят, как только могут.

Вчера я слышала по радио, что наши летчики и зенитчики сбили за городом более двадцати фашистских самолетов. Однако они все налетают и налетают. Откуда столько берется этих крылатых гадов?

²⁹ Фильм «Парень из тайги» производства киностудии «Мосфильм» (1941 г., режиссеры Ольга Ивановна Преображенская и Иван Константинович Правов) рассказывал о трудовых подвигах золотоискателей.

20 февраля

Была в центре города и попала под обстрел. Снаряд угодил в дом на Невском. На панели лежали убитые и раненые. Не успела я прийти в себя, как приехали машины и забрали пострадавших. Девчата из ПВО приступили к разборке развалин. Дым с пылью рассеялся, и по проспекту, как ни в чем не бывало, шли люди, шли совершенно спокойно и деловито.

10 апреля

Долго не писала, так как не было никаких особых событий. Не для того я завела дневник, чтобы описывать, как я с парнем хожу в кино или на танцы. Да и хожу не так уж часто. То я на дежурстве, то Леша в командировке.

Обстрелы и тревоги замучили город. Особенно фашисты наловчились попадать в трамваи, из-за этого перенесли многие остановки.

Мама иногда подражается разносить кипяток по цехам в ночную смену. Хотя очень тяжело таскать ведра с кипятком по лестницам, но зато в любой цех открыт вход. И перерыв есть. Часа два-три можно поспать, чтобы на своей основной работе нормально выстоять смену.

Когда я дежурю в штабе, а мама разносит кипяток, прихожу к ней в кубовую, и она по возможности подкармливает меня. В пустом ведре приносит вафельку или горсть концентрата. Мы разводим крупу в кипятке и съедаем кашу недоваренной. Когда же я перестану хотеть есть?

12 апреля

Часто в аппаратах варят не сахарный песок, а переваривают конфетную массу, которую привозят в мокрых мешках с Ладожского озера. Их поднимают со дна, где проходила Дорога жизни. Конфеты получаются мутные, даже увеличенная доза пищевой краски не может придать им аппетитный вид. Но на вкус эти конфеты не уступают изготовленным из сахара. Смотрю на горы мокрых, липких мешков и думаю: «Сколько же затонуло там машин, если с одними конфетами не пересчитать?!».

Возобновила контрабанду в противогазной сумке для Ляли. Такая малость, а радости ей много. Эти пять-шесть конфеток – для Ляльки целое богатство.

15 апреля

Дежурила при штабе. Мне достался третий пост. Это склад стеклотары на задворках фабрики. Тара находится не только в сарае, на крыше которого пристроена будка бойца пожарной команды, но и около сарая все заставлено большими бутылками. Когда я сижу в будке во время воздушного налета, а где-то рядом бьют зенитки, то слышу, как осколки зенитных снарядов звякают по бутылкам. Ночью, конечно, здесь жутковато, так как я одна на порядочном расстоянии от других постов. Об отбое узнаю по радио. Спускаюсь с крыши и бегу в штаб. Там у меня постель с шелковым одеялом.

18 апреля

Теперь, если закрывают наш цех и всех посылают на другие работы, штабные трудятся в ящичном цехе, так как нам нельзя отлучаться с фабрики.

Результаты этой работы таковы: один ноготь уже слезает, два других – на очереди. Почему я не попадаю по гвоздю, а уродую свои пальцы? Если и дальше так пойдет, придется брать больничный. Мне предлагали идти на распиловку, но я отказалась. Неужели не освою сколачивание ящичков?

У нас на фабрике заработал дрожжевой цех. Теперь раз в неделю нам выдают по полкило дрожжей. Эта густая коричневая масса неплоха на вкус. Из дрожжей варим суп. Если туда положить маленькие сухарики, то получается просто деликатес. Сашета отъедается этим супом. Мы с мамой очень рады, так как она за последнее время сильно наголодалась.

20 апреля

Вчера ходила в Выборгский Дворец культуры на концерт. В программе были балетные номера. Когда выбежали балерины кордебалета, смотреть на них было больно: ножки и ручки тонюсенькие, шеи длинные и лопатки выпирают ужасно. В зале (и уж, конечно, на сцене) было очень холодно. Эти балерины настоящие героини, мерзли, но не показывали вида. Когда последний танец кончился, я с облегчением вздохнула. Мне показалось, что на улице было теплее. Шел мелкий дождь. В такую погоду налетов с воздуха не бывает.

3 мая

Первое мая отпраздновала так, как и мечтать не могла. Наш директор фабрики Мазур устроил банкет для всех рабочих. Каждый цех убрали и украсили по-праздничному, сделали длинные столы, которые накрыли белыми накрахмаленными скатертями и сервировали, как в хорошее довоенное время. Вокруг ходили официантки и обслуживали не хуже, чем в первоклассном ресторане. Было шампанское и еще какое-то красное вино. Водки, по-моему, не было. Угощение состояло из бутербродов с красной рыбкой и копченой колбасой, потом принесли тушеное мясо с картошкой. Выпив бокал шампанского, я очень захмелела, поэтому тихо сидела и слушала тосты наших цеховых руководителей. Было так хорошо, что в одно мгновение мне показалось, что мы празднуем победу.

Потом пошли на фабричный двор, где устроили танцы. Я не танцевала, так как у меня еще зимой развалились туфли. Я была в бабушкиных кожаных тапочках и поэтому жалась в сторонке. Но это не испортило мне праздник. А на дворе немного захмелевшие начальник так отплясывали, что любо-дорого было смотреть. Баянист играл все, что просили: русского, цыганочку, барыню и даже кадрили.

Ах, какой молодец наш директор! Так все устроил. Спасибо ему большое!

11 мая

Меня опять хотели отправить на оборонные работы. Но помешала моя принадлежность к штабу МПВО. К тому же вышло постановление, что детям до шестнадцати лет не разрешается работать более четырех часов в день. Теперь с обеда меня гонят домой, и я незаметно, по насыпи, пробираюсь к черному ходу нашего дома. Я не хочу, чтобы ребята с седьмого этажа узнали, что мне нет шестнадцати.

13 мая

По причине малолетства меня освободили от дежурств в штабе. Я совсем затосковала: была больше года взрослой и вдруг опять стала ребенком. С одной стороны – легче, но с другой – скучно. Все мои подружки старше, куда мне деваться?

Опять сажаем в огороде огурцы, редиску и салат.

По радио часто передают военные песни. На мой взгляд, это великолепные произведения. Таких трогательных, патриотических песен не было в мирное время. Одни зовут на бой, другие воспевают боевых друзей и подруг. Все они очень мелодичны, мотив запоминается сразу. Например, песни: «Бескозырка», «Ладога», «Бушлат», «Бьется в тесной печурке огонь...».

29 мая

Сегодня меня отправили на работу в заготовительный цех, да не куда-нибудь, а в охрану. Мне коротко объяснили, что нужно делать, хотя я и сама прекрасно знала, какие задачи стоят перед охраной. Я скромненько уселась на стул у двери в цех. Час прошел спокойно: почти никто не входил и не выходил. Я чуть не заснула.

Вдруг после девяти часов повалил народ. Я всех цеховых не знаю, и спрашивать неудобно. Сажу, моргаю. Только когда прошла в цех знакомая женщина из бухгалтерии и направилась к бочкам с вареньем, я поняла, откуда взялись эти люди. Прознав, что в охране сидит неопытная девчонка, все решили плотно позавтракать. Господи, хоть бы не шли так нахально! И точно. Увидел технолог толпу у бочек с повидлом и вареньем, быстренько всех выпроводил, а мне дал нагоняй.

На следующий день меня направили на заготовку дров. Они нужны для барабана, в котором обжаривают орехи. Вот это работа – двое пилят, третий колет. К двенадцати часам, когда нам пора домой, у нас заготовлено дров для барабана до конца смены. Из цеха мы выходим через сушилку (деревянная пристройка) и по шаткой лестнице спускаемся во двор. Таким же путем носим дрова к «барабану», а те, что заготавливаем впрок, складываем в сушилке. При выходе из цеха нас никто не проверяет. Такое доверие обязывает.

Со мной работают тоже малолетки – Рита Петрова и Миша Егоров.

6 июня

Начальник ФЗО переругался с руководством заготовительного цеха, доказывая, что заготовка дров – не обучение кондитерскому делу. Возражения цеха, на мой взгляд, веские: рабочих не хватает, идет война. А конфеты делать научимся, не состаримся же мы до конца войны.

Опять заготовливаем дрова для «барабана». Полешки у нас одно загляденье: по определенному размеру длинные и тонкие. Мы так наловчились, хоть штангенциркулем измеряй.

Сашета работает все в том же трампарке. Если судить по внешнему виду, то она слабая, старая женщина, однако у бабушки хватает сил стирать постельное белье на все общежитие трампарка.

Мама немного поправилась. У нее завелся дружок Сима, небольшого роста, неказистый мужичок. Теперь на «заработки» в пищевые цеха они ходят вместе. У Симы все погибли зимой 1942 года. Удивительно, как он сам-то уцелел! Уж не обедал ли своих, как это делал отец двух девочек из шестой квартиры? Я его стараюсь не замечать, мама же обижается, говорит, что Сима очень хороший человек. Ну ладно, будем считать так. Вообще-то ей, действительно, везет на хороших людей.

Налеты с воздуха и обстрелы не прекращаются ни днем, ни ночью. Расположение орудий на высотах позволяет немцам вести прицельный огонь. Из-за этого очень много человеческих жертв.

14 июня

Наш цех работает рывками. За две недели выполняет месячный план. Это получается за счет работы по 10–12 часов в день. Некоторые работницы, живущие далеко от фабрики, ночуют прямо в цехе. Выполнив план, цех убирают дочиста, и все отправляются на другие работы. Сейчас, в основном, посылают на слом деревянных домов – заготовливать топливо для будущей зимы. Наша бригада из шести женщин ломает дом на Новосильцевской улице. Когда мы к нему подошли, я не поверила, что нам удастся его разобрать за 2–3 недели. Таким он казался прочным и массивным. А разломали за одну неделю!

Сначала сломали крышу, орудия пилой и топором. Потом пропилили угол сверху донизу и, зацепив его веревкой, свалили на землю. Также расправились и с другими углами, а стены упали сами. Растащить же все это и сложить не потребовало особого умения.

25 июня

«Барабан» остановили из-за отсутствия сырья. Меня послали на овощную базу. Перебираем прошлогодние полугнилые овощи. Почти каждый день дают новое задание. Сегодня послали собирать по двору ломаные ящики. Меня это возмутило! Ведь собрать ящики могут те, кто занимается ремонтом тары.

Не выдержала и пошла к директору базы: «Давайте нормальную работу или отправляйте обратно на фабрику!».

Поддействовало. Направили на промежуточный склад. Это большой сарай, находящийся среди овощного поля. Сюда поступают овощи прямо с гряд: зеленый лук, редис, укроп, петрушка, сельдерей. Сюда же подъезжают машины из различных организаций (больше из военных), и мы нагружаем на машины ящики со свежей зеленью. Другую часть овощей отправляют в столовые города. На складе нас четверо грузчиков, я и еще три женщины среднего возраста, но мне с ними не скучно.

Завскладом работает Шура Доля – молодая, спокойная женщина.

К обеду готовим на всех крошево из лука, редиски и зелени. Наши организации, изголодавшиеся по витаминам, способны поглотить этой зелени несметное количество.

29 июня

На склад привезли зеленые листья капусты. Шура Доля решила отправить их в столовую вместе с луком и зеленью. Меня она назначила сопровождать машину в город. Надо сдать товар и привезти Шуре копии накладных. Нагрузили машину и поехали. Шофер – маленькая кудрявая девчонка, лет восемнадцать, не больше. Сдали зелень, получили документы и повернули обратно. Когда ехали по шоссе, мой шофер начала баловаться: пускать грузовик зигзагами, сильно увеличивать скорость, но все обошлось благополучно. Девушка довезла меня до базы и поехала в гараж. Я отдала копии накладных. Шура отпустила меня домой.

В городе все чаще и чаще встречаются люди, большей частью военные, с медалями на широкой зеленой ленте. Это медаль «За оборону Ленинграда»³⁰.

10 июля

Второй деть работаем на торфоразработках в Ольгино. Поселили в хорошеньких двухэтажных домиках с большими верандами. На заброшенных клубах цветут маргаритки и анютины глазки. Мы, «малолетки», работаем на сушке торфа. Взрослые режут торф на большие кирпичи и на носилках выносят из болота на поляны, а мы складываем эти мокрые куски в небольшие пирамиды

³⁰ 22 декабря 1942 года вышел Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об учреждении медалей «За оборону Ленинграда», «За оборону Одессы», «За оборону Севастополя», «За оборону Сталинграда». В положении о медали «За оборону Ленинграда» говорилось: «Медалью награждаются все участники обороны Ленинграда: военнослужащие Красной Армии и Военно-морского флота, войск НКВД, а также лица из гражданского населения, принимавшие непосредственное участие в обороне». Изготовление медалей было поручено заводам «Красный Выборжец», Сталепрокатному и Монетному двору. Автором проекта медали «За оборону Ленинграда» был художник Н. И. Москалёв. До конца 1943 года был вручен 1 миллион 92 тысячи этих медалей, из них 300 тысяч – гражданским лицам.

с отверстиями. Через день-два, когда внешняя сторона пирамиды обсохнет, ее перекладываем сырой стороной к солнцу. Лето стоит прекрасное: солнечное, жаркое. Пение птиц по утрам просто оглушает.

21 июля

Сегодня я опять сопровождала машину с овощами. На склад поступили кабачки, созревшие в опытной теплице. Вернее, половинки кабачков, а все семена были вынуты. Кабачки надо было доставлять в столовую, находящуюся на территории Петропавловской крепости. Только мы выехали на набережную Невы, начался обстрел. Снаряды рвались на обоих берегах. Водитель завернул в первый попавшийся двор. На повороте нас атаковала ватага мальчишек с крючками из толстой проволоки, похожими на кочергу. Они прямо на ходу повисли на бортах машины и крючками сбрасывали кабачки на дорогу. Пока я вылезала из грузовика, они уже удрали со своей добычей под мышками.

При взвешивании в столовой кабачков оказалось меньше на девять килограмм. Я расстроилась и растерялась: что же делать? Заведующий столовой предложил составить акт. Действительно, пусть хоть акт будет оправданием перед Шурой. Однако она очень спокойно отнеслась к случившемуся, даже успокаивала меня.

Я прибежала домой и еще успела в больницу к Сашете. Ее положили с подозрением на желтуху, но пока диагноз не подтвердился, и Сашету подлечивают от гипертонии.

8 августа

С полей на наш склад поступает все больше и больше овощей. Ящики с овощами стали более весомыми. Вместо салата, редиски и зелени привозят редьку, репу и брюкву. Теперь мы едим овощную солянку, от которой я заметно поправилась.

Вечерами по-прежнему ходим с Тосей на танцы. С Лешей видимся редко, он часто уезжает в командировки.

15 августа

Серый, туманный день. Сажу дома на больничном. Неловко повернулась с ящиком свеклы, и в поясницу словно ударили ножом. Еле добралась до дома. Врач нашел смещение позвоночного диска, хожу на массаж. Когда поправлюсь, вернусь работать на фабрику – поднимать ящики с овощами мне теперь нельзя.

Хочу вылечиться к 21 августа, своему дню рождения. Ведь мне «стукнет» шестнадцать. Получу паспорт и, наконец, стану взрослой на законном основании.

22 августа

День рождения прошел скучно. Пришли родственники и за столом вели нудные разговоры о домашних делах. Правда, немного выпили и угостились американской колбасой из банки. Очень вкусно! Потом я увидела в окно Лешу

и сбежала к нему. Мы гуляли в парке до позднего вечера. Про день рождения я ему ничего не сказала. Поясница все еще побаливает.

26 августа

Мама опять говорила со мной о продолжении учебы. После прорыва блокады жизнь в Ленинграде налаживается с каждым днем. По радио объявляют о приемах на учебу в техникумы и институты. Мама хочет, чтобы я поступила учиться. А куда идти? У меня неполные семь классов. Я сказала, что подумую.

3 сентября

Услышала по радио, что Художественное Промышленное училище производит дополнительный набор на первый курс. Можно поступить с шестью классами. Бегу в школу за справкой.

4 сентября

Ездила в училище на Таврическую улицу. Показала свои старые натюрморты, пейзажи и справку за шесть классов. Меня зачислили условно: если не будет хорошей успеваемости по общеобразовательным предметам, могут отчислить. Надо подавать заявление об увольнении с фабрики. Честно говоря, страшно «сжечь все мосты», страшно остаться без возможности прийти в цех и наесться сладкого. Одно сознание, что можно подкормиться, уже придает бодрости. Чувство голода до сих пор не отпускает.

Но надо решаться, ведь не учусь почти с начала войны. Правда, в такой перемене много отрицательных сторон:

- вместо рабочей карточки получу служащую, то есть продуктов буду иметь вдвое меньше, в том числе и хлеба;
- не смогу подбросить конфеток своим, да и сама поест сладкого, значит, голодуха прихватит ой-е-ей;
- придется ездить каждый день на Таврическую через обстреливаемые районы города.

А какие положительные моменты? Учеба и учеба, не будет щемить сердце, что остаюсь неучем. Пусть станет голоднее, теперь это не смертельно. Да и Надя пишет в письмах, чтобы я обязательно шла учиться.

11 сентября

Уже несколько дней учусь в ХПУ. Училище располагается в чьем-то бывшем особняке. Из парадного широкая мраморная лестница ведет на второй этаж. Когда поднимаешься по лестнице, перед глазами – великолепный цветной витраж на всю стену.

Когда я приехала сдавать документы в училище и в ожидании ответа сидела в приемной, вошла девушка примерно моего возраста. Она сильно хромала,

но вид у нее был очень задорный. Она была здесь явно не новичок. Весело пощечивая с секретаршей, она вышла, мельком взглянув на меня.

На занятиях наши мольберты оказались совсем рядом, мы познакомились. А она, Люся Кордюкова, познакомила меня со своими подругами. Они называли себя мушкетерами: Люся – Портос, Нина Петролли – Атос и Оля Осинская – Арамис. Мне предложили быть д'Артаньяном. Я согласилась и очень обрадовалась, что так быстро завоевала расположение бойких девчонок.

Они поделились со мной бумагой, так как я не догадалась прихватить из дома. Рисовали на обратной стороне портретов великих людей. Серия этих портретов продается в книжном магазине на Невском. Это прекрасный, чуть желтоватый ватман. Надо купить и мне, пока не распродали.

Сегодня по радио сообщили о капитуляции Италии³¹. Я и не знала, что она воюет против нас вместе с Германией.

И еще выбили немцев из Полтавы.

В Москве за каждый освобожденный город – салют! Теперь почти каждый день салютует, а иногда и по два раза в день. Счастливые москвичи!

13 сентября

Съездила на Невский, купила портретов, теперь мне хватит бумаги на весь год. Купила и разных рисовальных принадлежностей. Я понятия не имела, что для работы акварельными красками пользуются только колонковыми или беличьими кисточками.

Сейчас рисуем натюрморт из геометрических фигур, расположенных на васильковом шелке. Учимся правильно выбирать соотношение пропорций, чувствовать светотень. Я сижу рядом с Люсей-Портосом. Слегка скосив глаза, вижу, как она заштриховывает рисунок наклонными линиями, – такое впечатление, что идет сильный косой дождь.

15 сентября

В училище еду на двух трамваях. До улицы Некрасова, потом пересаживаюсь и еду до 8-й Советской. Далее иду пешком по Суворовскому проспекту, поворачиваю на Таврическую и топаю в самый конец. Дорога к училищу не из легких, а если учесть, что она проходит по обстреливаемым участкам города, то можно сказать – трудная.

Неожиданно очень повезло: у меня появился попутчик – Толя Артемьев. Он предложил другой маршрут: ехать на трамвае до улицы Воинова и идти по ней до училища. В этом варианте пешеходный путь больше, но зато исключается крюк второго трамвая.

³¹ Правительство Италии капитулировало под ударами союзных войск (англичан и американцев) 8 сентября 1943 г.

16 сентября

Толин вариант мне понравился. Мы легко соскочили на ходу трамвая, когда он сбавил ход на спуске с Литейного моста, и пошли по набережной. Где-то в районе Кирочной улицы грохотал артобстрел. Благодаря новому маршруту мы избежали лишней опасности.

22 сентября

Вчера был первый урок живописи. Пока будем писать только акварельными красками. Учитель, на вид болезненный и истощенный человек с красивой бородой и смелой манерой общения (мальчишки тут же прозвали его Шишкиным), попросил сдать ему тюбики с черной краской. «Акварель, – сказал он, – легкая, прозрачная краска, она не терпит черноты и какой-либо мутности. Даже глубокие тени учитеесь писать без ее помощи».

Начали акварелью тот же натюрморт с белыми геометрическими фигурами. Сначала все разочаровались: что тут писать – сплошная бледность красок! «Лично я вижу не менее пяти-шести тонов, всмотритесь внимательней». И вдруг я увидела, что белые фигуры совсем не белые, на них блики разных цветов. Самые сильные блики от василькового шелка, другие – желтоватые, розовые, сиреневые, идут как бы издалека и отражаются на фигурах слабо. Мне сразу захотелось начать работу.

30 сентября

По моим записям заметно, что учеба занимает все мои мысли. Даже главное забываю записывать – наши победы на фронте. Несколько дней назад освободили Смоленск и еще какой-то город (вот что значит – не записать сразу). Завтра спрошу у Толи.

Большая перемена в училище в 12 часов. Мы с Портосом бежим в булочную. Выкупаем по карточкам дневной паек хлеба и сразу съедаем – это наш обед. Учебный день заканчивается в 15 или 16 часов, в зависимости от количества уроков.

Дома – суп или каша. Мама изо всех сил старается накормить меня поплотней, чтобы я не очень чувствовала уход с фабрики.

Сашета устроилась на более легкую работу – ночным сторожем в продуктовый магазин. Как ей только не страшно! Бабушка говорит, что к ней часто заходит милиционер. Поговорят о житейских делах, о событиях на фронте, вот ночь и короче покажется.

И все же не обошлось без приключения. Ночью, как обычно, привезли в магазин хлеб. Один из грузчиков предложил Сашете купить буханку. Бабушка всегда при деньгах, их у нас накопилось, как никогда. То, что мы тратим на продукты по карточке, такая малая доля – хватит одной моей стипендии.

Мама не один раз бабушку предупреждала, чтобы не покупала хлеба явно ворованного. Но бабушка переживает, что мне хлеба не хватает, да и сама

голодная, вот и купила злополучную буханку. Уехала машина, Сашета корочку отломил, жует и радуется. Вдруг как из-под земли появились два парня: «Дай, бабка, хлеба попробовать». Сашета отступает, прижимая к груди теплую буханку, но один из парней ловко выхватил хлеб, и они не спеша пошли по пустынной улице. Бабуля заплакала: пропала буханка! Не заметила, как знакомый милиционер подошел. Сначала боялась сказать, что купила хлеб, а потом решилась и показала, куда пошли парни. Через некоторое время милиционер принес ей чуть побольше полбуханки – остальное воришки успели съесть.

3 октября

Наступление наших войск теперь не остановить до самого Берлина! Все так говорят. Настроение хорошее, приподнятое. Часто захожу в парикмахерскую на Литейном, делаю завивку щипцами. Волосы у меня послушные, этой прически хватает на всю неделю. На танцы ездим в клуб МВД или в Мраморный только по субботам или воскресеньям. Мне необходимы модельные туфли. Не могу же я все время танцевать в чужих! Решили продать швейную машину (подарок бабушки Кати) и купить хорошие туфельки. Сплю и вижу светлые, изящные, на невысоком каблучке.

12 октября

Сегодня мы с Толей еле добрались до училища. Был обстрел по всему нашему маршруту до самой Таврической. Мы короткими перебежками продвигались к училищу, несло кислым пороховым дымом, гарью. У самого входа в училище нам пришлось низко присесть и прижаться к дому. Снаряд разорвался совсем близко, в Таврическом саду. Как вздрогнул и задрожал раненый дом! Осколки впились в него над самыми нашими головами. Но, слава богу, на сегодня это был последний снаряд. Мы спокойно отзанимались, а когда шли домой, погладили свежие щербинки на особняке.

В ближайшее воскресенье поедem на «черный рынок» за туфлями. В магазинах сейчас нет никакой обуви, кроме тряпичных тапочек.

Пришло письмо от Нади, она поздравляет меня с началом учебы, надеется, что скоро снимут блокаду, и она сразу же приедет в Ленинград. В письме Надя просит подробнее писать о Ленинграде. Я ее понимаю: почти три года – вдали от родного города.

15 октября.

После занятий ходили в кинотеатр «Спартак», смотрели фильм «Радуга»³². Главную роль играла украинская актриса Наталья Ужвий. Очень тяжелый и реалистический фильм, я до сих пор под впечатлением. Нет, что ни говори, а самое

³² Фильм «Радуга» (1943, режиссер Марк Донской) поставлен по одноименной повести Ванды Василевской и повествовал о героизме партизан, о простой украинской женщине Олене Костюк, вставшей в ряды народных мстителей.

*Жертвы обстрела на углу Невского проспекта и Садовой улицы (тогда – проспекта 25-го Октября и улицы 3-го июля).
Фото Н. Хандогина, 8 августа 1943 г.*

страшное – не бомбежки, не обстрелы и не голод. Самое страшное – быть в оккупации, жить под сапогом у этих мерзких фрицев. Господи, какое счастье, что кругом свои советские люди!

17 октября

Не могу не описать смешной случай в училище. Вчера мы с Люсей так углубились в учебу, что пропустили время обеда (звонка у нас не дают). Обнаружив это по моим часикам, мы резко вскочили, отпихнув мольберты, и помчались вниз по лестнице в булочную. Рядом с нами рисовал Боря Маслов, абсолютно глухой. Он подумал, что начался обстрел, вскочил и понесся за нами, роняя мольберты. Он обогнал нас на лестнице и с искаженным от страха лицом присел в вестибюле. Увидев наши смеющиеся лица, он смущенно

встал и, погрозив нам кулаком, удалился наверх. После обеда пришлось написать Боре записку с извинениями.

Да, сегодня купили туфельки. Хотя мне и хотелось светлые, но подошли по ноге черные. Зато весь перед у них – резной, и на светлых чулках это очень красиво выглядит. Каблучок – средний, как я и хотела. Отдали все двести рублей, за которые продали швейную машинку.

20 октября

Наши ребята из НКВД с седьмого этажа переехали в домик, где раньше была парикмахерская. Встречаемся теперь реже, и узнать, где Леша, нет никакой

*Жертвы обстрела на углу Невского проспекта и Садовой улицы
(тогда – проспекта 25-го Октября и улицы 3-го июля).
Фото Н. Хандогина, 8 августа 1943 г.*

возможности, а от него – ни слуху, ни духу. Думаю, что он потерял ко мне интерес. А я вспоминаю его почти каждый день. Очень хочется увидеться. Ничего не слышно с Леше и от его ребят, а спрашивать я не хочу.

25 октября

Приехала из училища – дома никого, холодно, тоскливо. Затопила печку, с ней, горячей, всегда уютней и веселей. Смотрю на яркое пламя, глаза слезятся, слезы так и текут по щекам. Сижу, плачу сама не знаю о чем. Прогорели дрова. Стою я в темной комнате, прижавшись к теплой печке, и такое у меня состояние, словно жду чего-то, на душе тревожно. Неужели это по Леше тоска, неужели влюбилась? И так мне захотелось, чтобы он пришел. Леша!

Вдруг раздался звонок, и сердце забилось так часто, что я задохнулась, не могу сдвинуться с места. Потом отворила дверь – на темной лестнице стоял Леша! Я сумела быстро скрыть свои чувства, свое смятенное состояние и спокойно предложила войти. Теперь такое время, что гостя не угощают, так как нечем. Мы сели на диван и проговорили около часа, пока не пришла Сашета.

Говорили так, ни о чем, то есть ни о чем серьезном. Я делала вид, что немного рада его приезду, хотя на самом деле была просто счастлива. Он, как всегда, шутил. Потом Леша ушел, не сказав, когда снова появится здесь, и я не спросила. Когда между нами пробежала черная кошка? Говорят, что разлука гасит

маленькую любовь, а большую раздувает еще сильнее. Ну, конечно, откуда было взяться большой любви?

5 ноября

Вчера все училище работало на заготовке дров. Огромную кучу перетаскали в подвал, там пилили и кололи, благо подвал большой. Я забыла на дровах меховую муфту, а сегодня ее уже не было. В варежках сильно мерзнут руки, особенно отмороженные еще в сором первом указательные пальцы.

9 ноября

Вот и праздники прошли. Восьмого ходили с Тосей в Лесотехническую академию на концерт и танцы. Дома был пирог с саго. Хотя из темной муки, не очень пышный, но все-таки пирог!

Наши войска продвинулась на юге, освободили Киев. Скоро будут перемены и под Ленинградом. У всех нетерпеливое ожидание чего-то грандиозного.

15 ноября

В училище холодно, хотя с утра топят печи. Руки стынут, трудно держать карандаш или кисточку. Общеобразовательные предметы у меня идут хорошо. Особенно алгебра – сплошные пятерки. В учебную программу ввели военное дело. Военрук – бывший фронтовик, списанный из-за ранения. Изучаем военный устав и занимаемся строевой подготовкой. На днях военрук показал нам, как взрывать гранату. Спрятал всех за деревья, сорвал кольцо и бросил гранату в воронку от снаряда. Я ожидала, что сильно грохнет, а на самом деле едва услышала «пык». Разве нас удивит гранатой, если под боком рвутся снаряды.

21 ноября

Вчера мельком видела Лешу. Собрались с девочками в кино, пошли на трамвай. Вижу, они себя как-то странно ведут, захотели идти на другую, дальнюю остановку. Поспорили, потом все же пошли на ближнюю остановку к бывшей парикмахерской. Сели в трамвай, и тут Тося мне шепнула, что приехал Мустафа. Я хотела выскочить, но меня прижали к сидению. Смотрю на их дом, а в окне – Лешка, глядит во все глаза, да на другой вагон, меня не видит. Так наши глаза и не встретились. В кино я ничего не видела: передо мной стояло милое, встревоженное лицо Лешки. Ну и подружки! Хотели скрыть от меня его приезд, увезли насильно в кино. А может быть, так лучше? Ведь он почему-то не зашел ко мне.

7 декабря

В соседнем доме, в бывшей дворницкой, сделали красный уголок: поставили пианино, стулья, принесли патефон. Заходит вечером молодежь, танцует. Приходит играть на пианино очень милая дама, ее сопровождает морской офицер.

У дамы пышные волосы, подобранные кверху, и белая ажурная шаль на плечах. Она играет, а он внимательно слушает и курит трубку.

В воскресенье, от нечего делать, мы с Тосей зашли в красный уголок. Смотрим, а там новые лица – офицеры с погонами артиллеристов. Разговорились. Оказалось, что их часть расположилась в школе недалеко от нашего дома. Мы познакомились с Володей Филипповым и Женей Сладковым. На следующий день пригласили их ко мне домой. Узнали, что Володя медик, а Женя почему-то химик. В тот вечер у меня была Ляля, и мне показалось, что Жене она понравилась.

12 декабря

Тося и Ляля встречаются с нашими новыми знакомыми. Недавно они ходили в Выборгский Дворец культуры на концерт военного ансамбля песни и пляски. Ляля и Тося не хотят приглашать ребят к себе: стесняются убожества своих маленьких комнат. Поэтому Тося назвалась моей сестрой, и мы по-прежнему собираемся у меня. Играем в лото или танцуем.

Женя – интеллигентный парень с красивым нежным лицом. Володя попроще, из какой-то местности, где говорят не «вижу тебя», а «вижу тебе». Это немного принижает его в наших глазах. Однажды Тося сказала: «Володя, говори – вижу тебя». А он ответил: «Чего не могу, того не могу». Мы так и не поняли, шутка это или серьезно.

18 декабря

Вчера Володя пришел раньше обычного и без Жени. Он признался, что ему с Тосей скучно и он хочет встречаться со мной. (Вот это поворот!) Володя пригласил меня на очередной спектакль в Выборгский Дворец культуры. Вечером я сказала об этом Тосе. Она вздохнула и, как мне показалось, с облегчением.

20 декабря

Мне понравился веселый музыкальный спектакль, но еще больше понравилась праздничная, почти довоенная обстановка в театре. С тех пор когда я была в Выборгском Дворце культуры на концерте с балетными номерами, он изменился неузнаваемо. В украшенном к Новому году фойе тепло и уютно. Публика тоже изменилась к лучшему: принарядились похорошевшие женщины, военные при множестве медалей и орденов. Приятно видеть веселые лица, искренний смех. В антракте все говорили о важном сообщении – о прорыве вражеской мощно укрепленной обороны под Невелем. От близости победы радостно запрыгало сердце!

22 декабря

Встречаемся по-прежнему у меня. Женя Сладков не может прожить и дня без Ляли. Она расцвела и очень похорошела. В этом году у Ляли большой огород

рядом с Геофизической обсерваторией. Овощи, особенно картошка, сыграли немаловажную роль в округлении ее фигуры. Одно плохо: Ляля стала курить, и ее тяга к куреву очень сильна. Постоянное ее желание – найти покурить, так как своего курева у нее никогда не бывает. Хотя Женя не курит, мне он признался, что очень понимает Лялю. Ведь в самые голодные месяцы по карточкам давали табак, и многие стали курить, чтобы заглушить голод. И вот – голубоглазая, с шикарными золотистыми волосами, девчонка с самокруткой во рту важно выпускает дым через курносый носик. «Женя, что же делать, как отучить ее?» – переживаю я. Он отмахивается: «Это не самое страшное».

25 декабря

Володя пригласил меня на фильм «Сто мужчин и одна девушка»³³. Я охотно согласилась, и мы поехали на Невский в кинотеатр «Октябрь». У кинотеатра толпился народ, спрашивали лишний билетик. В фойе было тепло и уютно, играл небольшой оркестр. И тут началось...

Где-то невдалеке разорвался снаряд. Мы почувствовали это по сотрясению здания. Но оркестр играл, люди спокойно слушали. Следующий снаряд упал совсем рядом, вылетели стекла, затрепетали и надулись, как парус, синие шторы. Оркестр перестал играть, но никто не расходился. Вошел администратор и хотел что-то сказать, но разрыв следующего снаряда заглушил его слова. Махнув рукой, он вышел. Я огляделась. Оркестра уже не было, народ устремился к выходу. Я разозлилась, прошла через фойе и демонстративно села у самого окна. Мне так хотелось посмотреть этот фильм с Диной Дурбин!

Володя сел рядом и сказал, что я смелая девчонка. В тишине мы услышали стоны раненых под самым окном кинотеатра. «Сойди вниз и подожди меня», – сказал Володя и побежал оказывать медицинскую помощь. Я долго ждала его, потом не выдержала, прошла через черный ход и пошла к Невскому. На углу чуть не споткнулась об убитых, которых я сначала приняла за грязную кучу снега. Я вскрикнула и попятилась. Не знаю, почему это так напугало меня, ведь за блокадные дни я видела не одну сотню трупов. Вдруг почувствовала, что кто-то взял меня за плечи. Володя! Я обрадовалась ему как родному! Володя рассказал, что один снаряд попал в трамвай, когда он пересекал Литейный проспект; другой разорвался тоже на Невском, у улицы Рубинштейна. Поскольку рельсы были разбиты, и по Литейному трамваи не шли, мы отправились домой пешком.

Каждая серая куча снега, лежащая у тротуара, нагоняла на меня необъяснимый страх. Я невольно пристально всматривалась и, убедившись, что это снег,

³³ Мюзикл производства США, 1937 г. Фильм прошел по всему миру и стал классикой Голливуда. Это была первая лента с легендарной актрисой Диной Дурбин, купленная для демонстрации в Советском Союзе. Картина была выдвинута на пять номинаций киноакадемии и получила награду за лучшее музыкальное оформление.

с облегчением проходила мимо. Конечно, я старалась, чтобы Володя ничего не заметил. У Финляндского вокзала мы сели в трамвай, который шел на Выборгскую сторону, и, наконец, добрались до дома.

28 декабря

Вечером Володя предложил погулять по парку. В городе грохотали беспрерывные обстрелы, и ехать туда было просто безрассудно. Мы прошли по парку до самого конца и обратно. Был чудесный зимний вечер. Медленно падали крупные снежинки. Деревья, кусты и провода были выбелены инеем. От легкого морозца снег поскрипывал под ногами, а в воздухе пахло свежестью. Когда мы проходили под фонарем, Володя внезапно обнял и поцеловал меня. Мы прошли еще немного и – опять поцелуй под фонарем! Я не выдержала и рассмеялась...

Володя сказал, что у них намечается грандиозная встреча Нового года и что он хочет, чтобы я была с ним. В чем же мне пойти? Туфли есть, а платья нет. Мое единственное вишневое – не по сезону. На помощь пришла Лида Рябцева. У нее много нарядов, она старше меня на два года, и ее родители успели хорошо одеть дочь еще до войны. Теперь эти наряды Лида с радостью дает девочкам, оказавшимся в затруднительном положении. Мне подошло черное бархатное платье с белым кружевным воротничком и такими же манжетами. Спасибо тебе, Лида, за доброту!

Прибежала сияющая Ляля, она тоже идет с Женей встречать Новый год.

30 декабря

Буквально на одну минуту забежал Женя сказать, что завтра они зайдут за нами около десяти часов вечера. Для встречи Нового года сняли частный дом, хозяева согласились помочь с устройством праздника. Продукты комсостав экономил из своих пайков, да еще н. з. – ведь теперь он уже не нужен.

Мы с Лялей с нетерпением ждем свой первый бал. Да еще можно будет как следует поесть.

1944

2 января

Какой был Новый год! Я даже в мечтах не могла бы придумать лучшего.

Ребята зашли за нами, и я заметила, как заблестели глаза у Володи. Видимо, я ему очень понравилась в бархатном платье. Мы оделись и пошли. Туфли, завернутые в газету, несли под мышкой. Кавалеры повели нас «прямой» дорогой. Пришлось перелезть через две крутые железнодорожные насыпи по рыхлому снегу. Мы лезли вверх, но сползали вместе со снегом обратно, снова лезли и снова сползали. Наконец, ребята извинились и стали подпирать нас сзади.

Мы преодолели эти преграды с валенками, полными снега. Сели на скамейку, вытряхнули снег. Ребята носовыми платками обтерли наши ноги в шелковых чулках.

Пришли в дом. В передней теснота ужасная, пальто и шинели висят горой с двух сторон, еле пролезли между ними. Вошли в комнату и ахнули! Комната – этаж с три наших, метров 45–50. Настоящий зал! Шикарный мраморный камин, у окна елка, а посередине – длинный стол, очень красивый в праздничном убранстве. На столе красиво нарезаны и уложены американская тушенка, колбаса из банок, мясо ломтиками, огурцы и прочие деликатесы. Но это я уже потом разглядела. А когда мы вошли, нам с Лялей сразу подали кресла и стали подходить знакомиться. Из девушек мы были пока одни.

Наши ребята куда-то ушли, и мы остались среди незнакомых парней. Один из них уселся у моего кресла прямо на ковер и стал вести «светскую» беседу. Лялю обступила целая толпа офицеров. Я заметила, как она натянула платье на свои все еще тонкие ножки. Господи, какое внимание! Я думала, что так бывает только в кино. Завели патефон, стали танцевать. Я заметила одного парня, сидящего за столом у стены с очень грустным видом. Подошли новые ребята, появились и девушки. Но теперь никто не знакомился, только здоровались. Офицер на ковре спросил, сколько мне лет. Я сказала, что шестнадцать с половиной. Он с улыбкой покачал головой.

Пришел комбат с женой, и все стали садиться за стол. Мы с Володей оказались напротив того грустного парня. Его зовут Саша Романов. Володя шепнул, что у него в оккупации погибли все родные.

Комбат встал, и все затихли. Он сказал несколько слов о нашем победном шествии на фронтах, напомнил, что предстоит еще много боев, и один из них будет очень скоро. Потом поздравил с наступающим Новым годом. Часы пробили полночь, все закричали «ура!». Подняли бокалы. Ну а потом – разговоры, танцы и опять застолье. Женя и Володя все подкладывали нам с Лялей еду, знали, что мы голодные. Но разве накормишь за один раз, если голодали не один год? Я рассматривала людей, сидящих за столом. Володя называл имена своих товарищей, коротко рассказывая о них. Как я поняла, это минометчики. Сейчас у них небольшой отдых перед очередным броском.

Как мне не хотелось, чтобы кончалась эта новогодняя ночь! Но она кончилась, и мы пошли домой. На прощание Володя сказал, что мы обязательно отметим и старый Новый год, если только их не отправят до 13 января.

3 января

Утром, когда мы с Толей бежали к училищу, начался обстрел. Рядом, за домами, разорвались первые снаряды. Не успели мы дойти по набережной до подворотни, как снаряд разорвался прямо посередине Невы. Обернувшись

на взрыв, я увидела столб дыма и ледяные осколки, летящие во все стороны. Я невольно зажмурилась, и не напрасно: мелкие крупы льда достигли моего лица. Забежали на лестницу, которая, по Толиным расчетам, была не так уж опасна. Когда разрывы стали пореже и дальше, мы припустили на Таврическую. До чего изнуряют эти обстрелы, как это все осточертело! Ведь жизнь наладилась, трамваи ходят, электричество горит, работают кинотеатры. Но обстрелы порой напрочь перечеркивают все планы, а иногда и жизнь. Как с этим примириться?

Вечером пришли Володя с Женей, погуляли недалеко от дома. Надолго отлучаться им нельзя, так как в любую минуту их могут отправить на передовую. Уходя из части, они говорят, где их искать. Володя просил меня чаще ему писать. Он сказал, что обстановка в части напряженная, ждут приказа каждый день, каждый час. От нечего делать мы дурачились, бросались снежками. Пришла домой вся в снегу.

4 января

Ребята сказали, что приказ об отправке может прийти с минуты на минуту. Отправятся сегодня или завтра ночью. Все передвижения войск происходят в полной темноте и полном неведении горожан. Мы простились, на всякий случай пообещав писать друг другу как можно чаще и только правду (на это особенно нажимал Володя). Когда они ушли, мы с Лялей решили покараулить с двенадцати часов ночи, выяснить, отправят ли их и, может быть, еще и увидеться. Жаль их очень. Идут за нас, может быть, на смерть – парень из Белоруссии и парень из Казахстана.

5 января

Гуляли вчера с Лялей до двух часов ночи, но в школе было все спокойно, и мы ушли спать. Вечером, часов в семь, ребята забежали и сообщили под большим секретом, что отправляются сегодня в час ночи. К походу все готово. Володя подарил мне прозрачный трафарет, где маленькими и большими квадратами нанесены деления. Эти трафареты они накладывают на карту расположения противника и бьют из минометов. «Когда-нибудь ты догадаешься, какие это минометы», – сказал он. Мы опять попрощались.

6 января

Ночью ходили с Лялей провожать часть, где служат Володя и Женя. Мы поджидали ее на проспекте Карла Маркса у хлебозавода. Бойцы шли в полной тишине, ехали машины с зачехленными минометами. Мы сразу догадались, что это «катюши». Знакомых никого не увидели, да и стояли мы у забора, в тени – боялись, что нас заберут.

Прощайте, милые мальчики, возвращайтесь живыми!

7 января

Вчера мы уже легли спать, как вдруг звонок. Я накинула свой синий сатиновый халат и открыла дверь. На площадке стоял... Володя. Я замерла от неожиданности. Он вошел в переднюю и как-то робко посмотрел на меня. Оказывается, Володька приехал с попутной машиной. Через час она пойдет назад и прихватит его. Он не захотел пройти в комнату, стеснялся спящей Тоси (он так и не знал, что мы не сестры и живем в разных квартирах), попросил постоять с ним в передней. Мы стояли, прислонившись к комоду, и тихо разговаривали. Удивлению моему не было конца. Ехать два с половиной часа, чтобы часок поговорить с девчонкой, которую и знал-то всего около месяца!

Оказывается, Володя понял, что не сказал мне самого главного и все думал, как бы исправить дело. А тут машина, вот он и приехал. Володя признался мне в любви и попросил считать его своим другом и защитником. Я, к сожалению, не смогла искренне ответить на его чувство. Я еще не поняла, разлюбила ли Лешу, и не знала, как сложится дальше моя еще совсем юная жизнь. Я стояла и молчала, а он и не допытывался, ему и так было хорошо. Но вот он одел шинель, поцеловал меня, крепко пожал руку, сказал: «Пиши чаще» и ушел.

Я легла в постель и думала о Володе, Жене, Саше и других знакомых мне офицерах, которые сейчас готовятся к большому бою.

12 января

Получила письмо от Володи. Он пишет: «Привет с фронта! Здравствуй, многолюбимая Галя!!! Спешу передать пламенный привет и массу наилучших пожеланий. Галя, как хорошо вспоминать наши встречи. Ведь это были беспредельные радости и счастье, которого мы, возможно, не скоро опять испытаем. Ты только знай, что у тебя есть друг, который помнит о тебе всегда и везде, в любой обстановке и с нетерпением ждет встречи»... Далее слова песни из кинофильма «Два бойца»: «Как я люблю глубину твоих ласковых глаз...» и так далее. Далее следует привет маме, бабушке, Тосе и Ляле. О боевых действиях ни слова.

Письмо – воинское, с картинками: боец, показывающий пробитую немецкую каску, и пионер, в руках которого табель с отличными отметками. Посредине написано «отличники», а сверху – «Смерть немецким оккупантам!». Адрес Володи очень короткий – полевая почта 86732.

А за окном – гул артиллерийской канонады.

17 января

Учеба в ХПУ идет хорошо. Особенно я успеваю по общеобразовательным: по алгебре, геометрии – одни пятерки. После учебы мы, четверо «мушкетеров», ходим в кино или в музей.

Уже все знают из сводок Совинформбюро, что под Ленинградом наши войска перешли в наступление. В госпиталь каждый день привозят раненых. Лена говорит, что койки стоят даже в коридорах.

18 января

Получила второе письмо от Володи. Он обижается, что мало пишу. Постараюсь писать чаще. Но что? Много ли наберется новостей за два-три дня? Все основные новости – с фронтов, но их он знает лучше меня.

Володя пишет: «...Освобождаем пригороды Ленинграда. Если бы ты, Галя, знала, сколько горя натворили здесь фашисты. Целый день нахожусь по локти в крови, не успеваю перевязывать раненых. В помощи нуждаются не только бойцы, но и гражданское население, и даже дети.

Если ты помнишь Толика, младшего лейтенанта небольшого роста с ежиком на голове (он сидел рядом с Сашей Романовым), так его вчера убило осколком снаряда. Вот уже нет одного из тех, кто сидел с нами за новогодним столом.

Да, я его хорошо помню, ему было не больше девятнадцати. Сколько их еще будет и кто?

Письмо опять воинское – лист, склеенный пополам. На одной стороне – адрес и печать «просмотрено военной цензурой», а на другой – картинка: воин-освободитель, ему радостно улыбается женщина, маленькая девочка прильнула к нему, как к спасителю.

20 января

Сегодня в почтовом ящике нашла записку с просьбой зайти в госпиталь. Подпись – Саша Романов. Я сразу побежала, но в проходной госпиталя сказали, что сейчас обед, а потом будет тихий час. Пришла второй раз, пропустили. Нашла Сашу, он ранен в руку и в шею. Оказывается, Володя дал ему, на всякий случай, мой адрес. А случай – вот он: госпиталь рядом с нашим домом.

Саша рассказал про первое наступление, про то, каким шквальным огнем сметают фашистов «катюши». Когда его ранило, он долго лежал, засыпанный землей и снегом, пока сам не откопался и его не подобрали санитары.

«Вообще-то, – сказал Саша, – мне жить не хотелось с тех пор, как получил известие о гибели всей семьи. А когда засыпало, лежу живой в могиле, нет, думаю, еще поживу».

Мне показалось, что он стал веселее, оживленнее. Буду к нему заходить. Дома все по-старому: Сашета сторожит магазин, мама работает в механическом. Дома мама почти ничего не ест, оставляет нам с бабушкой. И все равно все время хочется есть.

Уже освободили Ропшу, Красное Село, Петергоф. Может быть, скоро совсем не будет обстрелов? Такое не укладывается в голове. Неужели совсем не будет?

21 января

Когда Володя уезжал, то подарил мне на память маленькую фотокарточку. В выходной решила нарисовать его увеличенный портрет. Получилось очень хорошо, я даже пожалела, что рисовала на серой бумаге – не ожидала, что так удачно получится.

По радио сообщают об освобожденных поселках, немцев выбили уже из Новгорода!

Я представила себе наших ребят, находящихся в непрерывных боях, на холоде, рядом со смертью. «Господи, помоги им», – говорит моя бабушка.

23 января

Пришло третье письмо от Володи. Он пишет, что отправляет так мало писем, потому что писать некогда и негде. С тех пор, как уехал из Ленинграда, не снимал с себя ни валенки, ни шубу. Сейчас находится за двести километров от нас, пишет на ходу, едут быстро и писать неудобно.

Как бы мне хотелось хоть несколько дней побыть там, где делают свое святое дело Володя, Женя и другие ребята.

25 января

Вчера сообщили, что освободили Пушкин и Павловск. Здорово! Это значит, что уже не будет яростных обстрелов с Пулковских высот. Не увеличит ли враг налеты с воздуха? Да нет, где ему. Обломал об нас фашист зубы, как мечтал и верил в это мой отчим Михаил Абросимович Громов.

В училище сплошные разговоры о полном освобождении Ленинграда. Делаются всевозможные предположения и прогнозы. Когда же?

27 января

Могучий голос Левитана: «Сообщение Совинформбюро. Полное освобождение Ленинграда от вражеской блокады!». Вот оно, такое долгожданное и радостное известие. Вечером будет салют! Нет, не могу писать, плачу от счастья.

28 января

По приказу генерала Говорова был дан салют в 24 залпа из 324 орудий. Наш город салютовал войскам Ленинградского фронта. Это привет и благодарность от ленинградцев Володе, Жене и всем, всем, кто нас освободил.

Салют был грандиозный. Казалось, что гром и свет от залпов дойдет до фашистов, и так им станет жутко, как никогда еще не бывало.

Когда раздавался очередной залп, у меня мурашки бежали по спине, так это было торжественно и красиво. Прожектора освещали шпиль Петропавловской крепости, Ростральные колонны и здания у Дворцового моста. Народа было – сколько хватало глаз, многие плакали.

Да, мы пережили много горя, теперь пришло время радостям, а главная радость – еще впереди. И я верю, что окончательную победу уже недолго ждать!

Послесловие

25 марта 1985 г.

Незадолго до конца войны, ранней весной, вернулась в Ленинград Надя Рыбакова. С ней мы ездили на салюты в честь взятия городов, с ней же встретили радостную весть об окончательной капитуляции фашистской Германии, праздновали Победу на Дворцовой площади.

Ранней весной 1945 года перестали приходить письма от Володи Филиппова, а потом и от Жени Сладкова. Хочется все же верить, что они живы и будут вместе с нами и всей страной праздновать знаменательную дату – 40-летие Победы.

Только через несколько лет после окончания войны вернулся в Ленинград Гай Шевеленко, отслужив в армии на Дальнем Востоке, как и мечтал с детства, танкистом. При встрече у Нади мы с ним не вспомнили о бутылке, зарытой на железнодорожной насыпи, но можно было догадаться, что там было Надино имя.

На время учебы в военном училище приезжал Леша Жуковский. Он принимал участие в последних боях и встретил Победу в Румынии.

Недолго заезжала к нам Вера Гладкова.

Часто приезжал в командировки Володя Пашко. С начала войны и до сих пор он живет и работает в Новосибирске. Вот, пожалуй, и все наши послевоенные встречи. Ляля – Ольга Николаевна Никитина – по-прежнему живет в Ленинграде, работает в Главной геофизической лаборатории. Люся Курьяк, Нина Галоцкая и Тося Платонова тоже живут в Ленинграде.

Я ушла из Художественного промышленного училища недоучившись, работала на «Ленфильме» гримером. Только в 1956 году окончила Политехнический институт, стала инженером электронной техники и проработала 29 лет в объединении «Светлана». В настоящее время бывшая «малолетка» уже на пенсии, занимаюсь хозяйством, воспитываю внука.

Трудная жизнь послевоенных лет разъединила меня с друзьями детства и юности. Но мы до сих пор поддерживаем связь: переписываемся и изредка встречаемся, потому что никогда не забывается настоящая детская дружба.

Дмитрий Васильевич Семенов

Валдайская идиллия

Об авторе: Родился в 1929 году. Пережил все девятьсот дней ленинградской блокады. В 1955 году окончил математико-механический факультет Ленинградского государственного университета. Занимался программированием, обслуживанием, наладкой, ремонтом и модернизацией первых в Советском Союзе крупных вычислительных машин; преподавал высшую математику.

Дмитрий Семенов с бабушкой Надеждой Николаевной Захаровой. Фото начало 1930-х гг. Из архива Д. В. Семенова

В воскресенье с утра я просил папу помочь мне докончить забор, который я уже делал больше месяца. Около 12 часов он, наконец, вышел в сад с пилой и хотел уже пилить для забора планки, как вдруг из дома напротив нашего сада выбежал Вовка Стрепетов и, крикнув: «Германия объявила нам войну!», побежал оповещать об этом всех ребят на дворе.

Папа бросил пилу и пошел в комнату бабушки слушать радио (у нас радио не было). Я побежал за ним. Бабушка уже слушала. Около нее стояли тетя Вера, мама и папа. По радио говорили: «Внимание! Внимание! Внимание! В 5 часов утра Германия вероломно напала на Советский Союз. Германский посол, находящийся в Москве, объявил войну только через два часа». Это было 22 июня 1941 года.

Через полторы недели нас с мамой эвакуировали в Боровичи. Ехали мы

*Наталья Павловна, Дмитрий и Василий Иванович
Семеновы. 20 июня 1932 г. Из архива Д. В. Семенова*

*Дмитрий Семенов. Июнь 1938 г.
Из архива Д. В. Семенова*

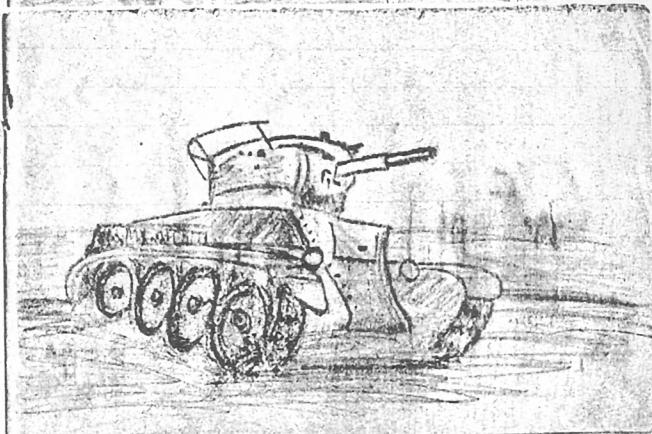
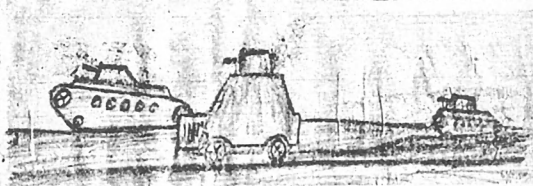
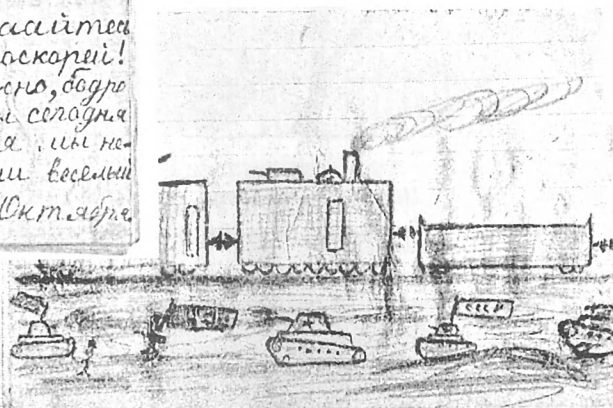
ДА ЗДРАВСТВУЕТ
22
ГОДОВЩИНА
ОКТАБРЯ!

и поднимите выше фла-
гшико крикнем все: ура,
сегодня наш веселый пра-
з, праздник Октября!

Октябрьская.

Дй, ребята собирайтесь
все на праздник поскорей!
Пойте песни дружно, бодро
и шагайте веселый. Мы сегодня
нарядились, веселимся, мы не
зря, ведь сегодня наш веселый
праздник, праздник Октября.

Рисунки о непобедимой
Красной Армии
из детского альбома
Дмитрия Семенова
к 22-й годовщине
Великой Октябрьской
революции. 1939 г.
Из архива Д. В. Семенова

Успеваемость и посещение учащихся (по годам и месяцам)												
Предметы	1941 г.											
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
1. Русский язык	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4
2. Математика	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4
3. История	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4
4. География	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4
5. Физика	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4
6. Химия	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4
7. Биология	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4
8. Музыка	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4
9. Рисование	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4
10. Труд	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4
11. Иностранные языки	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4
12. Физическая культура	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4
13. Домашнее хозяйство	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4
14. Итого	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4

Дата	Награды и замечания	Подпись
1941 г.	За отличную учебу и активное участие в общественной жизни	С. Семенов

Личное дело ученика
4-го класса Дмитрия
Семенова (на июнь 1941 г.).
Из архива Д. В. Семенова

ПАРОДНЫЙ КОМИССАРИАТ ПРОСВЕЩЕНИЯ РСФСР

ЛИЧНОЕ ДЕЛО

ученика Семенова Дмитрия школы 1
города Ленинград района Ленинград
села Ленинград края Ленинград

ОБЩИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ УЧАЩЕМСЯ

1. Фамилия, имя, отчество Семенов Дмитрий
2. Пол: мужской, женский (подчеркнуть) мужской
3. Родился в 1932 году, в мае месяце 22 числа
4. Место рождения (город, село) Ленинград района Ленинград края (области)
5. Национальность русский
6. Время поступления в школу 1938 года сентябрь месяц
7. До поступления в школу обучался в школе
8. Когда и куда выбыл из школы, почему по состоянию здоровья
9. Отметка о принятии в школу (при переводе из одной школы в другую) принят
10. Адрес учащегося Университетский пр. д. 18.
Кв. 13

в товарных вагонах всю ночь. Наутро нас высадили в Боровичах, где мы сидели целый день в парке. Только к вечеру нас посадили на 4 грузовика и повезли неизвестно куда.

Сначала мы ехали по грязным улицам города, потом выехали на шоссе, идущее через зеленеющие поля. Слева сверкала река в лучах заходящего солнца, а справа вдалеке виднелся лес. Скоро поля сменились холмами, поросшими кустарником, и шоссе вилось белеющей лентой по ним...

Солнце село, когда мы увидели слева два озера. Над ними поднималась белая дымка. Впереди появилось большое село Кончанск. В этом селе когда-то жил Суворов. Говорили, что от этого села ехать нам еще 15 км. Из села вправо шла грязная проселочная дорога, идущая сквозь лес. По ней нас и повезли. Шоссе

Великая Отечественная война

В воскресенье, с утра я просил папу помочь мне докопаться забор, который я уже делал больше месяца. Около 12 часов он наконец вышел в сад с пилой и хотел уже пилить для забора планки, как вдруг из дома напротив нашего сада выбежал Завка Струнатов и крикнув: „Германия объявила нам войну!“ побежал оповещать всех ребят об этом на дворе.

Папа бросил пилу и пошел домой в комнату бабушки слушать радио. (У нас радио не было) Я побежал за ним. Бабушка уже слушала. Около неё стояли тетя Вера, мама и папа. По радио говорили:

„Внимание! Внимание! Внимание! В 5 часов утра Германия вероломно напала на Советский Союз. Германский посол, находящийся в Москве, объявил войну только через 2 часа.“ Это было 22 июня 1941 года.

Через полторы недели я с мамой эвакуировался в Боровичи. Ехали мы в товарных вагонах всю ночь. Наутро нас высадили в Боровичах, где мы сидели целый день в парке. Только к вечеру нас рассадили на 4 грузовика и повезли неизвестно куда.

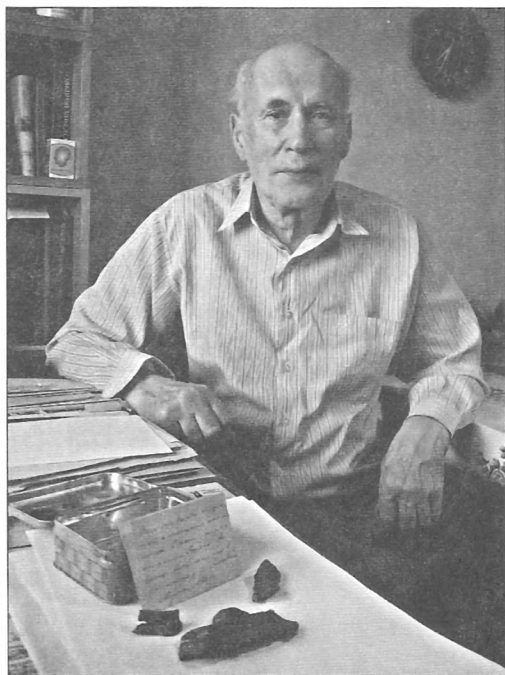
Первая страница
из дневника
Дмитрия
Семенова.
Из архива
Д. В. Семенова

оставалось слева от нас. Холмы сменились болотистым лесом, через который мы ехали. Дорога была завалена ветками, палками и всяким гнильем, сквозь которое сочилась грязь. Ветки деревьев били нас по лицу. Машина качалась с боку на бок, как утка.

Так мы ехали с полчаса. Только переехав через речку, мы выехали в поле. Впереди на холме была деревня, проехав через которую, мы поехали мимо холмов, обросших маленькими деревцами, дальше через лесок к озеру, и на горе виднелся уже наш будущий дом – бывшая усадьба какого-то генерала-помещика. Когда мы наконец приехали, нас накормили и уложили спать.

На следующий день позавтракали, играли в футбол на площадке перед домом, лазали на крышу, ходили купаться, обедали, отдыхали, гуляли, ужинали и ложились спать. И так каждый день...

Скоро поспела земляника. Мы стали ходить за ней в леса и на речку, где она была очень крупная, но мало. Все ягоды: землянику, а иногда малину – мы

Семенов Дмитрий Васильевич и осколок бомбы, разорвавшейся в августе 1941 года рядом с эшелоном ленинградских детей. Фото Сергея Глезерова, 2008 г.

собирали в бутылки и утряхивали. Получалась густая масса, которую мы дома выколачивали о подоконник и ели...

Скоро мы стали ходить работать в Деревково: рубить молодые березки и вязать из них веники, огребать сено и т. д.

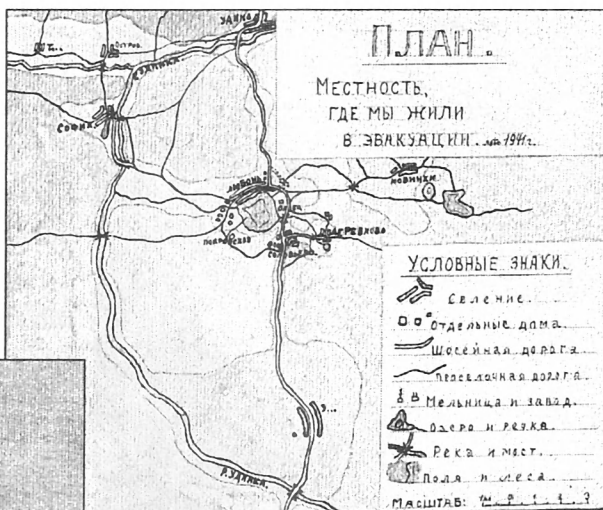
Наступала осень, мы ходили за морошкой и набрали одной зелени, которую с большим удовольствием ели. Папа мне прислал из Ленинграда письмо, в котором писал, что в городе теперь карточная система. Карточки на хлеб и другие продукты. По этому поводу я тоже написал ему письмо: «Здравствуй,

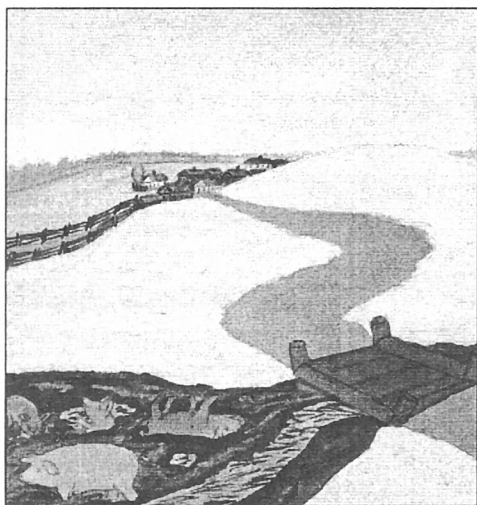
Осколок фашистской бомбы, разорвавшейся рядом с эшелоном, на котором ленинградские дети (в том числе и Дмитрий Семенов) возвращались в августе 1941 года в Ленинград из эвакуации с Валдая. Фото Сергея Глезерова, 2008 г.

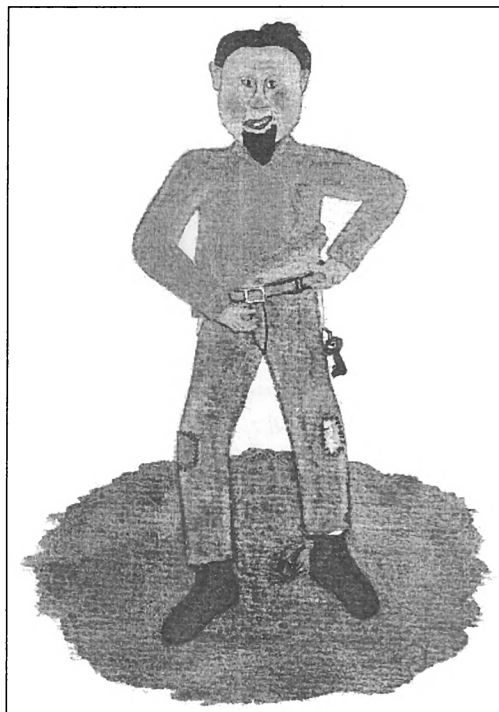
*«Местность, где мы жили
в эвакуации». Валдай.
Из «эвакуационного
альбома» Дмитрия
Семенова. Июль 1941 г.*

Магазин

Валдайские пейзажи

Лавочник

Рисунки из «эвакуационного альбома» Дмитрия Семенова. Июль-август 1941 г.

папа! Получил твое письмо. Недавно я и Юра Кудрявцев пошли гулять. Мы пошли по дороге на восток. Пройдя километра два, мы увидели: белка пробежала по земле, прыгнула на елку и побежала вверх. Мы стали кидать в нее су-чьями, она испугалась и убежала...».

Только отправил я это письмо папе, как вдруг он приехал ко мне. Вместе с ним пришла весть, что мы едем домой. Домой мы покатали на автобусе через 2 дня в Боровичи, а дальше в товарных вагонах в Ленинград! По дороге, недалеко от полустанка Бурга, на эшелон налетел немецкий стервятник (которого потом сшибли неподалеку) и бросил 2 бомбы. Одна бомба попала в бак с горючим, а другая рассадилась избу.

Поезд остановился, поднялась паника, в нашем вагоне какие-то бабы завывли, мужики схватили свои тюки и полезли через головы ребят к двери, которая была только приоткрыта. Завалив последнюю щель тюками, они с руганью полезли через них. Папа и ехавший с нами учитель Наум Кузьмич оттолкнули всех, открыли дверь и вместе со всеми учителями стали выводить ребят. Все лезли из вагонов и толпой бежали к лесу.

С полчаса отсидев в лесу, мы сели на поезд и доехали спокойно без приключений до Ленинграда.

Джон Дмитриевич Федулов

Не забыть Лычково...

Об авторе: Джон Дмитриевич Федулов (родился в 1929 г.) – с 1950 г. связал свою жизнь с институтом «Гипотрансисигналы», прошел в нем путь от техника отдела автоблокировки до начальника планово-экономического отдела. С 2005 г. – председатель совета ветеранов войны и труда института. На вопрос, что такое счастье, отвечает: «Всякий раз, когда сделаю доброе дело и помогу товарищу и увижу, что ему от этого хорошо, я в этот момент испытываю счастье. Считаю, что добрые дела продлевают жизнь».

В марте 1941 года мне исполнилось 12 лет, и я хорошо помню и жизнь в блокадном Ленинграде, и первую, еще доблокадную, эвакуацию, которая привела к страшной трагедии, символом которой стало Лычково на краю Новгородской земли.

Родился я 12 марта 1929 года в знаменитой тогда «Снегиревке», что расположена на улице Маяковского, бывшей Надеждинской. Отец работал в системе Главленхлоппрома, мама – в райисполкоме Дзержинского района. Жили мы в хорошей квартире на Ковенском переулке, 9, рядом с католическим костелом.

В 1941 году я окончил 5-й класс 32-й школы Октябрьской железной дороги на улице Восстания. А напротив нашего дома, в Ковенском переулке, была новая для того времени школа № 180, где директором была подруга моей матери по депутатской работе в районе. За школой, как и сейчас, был большой двор, где собирались местная детвора – мои сверстники и постарше, играли в различные массовые игры там или прямо в переулке – он в те годы был тихим, тогда в городе только использовали лошадей, машин было мало, не то что теперь.

Мы играли в лапту, в казаки-разбойники, но чаще в прятки и в войну. У многих из нас были пистолеты с пистонами, каски на голову из папье-маше, сабли, гранаты. Дома у меня было множество оловянных солдатиков. Было какое-то военное воспитание. В кино шли фильмы – «Если завтра война», «На границе», «Танкисты», «Волочаевские дни», «Суворов», «Александр Невский»... В общем, в те годы каждый мальчишка мечтал стать летчиком, танкистом, артиллеристом.

Я мечтал стать моряком, у меня была кличка «Боцман». Сохранилась довоенная фотография, где я со старшим братом стоим одетыми в морские бушлаты.

Но 22 июня 1941 года сразу после объявления войны в нашей безмятежной жизни все круто изменилось.

Это был воскресный день, в Ленинграде стояла прохладная, но солнечная погода, и мои детские взоры были направлены в чистое небо, откуда могли появиться немецкие самолеты, они в этот день уже бомбили Киев, Минск...

В Ленинграде первые бомбы упали только в начале сентября. С первых дней войны город готовился к защите от вражеских налетов. Оборудовали бомбоубежища, чистили от хлама чердаки, заносили туда все, чем можно бороться с зажигательными бомбами, заклеивали стекла окон полосками бумаги крест-накрест. С вечера на ночь поднимали в небо над городом множество аэростатов. Но главное – началась эвакуация,

и в первую очередь детей – дошкольников и школьников. Началась мобилизация в Красную армию и запись добровольцев в народное ополчение. Записался и мой отец. Ему выдали военную форму – хлопчатобумажные галифе, гимнастерку, пилотку, а на ноги – ботинки, а не сапоги и обмотки. Когда я увидел отца в этой форме, мне стало его жалко до слез. Все было ему мало по размеру, особенно эти обмотки на ногах.

Утром 5 июля мы с мамой проводили отца. Его часть располагалась в районе Красного Села. В конце сентября мама получит извещение, что «13 сентября при отходе нашего батальона на новый рубеж Федулов Д. Т. в свою часть не вернулся».

В тот же день, 5-го июля, мама проводила меня в эвакуацию со школой № 180 под присмотром своей подруги – директора школы Зои Федоровны¹. Уезжали мы с Витебского вокзала пассажирским поездом. Повезли нас, ленинградских детей, на юг от города в район Старой Руссы. Как оказалось

Отец Джона Федулова – Дмитрий Тимофеевич Федулов. Фото 1920-х гг.

¹ Значительно позже я через архив отдела народного образования нашел ее фамилию – Рейнфельд З. Ф.

Родители Джона Федулова.

Фото 1920-х гг.

потом – навстречу наступающим немцам. Конечно, тогда об этом не предполагали ни мы, дети, ни взрослые...

Помню, поезд тронулся, мама, ускоряя шаг, шла рядом с вагоном, приложив маленькую ладонь к стеклу окна и что-то говорила. Я тоже приложил руку к стеклу, так мы распрощались, не зная, надолго ли. Так наша счастливая семья рассталась. Дома мама осталась одна. Отец оказался на фронте, защищая Ленинград, старший брат был в училище под Ростовом (еще в 1939 году, окончив 10-й класс, он поступил в военное училище бомбардировочной авиации в городе Батайске), а я оказался в детском доме школы № 180 в селе Молвотицы тогдашней Ленинградской области, куда нас привезли и разместили в здании сельской школы, подготовленной для жилья.

Погода в начале июля стояла хорошая, место, где расположена деревня, –

красивое. Взрослые занимались обустройством жилья и питанием детей.

Не прошло и двух недель нашего пребывания в Молвотицах, как 18 июля утром за нами приехали несколько машин и стареньких автобусов. Быстро грузили уже подготовленные вещи, у каждого из нас были мешки, которые потом можно использовать для матрацев, набивая их сеном. Повезли нас по лесной пыльной дороге на станцию Лычково. Навстречу шли машины, груженные зелеными ящиками со снарядами и авиабомбами.

Видимо, было намечено срочно вывести из района Старой Руссы всех детей Ленинграда дальше вглубь страны. Когда нас привезли на станцию, вдоль крайнего пути большими кучами лежали детские вещи других школ и детских садов. Мы разгрузили свои невдалеке от вокзальчика – небольшого деревянного здания голубого цвета с белыми наличниками на окнах.

К зданию вокзала от железнодорожных путей лежал деревянный помост из досок, а в зале ожидания стоял зеленый бочек с питьевой водой и кружка на цепочке.

На улице было очень жарко, и я несколько раз бегал попить воды. На станции было много детей разных возрастов. На втором пути стоял санитарный

поезд из пассажирских вагонов с красными крестами в белом кругу. В открытые окна вагонов были видны забинтованные раненные. Многие лежали на полках, некоторые ходили у вагонов и по станции.

Шла вторая половина дня. На первый крайний путь пришел поезд из товарных вагонов с пыхтящим паровозом. И пошла команда: «Начать грузить вещи». Раскрыли широкие двери вагона, и я в числе еще нескольких мальчишек залезли в вагон, чтобы укладывать вещевые мешки под нары. Нижние нары для девочек, верхние – мальчишкам. Рядом с вагоном стояла Зоя Федоровна, говорила нам, куда нести очередной мешок и помогала детям подавать их вещи в вагон. Когда я подошел к дверям за очередным мешком, услышал, что кто-то кричит: «Самолет, бомбы!». Взгляд в небо. Точно! В безоблачном небе немного правее от нас летит высоко самолет, а сзади от него отделяются черные точки. Бомбы! Их уже было около десятка. Я видел, как они летят...

Джон Федулов. Фото 1950 г.

Спрыгнул вниз из вагона и лежал где-то между ним и кучей наших вещей. Свист летящих бомб, разрывы, чем-то ударило меня по спине, оставив надолго пожелтевший синяк справа под лопаткой, а потом, когда взрывы закончились, неимоверный крик от пережитого ужаса, плач, куда-то бегущих детей и взрослых, раненых и что-то в проводах, похоже, это были куски детских тел. Там пальтишки и ботинки, кровь... Вся масса людей с криками и плачем устремилась в ближайший небольшой лесок.

Самолет спустился низко и несколько раз, заходя на станцию, расстреливал бегущих детей из пулеметов. Самолет был так низко, что мне казалось, я узнал бы в лицо этого фашиста.

Когда все затихло, нас, детей, стали собирать в каком-то большом брошенном доме. Там было уже много людей. Кто-то лежал на железной кровати, кто-то сидел на окнах, на столе. Я, помню, забрался наполовину под кровать. Мне было холодно. На мне были короткие штаны, сандалии, футболка без рукавов. В сумерках июльской ночи нас, школьников, повели на станцию вместе со всеми, кого собрали после бомбежки, быстро посадили в товарные вагоны, куда мы успели нагрузить часть вещей, и поезд пошел на восток. Я лежал на верхней полке

Отец и сын Федуловы – Дмитрий Тимофеевич и Джон – на даче в Володарской (Сергиево) под Ленинградом, близ Стрельны. Фото 1939 г.

над нарами, под самым потолком вагона. Спать было очень неудобно, поскольку полка была узкая и наклоненная, и я все время скатывался к стене.

Днем я ложился на живот, спуская левую руку вниз, где на нижних нарах были девчонки, и смотрел в открытую амбразуру окна, как поезд уносит нас все дальше от дома, где осталась мама, бабушка. И зачем эта война, ужас и смерть.

Помню, взрослые воспитатели говорили, что из нашей школы погибли одиннадцать человек, в том числе и директор школы Зоя Федоровна, которая стояла рядом с вагоном². Так что смерть была недалеко от меня во время бомбежки.

Очень хотелось домой, к маме. Там тепло и спокойно, а здесь я был один в чужой школе, меня никто не знал, ни ребята, ни воспитатели, а Зоя Федоровна пропала. Я тоже никого не знал. Сколько мы ехали в поезде, не помню. Но привезли нас на станцию Слободское недалеко от города Киров в предгорье Урала.

Нашу школу разместили в неподготовленном для жилья помещении школы села Прокопье³.

² Теперь, когда о Лычково говорят много, в некоторых публикациях упоминается, что 18 июля при бомбежке погибло около двух тысяч детей. Вспоминая виденное, а, главное, бегство массы детей в сторону небольшого леса, могу утверждать, что многие остались живы. Кроме того, в эшелоне из 12 вагонов, попавшем под бомбежку на станции Лычково, просто не было такого количества детей. Если бы цифра в две тысячи погибших была бы верной, то какая же по площади должна быть братская могила на маленьком сельском кладбище? Трагическую историю гибели ленинградских детей в Лычково нельзя забыть. Но она должна быть правдивой.

³ В 2006 году я написал письмо главе администрации Белохолуницкого района с вопросом: помнит ли кто-то о детском доме ленинградских детей, которые привезли к ним в район в конце июля 1941 года из Лычково. Неожиданно быстро получил ответ от председателя Совета ветеранов района, где говорилось, что в селе Прокопье располагался детский дом из школьников 180-й школы Ленинграда до 1944 года. Сохранились списки детдомовцев, где Федулов Джон Дмитриевич, 1929 года рождения, числится под номером 108. Всего в списке 147 человек. В списке против некоторых фамилий детей есть 6–7 пометок – «выбыл в Ленинград по адресу ...». Это те, кого, видимо, забирали матери. Против моей фамилии пометки нет. Я ушел сам, никому ничего не сказав.

У многих детей, в том числе и у меня, вещи остались в Лычково. Нас распределили по комнатам-классам. Привезли сена, и мы, в большинстве, спали вдоль стен на полу в сене. Кое-кто, чьи вещи приехали, набили свои мешки сеном и спали на скамейках, сдвинутых партах. Помню, что хлеб, которым нас кормили, хранился под замком в большом канцелярском шкафу.

Через несколько дней после нашего приезда стали приезжать из Ленинграда матери, узнавшие о трагедии, забирали своих детей и уезжали домой, в Ленинград. И однажды чья-то мать приехала за сыном, они пошли на станцию, я их догнал, дошел с ними до вокзала. Пришел пассажирский поезд, я как-то забрался в вагон и спрятался на третьей полке за чьими-то вещами, боясь, что меня высадят ревизоры. Поезд шел долго, и когда стали подъезжать к Ленинграду, мне казалось, что вот-вот опять будут бомбить. Было страшно.

Не знаю, как другие дети, вернувшиеся в Ленинград, переживали первые бомбежки Ленинграда в сентябре, октябре, а я очень боялся и на ночь уходил спать в бомбоубежище под нашим домом.

Итак, 5-го августа 1941 года, ровно через месяц после отъезда из Ленинграда, я вернулся домой. Мама меня не ждала, но очень обрадовалась, что я живой вернулся домой и мы теперь будем вместе. Тогда мы еще не знали, что нам придется многое пережить: впереди был голод, на фронте погибнет отец, в дом, где мы жили, попадет снаряд, и квартира полностью сгорит. Да и еще много чего...

После моего возвращения домой мама решила, что теперь мы уедем из Ленинграда вместе. Наш отъезд был намечен на 25 или 26 августа. Уже были собраны необходимые вещи с собой, приготовлены на дорогу продукты. Мама оформила увольнение с работы. Но выехать было не суждено. Поезда, вышедшие 23-24 августа, вернулись назад в Ленинград: немцы перекрыли дорогу на Мгу, Тихвин. Так мы остались дома и пережили самые трудные дни и месяца блокады. Холод, голод, бомбежки, обстрелы.

Мама вернулись на работу, но уже в должности директора бани на улице Чайковского, 3. Баня во время блокады работала и топилась не углем, а партийными архивами и политической литературой.

Некоторые яркие моменты из жизни зимой 1941-1942 годов запомнились надолго. О них часто вспоминаешь, когда смотришь фильмы о блокаде.

Мы жили в подвальном помещении бани, а в качестве комнаты нам служила дезинфекционная камера, где на конструкции большой выдвижной вешалки для носильных вещей были оборудованы два топчана и между ними маленький столик. Но зато здесь было всегда тепло и светло. Это во многом спасало нас в самые тяжелые месяцы зимы 1941 года.

Иногда мы ходили домой, на Ковенский. Путь казался бесконечно длинным и очень тяжелым, особенно дома – по лестнице на четвертый этаж, в полной

темноте, где не было никаких окон и освещения. Зима была холодная и снежная. На нашем переулке вдоль домов тянулся снежный сугроб, в который жильцы квартир выливали все, что раньше спускалось в канализацию. Зима принимала все, замораживала до весны.

Дома было тоже темно и холодно, окна были забиты фанерой и завешаны шторами, поскольку стекол не было: они вылетели еще в конце января от воздушной волны при бомбежке, когда упали бомбы на углу улиц Маяковского и Жуковского. Освещались коптилкой, отапливались буржуйкой. Спали, не раздеваясь, под всеми одеялами.

Как-то ночью я вспомнил, что еще до войны мы обедали всей семьей за большим столом в столовой, и бабушка очень следила за нами с братом, чтобы мы ели с хлебом. «Не будешь есть хлеб, невеста будет рябая», – говорила она. Но когда никто не следил, как я ем, я прятал недоеденный кусочек хлеба в столе на полочку, где лежали доски раздвижного стола. Вспомнив об этом, я выскочил из уже согретой постели – и под стол! Какая была радость – настоящие хлебные сухари, да еще и много! Мама потом долго добавляла к дневному рациону по кусочку настоящего хлеба...

Зима, холод и голод. Ужасно. Но самое страшное было – пройти от дома до бани, когда на пути ты видишь уже беспомощного человека, лежащего или сидящего на снегу и не просящего помощи, а только его глаза, его страдания, и ты ему не можешь помочь, нет сил. Или сам через мгновение не встанешь, и тебе уже не нужна будет помощь. Это чувство вины, когда ты не помог человеку, как-то осело в душе тогда, в 1941-м, и осталось навсегда...

В баню на улице Чайковского, где мы жили, часто приводили строем солдат мыться. Откуда они приходили к нам – не знаю. Некоторые командиры знали мою маму и иногда чем-нибудь помогали, так, однажды дали кусок конины (он был завернут в газету). Мама сварила суп – мяса было немного, большую часть составляла кость сустава. Выбросить было нельзя. Мы этот сустав варили до тех пор, пока не стало возможным смолоть ее в мясорубке...

Зимой, перед наступлением нового 1942-го года, в магазинах по продовольственным карточкам после большого перерыва на мясные талоны выдали вместо мяса сваренный студень. Мама возвращалась домой и в магазине на углу улицы Чайковского и Гагаринской получила на декадную норму мяса кусочек студня. Прошло много лет с того счастливого дня, как мы за ужином ели этот студень, но я очень хорошо помню его вкус и то незабываемое ощущение.

Это мутноватое, довольно светлое желе, в котором застыли нарезанные кусочки (длиной 2–2,5 см). Наверное, это были тонкие гофрированные кишки каких-то небольших животных, – хорошо, если это были бараны или свиньи. Уже после войны долгие годы, да и сейчас при всей любви к этому блюду нигде никогда купленный в магазине или общепите студень я не ем. Только домашний!..

Начался март 1942 года. На улице ненастная погода. Завтра мы с мамой должны уехать из Ленинграда в эвакуацию через Ладожское озеро.

Вечером накануне мы с улицы Чайковского через Кировский мост с трудом дошли до Большого проспекта Петроградской стороны. На Ординарной улице, дом 6, жила моя бабушка Ольга Трофимовна Голицина. Она жила в маленькой комнате коммунальной квартиры. В комнате было холодно и, как и везде, темно. Горела только лампада под иконой в дальнем углу. Мама хотела, чтобы бабушка поехала с нами, но бабушка отказалась. Она была очень слабенькая. Худая, совершенно седая и очень красивая своим благородным воспитанием.

Бабушка нас благословила в дальнюю дорогу, поцеловала меня в голову, и мы ушли. Домой шли с тяжелым чувством расставания. Мама плакала. У нас пропал без вести отец, давно не было писем от брата, а теперь еще бабушка. Больше мы ее не видели. Где она?..

Я же почти чудом остался жив: трижды мой ангел-хранитель спасал меня от смерти. Первый раз это было 18 июля на Лычково. Второй раз – во время тревоги на улице Чайковского, когда мы с мамой спрятались от осколков зениток под аркой между исполкомом и райкомом Дзержинского района. Как только немного затихла стрельба, мы быстро перебежали из-под арки в исполком. Это метров пятьдесят-шестьдесят. Только за нами закрылась дверь, как здание содрогнулось. Бомба оторвала угол здания райкома и взорвалась как раз под аркой. Все, кто там был, погибли.

И третий раз, когда мы избежали смерти в своем собственном доме на Ковенском переулке. Зимой мы иногда ночевали дома, но в тот день конца февраля были в бане. Как-то подошли к нашему дому на Ковенском, а он обрушен и догорает. При обстреле попал снаряд и возник пожар. Трудно было бы спастись...

В первых числах марта 1942 года наступил день нашей эвакуации из Ленинграда через Ладожское озеро в тыл страны. Упаковав все вещи, которые у нас были в бане, на каких-то стареньких санках дотащили к поезду на Финляндский вокзал.

Вагоны были переполнены ослабевшими от голода и холода людьми. Мы нашли место в холодном общественном туалете пассажирского вагона. Так мы доехали до Ладожского озера. Вышли из вагона раньше других, и почти сразу шофер, которому мама подарила флакон одеколона «Красная Москва», погрузил нас в кузов своей полуторки. В машине были еще люди. Накрыли нас всех брезентом, и внутри стало темно, но зато немного теплее. Сколько ехали, не знаю, наверное, долго. Когда приехали на другой берег озера, было уже темно. Привезли нас на станцию Жихарево. Перед посадкой в поезд из товарных вагонов всех кормили вкусными жирными щами и котлетами с картошкой. И в этом была для многих беда. После голода такой обед массово вызывал заболевание – дизентерию.

*Памятник детям, погибшим в Лычково в июле 1941 года. Фото автора, 2007 г.
Памятник открыт на площади у железнодорожной станции Лычково 4 мая
2005 года, работу над монументом вел волгоградский скульптор, народный
художник России, Герой Социалистического Труда Виктор Георгиевич Фетисов*

Нас с мамой в числе многих выгрузили на станции Шексна. Затем, погрузив в сани, на лошадке везли в соседние деревни, где расселили по различным домам. Разместили нас в небольшой комнате за русской печкой. В доме было тепло и пахло свежее испеченным хлебом. Мама очень болела. Я тоже лежал рядом. Хозяйка дома часто заходила к нам в комнату, проверяла, взяв руками мамины ноги – теплые ли они, и кому-то в доме говорила: «Жива, жива...» К концу марта мама стала поправляться. Я ходил гулять на улицу вдоль деревни. Утром в воскресенье воздух по всей деревне был наполнен запахом свежее выпеченного хлеба.

В начале лета 1942 года мама завербовалась работать на завод имени Сталина, и мы переехали в город Молотов (бывшую и нынешнюю Пермь), а оттуда глубокой осенью перебрались к старшей сестре отца, сосланной еще до войны с семьей на пятнадцать лет в Томскую область в тайгу.

В июле 1944 года мы с мамой вернулись в Ленинград. Наш дом и квартира на Ковенском переулке, 9, сгорели до основания, и нас на время приютила племянница отца – Наташа Федулова. Она жила в коммунальной квартире на Лиговском проспекте, 65. Квартира была большая, многокомнатная. Жили человек двадцать.

Хорошо помню, как помогал маме мыть полы в коридоре и на кухне, а потом натирал их мастикой и щеткой до блеска. Мама поступила работать в райкоммунотдел Дзержинского района заведующей отделом очистки города. Нам дали маленькую отдельную квартиру на Баскове переулке, 6. Вещей и мебели у нас своих не было. В комнате поставили канцелярский стол, старую железную кровать и маленький старый развалившийся диван. На кухне был только кухонный стол.

Осенью 1944 года я пошел в 7-й класс 200-й школы. Учился я очень и очень плохо. В таблице за первую четверть почти все оценки были двойки. Я очень редко ходил на занятия. Вместо занятий в школе я утром отправлялся на Московский вокзал встречать поезда и предлагал себя в виде носильщика, предлагая подвести вещи до дома. Так и зарабатывал от двух до пяти рублей – кто сколько даст. Бежал в булочную с надеждой, что кто-то продаст городскую булку. Съедал и опять на вокзал.

В школе я был похож на гопника. У меня были залатанные штаны, рубашка, сшитая мамой из разных старых вещей, на ногах калоши, а вместо носок, небольшие синие портянки. Зимой носил ватник военных лет. Старый, выгоревший, без воротника. В классе меня терпели, потому что я был хулиганистый, сильный мальчишка и никого не боялся...

Ксаверий Наумович Сельцер

Заметки «в осаде»

Об авторе: Ксаверий Наумович Сельцер в 1930-х годах был журналистом, сотрудничал в одной из ленинградских газет. Во время блокады жил с семьей в доме № 24 по Моховой улице. Свой дневник он сам назвал «Заметки „в осаде“». Всего было пять маленьких тетрадей. Вниманию читателей предлагается тетрадь № 2, сохранившаяся в архиве Марии Яковлевны Муриной. Она охватывает период с 30 сентября по 30 ноября 1941 года.

30 сентября

Сегодня я мимоходом заглянул в Кузнечный рынок... Утро, 8 часов. Обычно в это время на рынках большое оживление, особенно на колхозных базарах. Но это было до осады. Сейчас дух осады больше всего чувствуется там. Правда, я давненько не был на рынке...

Пустыня – совершенная пустыня. В огромном продуктовом павильоне – одна «колхозница» с бидоном молока. Очередь ждет, когда она, истощив терпение, снизойдет до мольбы отпустить молоко на деньги. Пока ее деньги не интересуют (вспоминается 19-й год): дайте хлеба, дайте масла – взамен дам молока...

Месяца полтора назад можно было еще здесь, на Володарском проспекте, у «диких» колхозниц купить молока за деньги. Дальше за другими прилавками огромные очереди. Думал: мясо, картофель. Посмотрел: корешки, т. е. стебелек сельдерея, петрушки и морковь за 75 копеек. И все. Несмотря на огромную очередь, совсем тихо, не слышно обычных споров, ссор – не о чем спорить. Очень тяжело...

На площади Нахимсона удивил меня милиционер. Скуки ради, что ли, он вздумал штрафовать «соблюдение порядка», т. е. правил перехода улицы и даже оштрафовал одну гражданку. Удивительно! Порядок этот был нарушен и отменен уже на третий день войны. Точно все сговорились: во время войны и порядка не нужно! И так относились не только обыватели, но и милиционеры – типичная расейская расхлябанность. «Ведь война», поэтому ходи, как хочешь, получай

Второй слева – Ксаверий Наумович Сельцер. Справа от него – его супруга Берта Моисеевна Козак. На страницах дневника он ласково называет ее Бунутой. Фото 1927 г., на даче в Тарховке. Из архива М. Я. Муриной

газету на следующий день, а письма вообще без всякого срока, телеграмма-молния – через 6–7 дней. Вот война! Шиворот-навыворот!

На обратном пути видел у больницы Куйбышева (там самый большой морг) телегу, а на ней навалом два трупа – бездомные или из-под обвалов от бомбежки, накрытые цветной бумагой. «Умственный» город, средоточие учености: не рогожей или тряпками, а бумагой накрывают мертвецов...

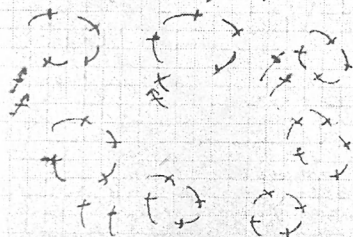
Последние дни немного – две-три – тревог, налетов, но очень жестокие. Наступает вечер, и воздух, стены сотрясаются от взрывов. На Инженерной, на Садовой, на Выборгской – разрушения, разрушения, пожары и смерть... Вот и тревога – первая сегодня – половина пятого, что-то рано, и пасмурно к тому же...

10 октября

Ухают зенитки. Под эту «музыку» я люблю думать и записывать. Последние дни как будто никаких изменений. Информацию передают штампованные сводки: «упорные бои» или «ожесточенные бои» на всем фронте. Разнообразится это только ужасными короткими сообщениями: наши войска после упорных боев оставили... Так уже оставили Полтаву, оставили Орел. Жестокий, небывало жестокий враг вклинился в самое сердце страны.

переходного искусства
(вероятно, летчик отпе-
салил бы кино-машину,
машинный цех), «где убо-
гимих людей "Антик".
Сначала человек был
подлинный, тело устал, сразу
светилых в сорокатых го-
дах в лабиринтах на него
сильнее, он был, и
там кубаркается, "Анти-
к", как это было, де-
лать, в нем. Но од-
но хвостик, одна гирля
гирля, раздалась, он
молча — геометрия. Сич-
ком строгий, сичком
различно, прощально
красивый, ах, ах. На
оправке, красноречивые
крупные — крупнее, и
крупнее, соседний
из 3-х, 4-х, 5-х, 6-х, 7-х, 8-х, 9-х, 10-х, 11-х, 12-х, 13-х, 14-х, 15-х, 16-х, 17-х, 18-х, 19-х, 20-х, 21-х, 22-х, 23-х, 24-х, 25-х, 26-х, 27-х, 28-х, 29-х, 30-х, 31-х, 32-х, 33-х, 34-х, 35-х, 36-х, 37-х, 38-х, 39-х, 40-х, 41-х, 42-х, 43-х, 44-х, 45-х, 46-х, 47-х, 48-х, 49-х, 50-х, 51-х, 52-х, 53-х, 54-х, 55-х, 56-х, 57-х, 58-х, 59-х, 60-х, 61-х, 62-х, 63-х, 64-х, 65-х, 66-х, 67-х, 68-х, 69-х, 70-х, 71-х, 72-х, 73-х, 74-х, 75-х, 76-х, 77-х, 78-х, 79-х, 80-х, 81-х, 82-х, 83-х, 84-х, 85-х, 86-х, 87-х, 88-х, 89-х, 90-х, 91-х, 92-х, 93-х, 94-х, 95-х, 96-х, 97-х, 98-х, 99-х, 100-х, 101-х, 102-х, 103-х, 104-х, 105-х, 106-х, 107-х, 108-х, 109-х, 110-х, 111-х, 112-х, 113-х, 114-х, 115-х, 116-х, 117-х, 118-х, 119-х, 120-х, 121-х, 122-х, 123-х, 124-х, 125-х, 126-х, 127-х, 128-х, 129-х, 130-х, 131-х, 132-х, 133-х, 134-х, 135-х, 136-х, 137-х, 138-х, 139-х, 140-х, 141-х, 142-х, 143-х, 144-х, 145-х, 146-х, 147-х, 148-х, 149-х, 150-х, 151-х, 152-х, 153-х, 154-х, 155-х, 156-х, 157-х, 158-х, 159-х, 160-х, 161-х, 162-х, 163-х, 164-х, 165-х, 166-х, 167-х, 168-х, 169-х, 170-х, 171-х, 172-х, 173-х, 174-х, 175-х, 176-х, 177-х, 178-х, 179-х, 180-х, 181-х, 182-х, 183-х, 184-х, 185-х, 186-х, 187-х, 188-х, 189-х, 190-х, 191-х, 192-х, 193-х, 194-х, 195-х, 196-х, 197-х, 198-х, 199-х, 200-х, 201-х, 202-х, 203-х, 204-х, 205-х, 206-х, 207-х, 208-х, 209-х, 210-х, 211-х, 212-х, 213-х, 214-х, 215-х, 216-х, 217-х, 218-х, 219-х, 220-х, 221-х, 222-х, 223-х, 224-х, 225-х, 226-х, 227-х, 228-х, 229-х, 230-х, 231-х, 232-х, 233-х, 234-х, 235-х, 236-х, 237-х, 238-х, 239-х, 240-х, 241-х, 242-х, 243-х, 244-х, 245-х, 246-х, 247-х, 248-х, 249-х, 250-х, 251-х, 252-х, 253-х, 254-х, 255-х, 256-х, 257-х, 258-х, 259-х, 260-х, 261-х, 262-х, 263-х, 264-х, 265-х, 266-х, 267-х, 268-х, 269-х, 270-х, 271-х, 272-х, 273-х, 274-х, 275-х, 276-х, 277-х, 278-х, 279-х, 280-х, 281-х, 282-х, 283-х, 284-х, 285-х, 286-х, 287-х, 288-х, 289-х, 290-х, 291-х, 292-х, 293-х, 294-х, 295-х, 296-х, 297-х, 298-х, 299-х, 300-х, 301-х, 302-х, 303-х, 304-х, 305-х, 306-х, 307-х, 308-х, 309-х, 310-х, 311-х, 312-х, 313-х, 314-х, 315-х, 316-х, 317-х, 318-х, 319-х, 320-х, 321-х, 322-х, 323-х, 324-х, 325-х, 326-х, 327-х, 328-х, 329-х, 330-х, 331-х, 332-х, 333-х, 334-х, 335-х, 336-х, 337-х, 338-х, 339-х, 340-х, 341-х, 342-х, 343-х, 344-х, 345-х, 346-х, 347-х, 348-х, 349-х, 350-х, 351-х, 352-х, 353-х, 354-х, 355-х, 356-х, 357-х, 358-х, 359-х, 360-х, 361-х, 362-х, 363-х, 364-х, 365-х, 366-х, 367-х, 368-х, 369-х, 370-х, 371-х, 372-х, 373-х, 374-х, 375-х, 376-х, 377-х, 378-х, 379-х, 380-х, 381-х, 382-х, 383-х, 384-х, 385-х, 386-х, 387-х, 388-х, 389-х, 390-х, 391-х, 392-х, 393-х, 394-х, 395-х, 396-х, 397-х, 398-х, 399-х, 400-х, 401-х, 402-х, 403-х, 404-х, 405-х, 406-х, 407-х, 408-х, 409-х, 410-х, 411-х, 412-х, 413-х, 414-х, 415-х, 416-х, 417-х, 418-х, 419-х, 420-х, 421-х, 422-х, 423-х, 424-х, 425-х, 426-х, 427-х, 428-х, 429-х, 430-х, 431-х, 432-х, 433-х, 434-х, 435-х, 436-х, 437-х, 438-х, 439-х, 440-х, 441-х, 442-х, 443-х, 444-х, 445-х, 446-х, 447-х, 448-х, 449-х, 450-х, 451-х, 452-х, 453-х, 454-х, 455-х, 456-х, 457-х, 458-х, 459-х, 460-х, 461-х, 462-х, 463-х, 464-х, 465-х, 466-х, 467-х, 468-х, 469-х, 470-х, 471-х, 472-х, 473-х, 474-х, 475-х, 476-х, 477-х, 478-х, 479-х, 480-х, 481-х, 482-х, 483-х, 484-х, 485-х, 486-х, 487-х, 488-х, 489-х, 490-х, 491-х, 492-х, 493-х, 494-х, 495-х, 496-х, 497-х, 498-х, 499-х, 500-х, 501-х, 502-х, 503-х, 504-х, 505-х, 506-х, 507-х, 508-х, 509-х, 510-х, 511-х, 512-х, 513-х, 514-х, 515-х, 516-х, 517-х, 518-х, 519-х, 520-х, 521-х, 522-х, 523-х, 524-х, 525-х, 526-х, 527-х, 528-х, 529-х, 530-х, 531-х, 532-х, 533-х, 534-х, 535-х, 536-х, 537-х, 538-х, 539-х, 540-х, 541-х, 542-х, 543-х, 544-х, 545-х, 546-х, 547-х, 548-х, 549-х, 550-х, 551-х, 552-х, 553-х, 554-х, 555-х, 556-х, 557-х, 558-х, 559-х, 560-х, 561-х, 562-х, 563-х, 564-х, 565-х, 566-х, 567-х

правильно по определенно-
му кругу. Знакомство по-
сле 2 го. - то же самое, кару
самомом сильнее притяну-
т к себе. Самолетов, вступая
сним с об. Мокрой стропы
притока обзавелась пидка ка-
индой. Ударила, ударила
в бою. - Коса, ударила в бою.
Видимо, подумав, кару
сним: - адская карусель го-
вова колесо. Гравитация, та
сколко можно было удва-
жить кару - навстречу: Ку-
перные было молниеносно
запомнилась мне кару
сним таким рисунком

28.1.

"Передвѣтъ Бибиковъ, перерылъ
дѣлашки мои. Вѣдѣликова и
Золотова не отпустили на
покой "губавина". Но это на-
писано самое послѣднее.
Вотъ не знаю у насъ такихъ
губавиныхъ писемъ какъ
Вражда, Лемингъ какъ
ранѣе дѣлашки съ нами;
вотъ уже неслыханны дѣла
всѣ жалки, похвально даже
я хотѣлъ сдѣлать вѣдомое
дѣло. Давно разбѣжались
по вѣтвямъ, покуда одобренья
отъ насъ не прошли. Замѣчательны
мелочныя, курьезныя ер-
митажники всѣхъ силъ с. в. со-
уже. Вотъ уже много вре-
мя съ началомъ перестрой-
ванъ "исходъ" сдѣланы, дру-
теская (самы не гиратисе-
лись) Гербовъ. Москва съ рѣши-
на съоставленъ вѣдомымъ

[illegible][illegible]

неким не докарно, тило вѣб.
нѣмъ тѣмъко «адвѣтѣмъ
нахотѣмъ каѣмъ. Навѣ-
къ, конѣмъ, тѣмъ. Нѣмъ. Ко
дѣмъ «дѣмъ кѣмъ не могу тѣмъ
дѣмъ. — дѣмъ...

Виденное описательное
свое. Так выкинутое на
все дни в все время. Моно
во время тревоги иногда «вы
кинутое». Не помню его
«кинутое» (это описательное
«кинутое»): кому в квадрате

Вислой мучь не берет,
Вислой пух не берет.

...Вчера попросил Ренсбургского
от Мейером-виц фон фон...

30. XI. ... Ситуация проследилась:
после многократных и длительных
разговоров с родителями
близкими родственниками
на предмет возможности продолжения

Сегодняшняя передовая «Правды» признает всю грозность положения. Враг угрожает жизненным центрам страны. Речь идет о жизни и смерти государства, о жизни и смерти народа. И все зависит от стойкости духа, то есть – старая истина – «у кого нервы крепче».

Враг не только жесток, коварен, бесчеловечен, но и силен. Что бы ни говорили наши сводки, нет еще признаков ослабления. Последние дни Ленинграду особенно нужны крепкие нервы. Налеты следуют за налетами. «Воздушные тревоги» длятся по 4–6 часов. И сколько бы наши соколы ни сбивали этих стервятников, можно себе представить, как велики разрушения, причиняемые сброшенными бомбами. А они сбрасываются... как попало, куда попало.

Эти дни я не выходил из дому, даже во время тревоги: почка разболелась, и я больше лежу... Погода назло прекрасная, небывалая для Ленинграда в октябре, и это на руку зверю...

День ото дня кольцо окружения, осады чувствительнее. Хотя сообщения с фронта, т. е. с Урицкого или Володарского, или же Тосно и Пулкова, – все это теперь пункты «Н», – рассказывают о замечательных действиях наших войск. И танкисты, и артиллеристы и, само собой, соколы-летчики, и пехотинцы творят чудеса. Но враг у ворот, и опасность по-прежнему висит над чудесным городом. Кто избавит нас от нее, кто спасет наш Ленинград? Не чудеса, конечно, – в чудеса не верю. Предпочитаю один хороший бомбардировщик или путиловский танк десяти чудам. Недаром и воззвания (хотя в них много заклинаний) говорят: давайте больше вооружения, больше снарядов и больше выдержки...

А выдержка, организованная настойчивость и умение нам очень нужны...

Каждый день, после 7 часов вечера, начинается ночной «концерт». С дьявольской пунктуальностью, с маниакальной настойчивостью совершают фашисты налеты на Ленинград. Налеты все длительнее и длительнее. Вот 3 и 4 октября – самые кошмарные дни, особенно ночь на 4 число. За эту ночь, с 11 часов вечера до 8 часов утра, было шесть тревог, из которых одна длилась три часа. И все последующие ночи не проходили без длительных и кошмарных налетов. 7/8 – шесть часов, 9/10 – четыре часа после перерыва в 20 минут.

...8.40 окончилась тревога. Видимо, репетиция. Гудят моторы, соколы возвращаются с боя. Недолгий отдых, и снова вылетать. Бесценные, беззаветные герои!..

...Заговорило радио. Снова повторяет передовую «Правды».

12 октября

...Снова – страшная ночь. Но неверно это слово «страшно». Мне совсем не страшно и я не ишу спасения. Собственно, неизвестно, где оно, это спасение от бомб и разрывов снарядов. Так ли уже безопасно в этих так называемых бомбоубежищах (диктор удачно переврал как-то слово, сказав «бомбоубожище». Истинно так). И мне кажется, бросающиеся с сигналом ВТ вниз по лестнице

*Первые жертвы
артобстрелов.
Сентябрь 1941 г.
Фото ЛентАСС*

бежать в бомбоубежище или в нижний этаж проявляют просто панику. Впрочем, все меньше и меньше, наши по крайней мере, поддаются панике. Да и что поможет?

Смерть от разрыва бомбы или шального осколка мне кажется не страшной. Гораздо тягостнее мне представляется смерть от голода – медленное угасание организма от отсутствия или недостатка питания. А оно уже началось...

Прежде всего это вечное «сосание под ложечкой» действует на мое настроение, на дух. Я не могу легко думать, не могу спокойно думать, пропадает привычка и охота шутить. Хочется только зло издеваться над собой и другими, все кажется «не так» и «не то»... И, к несчастью, еще совпадение голода с обострением болезни. Мне больно повернуться от боли в почке и превосходный мой инструмент перестает повиноваться: грелки (мое любимое средство) не помогают больше. И я лежу, лежу, лежу...

Вот это страшно, хотя конец-то один и надо набраться стоической мудрости спокойно ждать. Но даже «умнейший из юмористов» (как он сам себя определял, шутя, а это верно) Генрих Гейне, страдая жестоко от болезни, писал:

...О Господи, пошли мне смерть.

Внемли моим рыданиям!

Ты сам ведь знаешь, – у меня

Таланта нет к страданиям!

Могу также сказать – у меня нет таланта к страданиям. И до сих пор я умел быстро с ними совладать... А сейчас, сейчас я явно сдаю: враг наступает во много раз превосходящими силами...

Наше Информбюро сообщает о боях под Орлом, под Вязьмой. Враг наступает огромными численно превосходящими силами. Но по выводам Информбюро – это

*Воронка
от авиабомбы
на набережной
Фонтанки. Фото
Б. Васютинского,
9 сентября 1941 г.*

как будто спасительно для нас. Логика мало. Пока мы все отступаем на новый рубеж.

А мне как будто некуда больше отступать. И где будет решительный бой – не знаю, но он не за горами...

Интересно, однако, ночью под невыносимый вой, шум, грохот бомбежки я страха не испытывал. Я спокойно (лучше все-таки взять в кавычки «спокойно») протянул руку в темноту и повернул выключатель лампы. Спокойно записал начало и прислушался к тому, что делалось за стенами дома, отвалившись на подушку. А грохот происходил небывалый.

Казалось – это было второе падение бомбы, – все стекла падают, где-то был звон падающих стекол, все стены рушатся. Казалось, вот-вот рухнет дом, и потолок под тяжестью верхних двух этажей падает на меня. И хотелось угадать, как меня засыплет, как меня придавит. Мозг стремительно, молниеносно строил какие-то технические расчеты (хотя это не моя специальность, я совсем безграмотный в этой области): куда упадет потолок, что его задержит, куда грохнется главная масса. И все выходило (почему?!), что главный удар должен прийтись где-то правее меня, а меня, «в худшем случае», должно только слегка задеть, запорошить.

О, неисправимый оптимист! Сейчас мне даже смешно, но в тот миг, правду сказать, было не по себе, что мы называем – «жутко». Но это не была паника, иначе я, наверное, в одних кальсонах вскочил бы с постели. А я спокойно выждал конца «грома» и методично потянулся за «банкой»... Я мог еще спокойно подумать: почему кошечка никак и ничем не реагирует на происходящее? Вот если бы происходило стихийное землетрясение, она, наверное, вела бы себя не так, а она совершенно спокойно продолжает спать у моих ног, грея их – и совсем

*Жители выходят из бомбоубежища
после окончания артобстрела.*

Фото П. Машковцева, 7 октября 1941 г.

бесплатно, совершенно бесплатно, ибо нечем ее кормить. Но у нее как будто настроение от того не портится. Ужели я хуже кошки?..

...«Положение в районе Мелитополя (Приазовье) продолжает быть чрезвычайно серьезным» – последнее, что передало Информбюро. Мне кажется, и под Ленинградом оно продолжает быть чрезвычайно серьезным. Но о нем почему-то сегодня молчат...

А погода как назло изумительная. Того и жди, завоет омерзительный сигнал...

16 октября

7.20 Тревога! Пальба зениток. После двух-трех дней относительно спокойных (в ночь на 13-е ни одной тревоги, 13-го – всего одна тревога днем, 15-е – целые сутки без тревог) опять налеты: сегодня уже вторая тревога...

13-го числа наш дом получил боевое крещение – на наши чердаки, пробив крыши, упали целых пять зажига-

тельных бомб. Группа самозащиты оказалась на высоте: бомбы были погашены быстро. Не обошлось, разумеется, без курьезов и недоразумений: один чердак, например, оказался запертым, пришлось дверь вышибать. «Героями» дня, как и можно было ожидать, оказались «пацаны» – подростки (они же и стекла бьют за милую душу)... Домохозяйки после долго судачили в «клубе». Так и чувствовалось особое удовлетворение: и мы, наконец, сподобились. Особенно довольна была тетя Дуня (это у нее в квартире по вечерам «клуб») – у нее вдруг нашелся новый материал для разговоров на целую неделю...

«Спокойные» дни – самые тягостные дни за время войны. За Орлом – Вязьма, за Вязьмой – Мариуполь. Немец прет на Ростов (что его уже задержит?). А сегодня уже и само Информбюро признает, что положение под Москвой крайне тяжелое. Фронт прорван, и наши войска отступают. Враг у ворот Москвы, и «Правда» призывает москвичей брать пример стойкости и отваги с ленинградцев и одесситов...

И трудно понять, что творится! Элементарно рассуждая, если мы, по сообщениям «Информбюро», вот уже много дней избиваем фашистов, устлая их

*После
бомбежки.
Осень 1941 г.
Автор
не установлен*

труппами поля сражений, забираем горы танков и другого вооружения, почему мы не только не отбросили врага, не погнали его, а отступаем и отступаем?! Это же непостижимо! В народе уже имеет хождение слово «измена», «предательство». Всему есть предел: ведь и Кутузов отступал до некоторого предела-рубежа... Или – верить не хочется – наше командование во всем хочет повторить Кутузова и даже Москву отдать врагу?!...

Но – можно назвать войну отечественной (она такая и есть: ведь вся страна уже вовлечена в войну), можно ее назвать священной, справедливейшей из войн, но едва ли можно повторить слово в слово 1812 год. Это совсем не 1812-й, даже не 1919-й, хотя все время и проводят параллели...

*Орудийный
расчет
противника
обстреливает
осажденный
Ленинград.
Фото ноября
1942 г.*

Не только мы, простые смертные, понять здесь ничего не можем, но и ближе нас соприкасающиеся с фронтом. Вчера только приехал (пришел, вернее) П. Д. Он прямо из огня. 20 дней выбирался с группой раненых бойцов из вражеского окружения. Голова поранена, шинель прострелена. Боевой, настоящий комиссар, достойный своего звания. Он говорит, что герои, прославленные Львом Толстым, имеются во множестве и у нас (в этом сходство с 812-м годом). Инициативные, отважные, самоотверженные патриоты! Умирают бесстрашно. Наносят фашистам жесточайшие удары!

Но почему же вы отступили? Он также не знает, как и мы смертные. Приказ!..?

Прервал мастер. Пришел мерку снимать с окон, чтобы повесить щит – защита от воздушных волн для стекол и некоторого рода «отопление». Открыл окно... Все небо в багровом зареве – пожары кругом: на Сенной, на Фонтанке горит... Стервятники отогнаны – отбой...

17 октября

Опять с маниакальной точностью в начале восьмого – налет. И снова, должно быть, какие-то «единицы» пропущены в город, ибо бахают зенитки «над самой крышей»...

Сегодня опять приходил Петр. Покуда сформируется дивизия, он имеет возможность отдохнуть. А это ему, несомненно, необходимо... Он рассказывает, что проезжал сегодня мимо мест, пострадавших вчера от бомбежки. Это горел (по его словам, «сгорел») Народный дом, театр Комсомола (Молодцы! Как бы предвидя беду, театр перенес свои спектакли в помещение Малого оперного театра) и еще какие-то строения. А Боря Н. утверждает, что горели только Американские горы Нардома. Так или иначе, сволочи наделали нам дел. Пожар был ужасающий...

Впервые Информбюро признает, что «потери с обеих сторон большие».

28 октября

Перерыв большой, перерыв «затишья». В блокноте с 20 числа не отмечено ни одной «тревоги». Но это затишье самое зловещее. Еще не было у нас столько тревожных, тяжелых дней. Правда, Ленинград как будто «оставлен в покое». Но этот покой объясняется очень просто: фашистская нечисть оттянула все силы к Москве. Вот уже много дней под стенами первопрестольной идет страшная, эпическая (если не трагическая) борьба. Очень скупое на сообщение Информбюро – даже оно признает всю серьезность и грозность положения.

«Враг делает отчаянные усилия, чтобы прорваться к сердцу нашей великой родины – к Москве» – так писала правда уже 17 октября. И с тех же пор положение не изменилось нисколько. Каждый день наши героические части, если верить Информбюро, уничтожают огромные массы не только живой силы противника, но и его технические вооружения. Сотнями уничтожаются танки,

автомашины с боеприпасами, десятки и сотни самолетов. Казалось бы... «Измотать врага как можно сильнее, обескровить его, задержать! Такова задача, и наши фронтовики самоотверженно ее выполняют»... так пишет сегодня Ставский с Западного фронта, то есть из-под Москвы. По-видимому, выполняют не всюду.

Каждый день с трепетом слушаешь 6-часовую сводку, на вчерашний день... Под давлением во много раз превосходящих сил врага мы оставляем город за городом, пункт за пунктом. Почему? – неотвязно терзает вопрос. Если мы уничтожаем силу врага и он становится все слабее, почему мы его не отбрасываем, а сами отступаем, отдаем ему на разграбление наши прекрасные города? Почему?! Ведь сам собой напрашивается злобещий ответ: значит, изматываем не только неприятеля, но и свои силы.

Этого, конечно, официально не признает наше командование. Реляции для народа – ах! Наш народ такой стал понятливый за годы Советской власти! В веселом, порой до тошноты юморном изложении Лозовского стараются успокоить, что, мол, все эти потери – не имеют решающего значения. Можно пережить не такие обывательские слова: ну, потеряли Одессу, ну, отступили от Сталино, – подумаешь! А вот, если действительно подумаешь, что за это короткое время мы отдали немцам Мариуполь, Таганрог, Сталино, что на окраинах Харькова идут бои, – можно с ума сойти.

Нет Украины (официальный голос подсказывает: «временно нет», – все временно в этом мире!), нет Донбасса, нет Сталино – подумайте, Сталино! Сколько рабочей крови пролито на этом старом Юзе¹, пока он не превратился в Сталино! Нет, может быть, в этот момент уже старого Харькова – как безмерно тяжело!!...

Все стараются, проводят аналогии, все сравнивают положение с 19-м годом. Слова Ленина, которые я читал в 19-м в октябре (их повторяет сейчас «Правда»), как будто звучат очень светло, созвучно дню: «Враг старается взять нас врасплох. У него слабые, даже ничтожные силы, он силен быстротой, наглостью офицеров, техникой снабжения и вооружения... Мы гораздо сильнее врага».

Но это только кажется так. Какая может быть аналогия!? Недаром сама «Правда» говорит: «Враг тогда не был так вооружен, как вооружена сегодня гитлеровская Германия. Сегодня опасность более серьезна...».

И главное совсем в другом. С кем мы тогда воевали? Со своими же мужиками, сагитированными собственной же контрреволюцией, с своими белогвардейцами. И стоило во многих случаях «переагитировать» эту массу, удачно промитинговать чуть не посреди боя, как те же «враги коммунистов» перемалывались и переходили к большевикам. Что стояли эти генералы, эти вожди этих белых армий! Сейчас просто смешно вспоминать!

Теперь мы имеем дело с ордой, к несчастью, вооруженной до зубов самой современной техникой и руководимой настоящими генералами, видимо, хорошо

¹ Ныне Донецк

понимающими свое дело. Орда, как всегда, судя по ее действиям в завоеванных странах и городах, движима только звериной яростью. Только животными, самыми хищными инстинктами. К несчастью, история знает много фактов, когда невежественная дикая орда завоевывала, истребляла, покоряла целые народы, стоявшие культурно гораздо выше завоевателей. А нынешняя немецкая орда – не просто дикая орда, а утонченная, вышколенная в дикости и зверстве орда. Как если бы на тучном черноземе посеять и культивировать репейник или чертополох.

Ведь на многовековой культурной основе, созданной немцами (немецкая философия, наука, политическая мысль – Кант, Гегель, Маркс, Лессинг, Гете, Гейне, Вирхов, Эпштейн и тысячи тысяч других), нацистская власть посеяла и вырастила нынешнее племя – поколение утонченных головорезов, для которых мораль, человеколюбие, жалость, простая человеческая чувствительность – звук пустой. Ведь даже ожиревшие сердца американцев, покрытые толстыми бумажниками, вылощенные мозги черчиллей содрогаются от ужасов, творимых этим зверьем во Франции и «прежде всего в занятых районах России» (см. речь Черчилля).

Тут агитацией, митингом ничего не сделаешь. Гитлер отучил немецкую молодежь думать (подумайте, немцы! Народ, у которого мы учились в молодости мыслить, политически думать, бороться). И признаться, когда я слушал воззвание ЦК ГКП к германскому народу – длинно, длинно – я думал, что это анахронизм, это 1918–1919 годы. И ныне в германской (гитлеровской!) армии найдутся ли солдаты, способные прочесть, вчитаться – не говорю уже: увлечься – этим, по существу, великолепным документом? Нет, не 1918 год. Братания нынче не вызовешь.

Классовая пролетарская солидарность чужда, непонятна нынешнему немцу, его больше исключительно занимает и трогает погромная агитация гитлеровской командующей банды. И когда мне на днях Петр показывал красивые листовки и газеты для немецкой армии (их даже находят у некоторых пленных), я думал: нет, не это нынче нужно сбрасывать немцам – бомбы, бомбы и бомбы! Танки нужны, танки! Самолеты и тяжелую артиллерию – вот что нужно!.. А наши милые «союзники» (мы не одни) все ждут и ждут. Улита едет...

31 октября, ночь

Рвут воздух зенитки. Снова тревоги и снова нет сна... Днем был снег. Сейчас, видно, распогодилось, и фашисты не теряют времени. Впрочем, и в непогоду – нелетную погоду – они не оставляют в покое. Вчера в это время стены дрожали от разрывов артиллерийских снарядов. К «счастью», они пока обходят наш район. Говорят, снаряды падают преимущественно в южных районах города – Московском, Кировском...

За эти дни отдан Харьков. «Утешение» – мы сдаем его не тогда, когда хотел враг, а когда немцы смогли его взять, уложив под ним на полях сражений многие тысячи. Как говорится, «разговоры для бедных». Сегодня новое направление – тульское. Все теснее и теснее сжимается кольцо вокруг Москвы... И когда записывал: нужны бомбы и еще раз бомбы, а не листовки, – сила, а не прекраснодушие, я как бы предвосхишал новый лозунг, выкинутый в последние дни партией и печатью: истреблять, истреблять и истреблять! Чем только можем, истреблять фашистов. Вот это понятно и доступно немецким извергам; это вполне отвечает их собственным лозунгам. В этой каннибальской войне мы все станем каннибалами...

Правда, этот призыв к бесстрашию и звериной жестокости (сегодня даже какой-то поэт восклицал по радио: «Чем хочешь – но убей!») звучит немного смешно для безоружных мирных жителей осажденных городов. Да разве русский человек на войне умеет быть столь жестоким, методически жестоким, как вышколенный немец? Никогда! Может быть, мы потому из-за прекраснодушия (человечность, еще не совсем подавленное зверем чувство) и проигрываем, бываем биты, может быть... Лучше погибнуть от зверя, чем самому превратиться в зверя... Каюсь, как бы этот призыв: к беспощадности и только – не извратился бы в умах малоустойчивых... В этой войне все возможно... Зловещая ночь нависла над нами, над нашей страной...

4 ноября

Снова тревога – третья сегодня. Пришел Боря Н. и говорит: «Сейчас будет тревога», и сейчас же, тут же...

7 час. Страшно дом качается, должно быть, где-то совсем близко сброшен адский груз. Успею ли записать, что хочу? Противное ощущение цепляет и царапает...

Пришел и с «паникой» (хотя он не паникер, скорее, храбрый) погнал женский элемент вниз. Очень хорошо – тогда только могу писать...

Как быстро вырабатывается в нас «привычка». Ученый назвал бы это как-нибудь иначе. В первый раз, когда так же закачался дом (я бы сказал, даже менее сильно), меня невольно охватило какое-то невыразимое, но, несомненно, животное, то есть непосредственное, всепоглощающее чувство. Медленно приходя в себя, хотелось щупать голову, нос, ноги – целы ли. А сейчас... просто какое-то безразличие. Это совершенно естественное явление, чтоб падали и разбрасывались бомбы, чтоб дребезжали стекла и качался дом. Может быть, это только до поры до времени, пока бомба не разорвалась действительно возле тебя, вместе с тобой.

Еще ночью – я проснулся в 4 часа, хотя лег поздно и заснул после 12-ти, читая биографию Пастера – мне вспомнилась картина воздушного боя, который я наблюдал в начале сентября из наших окон. И вот захотелось мне ретроспективно,

задним числом записать свои впечатления, яркие и сильные до сих пор. Каждый налет и каждый бой, что слышу – наблюдать их теперь не приходится – напоминают мне эту волшебную картину...

Было за полдень. Солнце стояло позади и косо освещало золотым цветом все небо, кое-где покрытое легким пухом белых облачков...

Когда зазвучал сигнал ВТ и послышался треск (тогда еще внове) зениток, я по обыкновению высунулся в окно посмотреть, что делается в небе... Был прекрасный теплый день конца лета. В обычное время такое небо, такой день наполняет сердце мечтательной истомой. Перед глазами мигом встают картины далекого прошлого, светлой, хоть и безрадостной, юности. Тираспольское или луганское небо, воздух, напоенный ароматом сырой земли. Тенистые сады и укромные места, где так хорошо было мечтать – о чем? Конечно, всегда и в первую очередь – о «счастье на земле», о радости для всех людей, о лучшем счастливом будущем... Но перед глазами в небесной выси разворачивался, разыгрывался какой-то бесовский, неопишуемый и невыразимый адский карнавал. На всем пространстве неба, охватываемом полем зрения, происходила бешеная игра, непрерывное, ни на секунду не прекращающееся кружение огромного множества (вероятно, летчик определил бы число «машин» – участников игры) едва уловимых глазом «птиц».

Сначала можно было подумать, что целая стая светлых серебряных голубей забралась не несвойственную ей высоту и там кувыркается, «купается», как это любят делать голуби в небе. Но одно явление, одна черта сразу разбивала эту иллюзию – геометрия. Слишком стройно, слишком расчетливо происходило «кувыркание» этих птиц. На огромном пространстве кружились кружки, кружок за кружком, состоящий из трех, иногда четырех «птиц», в хвосте которых мчались то один, то два «голубя». Все кружки вместе составляли как бы огромный круг, тоже вращавшийся по определенному кругу. Значительно позже я где-то читал о карусельном строе фашистских самолетов, вступающих в бой. Такой строй будто оберегает тыл каждого звена, участвующего в бою. Действительно, получалось впечатление карусели – адская карусель, чертово колесо!..

Где здесь были наши, где вражеские самолеты, невозможно было определить, хотя порой казалось, когда машина сильно освещалась солнцем, что где-то видны красные звезды. Видение слишком быстро исчезало, чтоб можно было уверенно сказать себе: вот это наш! И мысленно ему помогать.

Чем кончилась эта «игра», не знаю: вся карусель исчезла за облаками и за горизонтом. Но если б не знать, что это игра в «быть или не быть», игра смерти, сознательно звериная, погоня друг за другом с целью уничтожить, сжечь, пронзить, если б не знать, что каждый «шаг» этих машин, каждый «ход» игры – это

кровь, кровь, смерть, гибель и слезы – эту картину можно было бы считать даже красивой. Адская красота!.. Как будто я вместе с Данте прошел по кругу ада. И никогда-никогда не забыть картину Ада!..

4 ноября, 10 час. вечера

«Идет» пятая тревога. Мучительный вечер, и предстоит тягостная ночь...

Не успел я закончить запись о «карусели», как окончилась тревога и наши вернулись домой. Недолго пробыли дома. Успели напиться чаю – не чаю, а какао. Да-да, какао – напиток богатыря. Какао «выдается» по карточкам кондитерских продуктов: хочешь – бери конфеты, хочешь – бери какао. У нас все любят какао (должно быть, из воспоминаний давно прошедшего), хотя пьют его как чай, вприкуску и «без ничего»...

Но только попили – снова завывала сирена. Спустился и я. Вышел за ворота. Ночь – мадридская: на редкость ясная, лунная, звездная. Не знаю, на сколько баллов оценивают летчики такую погоду. Я бы оценил на все 12 баллов. Как не пытаться врагу, уже известному своей наглостью и настойчивостью, портить нам вечер, лишит ночного покоя. И если даже налеты незначительны (хотя они продолжительны), все равно, повторяя их часто, враг достигает своей цели. Кроме того, фашисты как будто действуют по лозунгам, которые провозглашаются у нас в последние дни: ни минуты покоя врагу – ни днем, ни ночью. Изматывать его технику, уничтожать его силу. Таков наш лозунг – как будто по нему стремится действовать и враг. Но, конечно, во всем виновата Луна. Она, оказывается, не только пособница любви и нежных серенад, – она же пособница таких черных разбойничьих дел, как налеты на мирные города и невинное безоружное население...

Посидел я внизу в «клубе» минут 40. «Тревога» окончилась. Я отправился в свою обитель. Но не успел я дойти до нашего этажа, сирена снова завывала. Проклятие! И вот, уже три четверти часа длится тревога. Зенитки рвут небо то совсем над головой, то удаляясь, как будто гонятся в воздухе за прокравшимися и теперь удирающими бандитами...

Видимо, так будет всю ночь – прибой-отбой, прибой-отбой...

Да, это Луна. И к тому же приближается годовщина Октябрьской революции. Разумеется, если Гитлеру и его клике не удалось осуществить самый зловещий план к ее годовщине (взять Ленинград и – того лучше – Москву), то хоть нагадят нам, омрачат праздник... И еще третьего дня Боря Н. после обеда таинственно и конфиденциально сообщил (тоном «я созвал вас, господа, чтобы сообщить неприятнейшее известие...»): дни 6–9 ноября нужно будет всем (главная цель, по-видимому, воздействовать на меня, остальные ведь и так очень послушно «укрываются») с наступлением вечера уходить вниз в убежище, то есть в квартиру Евдокии Петровны.

Почему? Потому что в эти дни фашисты (это известно из их листовок) обещают особенно усиленно бомбить город. И фашисты, видимо, перевыполняют свой план: они уже сегодня начали интенсивно налетать... Надо однако думать, что и наши соколы-защитники Ленинграда тоже не дремлют и тоже мобилизуются. А Луна ведь и в Берлине, и неужели наши летчики не устраивают ответных визитов, не поют советских «серенад» над логовом фашистского зверя...

Я только-только подумал, неужели и я крови жажду – крови, во что бы то ни стало? – как опять грохнула где-то совсем близко бомба. Все закачалось, все заколебалось. Да, невольно станешь кровожадным, каннибалом. Хотя я же твердо знаю, что даже полное физическое истребление уничтожит черную силу и зло на земле.

5 ноября

11.30 веч. Недавно пришли после конца ВТ, напились коллективно чаю. Я успел даже после полуторанедельного интервала сделать себе процедуру. Бунута² даже отважилась снять платье и лишнюю пару чулок и лечь в постель. И снова – адская сирена, снова тревога со всеми вытекающими последствиями.

Да, прав профессор Виноградов (главврач больницы «В память 25 Октября» – б. Александровская), выступавший в «Последних известиях» по радио. Человек гуманной профессии, посвятивший всю жизнь только спасению человеческих жизней, воспитанный на идеях Пирогова и других гуманистов, прошедший как хирург три войны, дрожит от гнева, не находит слов для выражения своего негодования, когда говорит о последствиях бомбежек мирного населения, о десятках и сотнях ни в чем не повинных стариков, женщин, детей (порой еще не появившихся на свет, в утробе еще столь недавно счастливых, а сейчас несчастных, если не растерзанных матерей). У него, «мухи никогда не убившего», руки сжимаются в кулаки для мести, для отплаты озверевшим, потерявшим всякую человеческую сущность извергам! Их нельзя уже называть людьми...

Мы говорили только что с Бунутой: какая «отплата», какое наказание может покрыть эти преступления? В войне, правда, всегда в известной степени зверствуют обе стороны, но я знаю русскую армию, я знаю советское культурное воспитание красноармейцев, я знаю лозунги, какими руководствуются красноармейцы, я знаю, наконец, наше командование. Никогда, никогда русская армия, русский солдат, красноармеец (ни дореволюционной армии, ни тем более современной советской) не опозорит, не опоганит свою армию бесчеловечными нападениями на беззащитных, на невоющих людей...

И если еще можно понять, что отравленный, натасканный на свирепость рядовой нацист, не только не знающий, кто такой Пушкин, Толстой, Шекспир,

² Бунута – жена Ксаверия Наумовича Сельцера Берта Моисеевна Козак.

но не слышавший никогда имени Гете и Гейне, набрасывается как бешеный зверь (именно бешеный!) на беременную женщину, на малолетнего мальчика, на старика и прокалывает штыком их, отрывает у них носы, уши, – то как взыскать с тех, кто благословляет натравливание бешеного, безмозглого зверя!

Как с точки зрения морали расценивать действия тех дипломатов Германии, тех генералов, командующих армий, которые явно провоцируют своих солдат на зверства, на бесчеловечные действия? Какие наказания вот для этих культурных зверей (о, они знают и мировую поэзию, и философию, у них на каминах красуются бюсты великий людей!) могут покрыть их преступления. Даже в вымышленных наказаниях грешникам в Аду не найти «соответствующего» наказания, достойной кары за их преступления!.. Сердце холодеет от ужаса, гнева и негодования...

Вспоминается, что и англичане, которые «несли культуру» на Восток, при «усмирении» индусов тоже немало зверствовали, их борьба с индусскими темными крестьянами, а позже и с белыми, тоже мало содержала гуманного. Но можно ли сравнить это с бешенством фашистов?! Все же они не воевали с теми, кто не выступал против них – подлых завоевателей – с оружием в руках... Фашисты же – это последняя грань, едва ли мыслимо худшее падение человечества, деградация морали. И потому-то он должен быть уничтожен. Он будет уничтожен! Доживу ли я до этого момента или нет – это будет... Или, или все человечество должно быть уничтожено, смыто, стерто с лица земли. Оно недостойно названия человечества...

Вчера лишь я закончил вопросом: неужели наши соколы не ответят достойно на вызов. И сегодня Информбюро сообщает о налетах наших самолетов-бомбардировщиков на Данциг, Кенигсберг и Штеттин. Очень хорошо, особенно если «сувениры» доставят тем, кому следует... Не думал кенигсбергский философ, любуясь звездным небом (он это любил, это зрелище звездных, бесконечных миров вдохновляло его на великие, пусть ошибочные, идеи), что оно будет низвергаться смертоносными ядрами, что человечеству нужно будет искать спасения от «небесной кары» не в потустороннем мире (он еще в него верил, старый чудак!), а здесь же – на прекрасной, подлой земле...

ВТ кончилась, она длилась только час и прошла не в пример первой, довольно тихо для нашего района.

Пришел снизу Боря. Он очень огорчен (думаю, не совсем искренно): ему предложили немедленно собраться, не глядя на «бюллетень», и вместе с другими работниками треста вылететь в Свердловск для спешной оборонной работы... Чего лучше: другие почли бы за счастье, другие сотрудники так «пляшут» от радости – есть возможность выбраться из Ленинграда. А он очень огорчен. Правда, он очень привязан к мамочке (слепо, до самозабвения любящей его), привык греться и тереться у ее подola, и ему неохота с ней расставаться, оставлять ее

здесь. Но она-то и будет спокойна, зная, что он вдали от фронта и что ему не угрожают шальные бомбы и осколки...

8 ноября

Мне хотелось 6-го после доклада Сталина записать «для памяти» свои впечатления. Но мои «условия» не всегда позволяют мне писать когда хочу – я могу это делать только когда могу...

Доклад И. В. для меня не явился неожиданностью. Кому же, если не ему, в знаменательную годовщину, в эти небывалые обстоятельства говорить с народом, с Армией. И он говорил! Как всегда ясный, предельно сжатый доклад! Ни слова лишнего, без ораторских выкрутасов (он их всегда избегает), без беллетристических красотей, без ненужной брани, необычно спокойно, даже спокойнее, чем говорил 3 июля. И речь его была не только обязательна, но и совершенно убедительна. Несмотря на то, что в ней вовсе нет радужных цветов, нет радостных фактов – после нее как-то легче стало на душе. Нет места отчаянию, безнадёжности. Наоборот, вырастает уверенность...

Да, мы в некоторых отношениях слабее германской армии (у нас меньше механизмов – моторов), и потому отступаем (я получил, наконец, ответ на мои недоуменные вопросы): слабого всегда бьют. Но в потенции, в ближайшем будущем мы станем и в этом отношении, то есть в области моторизации армии, сильнее, во много раз сильнее врага. И кто может сомневаться, что фашистская орда будет нами разгромлена и уничтожена окончательно. Вопрос времени – ну, полгода, годик (как сказал И. В. на параде Армии 7-го числа), и фашистская Германия лопнет, как мыльный пузырь. И, действительно, нельзя в этом сомневаться, особенно, если наши союзники (Англия и США) не предадут, а будут честно выполнять условия соглашения с нами.

Неудачи наши временны, и это несомненно. Ибо Россия (даже Россия старая) недолго терпела завоевателей: громила татар, громила поляков, била турок и даже целые коалиции (Севастополь) по существу мало что могли сделать с ней. А Советский Союз уже в первые годы своего существования, что называется, в детском возрасте, едва вылезши из пеленок, весьма удачно сбросил интервенцию, справившись чуть не с полутора десятками врагов! Так не варварскому же фашизму покорить, уничтожить (речь идет сейчас именно об этом) советский колосс...

Проклятые «условия»! Мне не дали закончить мысль. И сегодня (9 ноября) тоже, видимо, не удастся: уже очень поздно, нельзя больше лампу жечь. И спать, спать надо, пока нет тревоги и бомбы не падают. Кто спит – обедает! Правда, сегодня «празднично» обедали, даже вино пили, и гостя была. Но уже прошло после обеда 6 часов и скоро есть захочется... Надо спать... Ах, сколько сегодня разных мыслей хотелось записать. Не выйдет... Спать!

11 ноября. Ночь

Ночь... В квартире Евдокии Александровны... Начало второго. Все уже спали, разбудила ВТ. Решил тоже спуститься вниз – авось здесь не помешают. Пока тихо. Никто не мешает, даже зениток не слышно.

Мороз. Луна ярко освещает город. Ни облачка, ни ветерка. Не знаю, любят ли летчики такую ночь, – я теперь не люблю... Тревоги становятся все тягостнее и тягостнее и результаты все мучительнее и страшнее. Вчера, как раз когда я получал вино (праздничная «выдача», т. н. «мадера» Арарата по 11.30 бутылка), началась тревога. Голодный и холодный, я просидел на лестнице в доме, где «жил и умер Некрасов», больше часа. Долгой, мучительно долгой казалась тревога – началась резь и схватки в кишечнике (хорошо, что не в пузыре).

Сегодня днем тревога меня застала в очереди за меланжем (меланжем в годы моего первого юности, когда я был «мальчиком» в мануфактурном магазине купца Вайнберга в Тирасполе, называлась какая-то материя, смесь шелка с шерстью – нынче меланжем называется полужидкая масса, получающаяся от смешения разбитых яиц; белки, кажется, удаляются – «консерв» очень нестойкий, прошлая полочка, простояв на окне дня четыре, была выброшена...) – по 100 гр. на карточку служащего, иждивенцам не полагается. Продукт довольно скверный! Я укрылся тут же, у Евдокии Александровны, просидели 2 часа.

Результатов сегодняшней тревоги не знаю – но в праздники «он наделал» (так выражается народ) ужасающих бед. Не хожу далеко, немного вижу, но в пределах нашего квартала (излюбленный квадрат фашистских извергов) я видел кое-что, и даже мое окаменелое сердце сжалось. Наша Моховая неузнаваема. Вся нечетная сторона изрешечена: дома 18, 30, 32, 38, 42 изуродованы бомбежкой. В квартале от нашего дома до Белинского очень мало целых окон осталось.

12 ноября, 7.30 вечера

Вот уже час продолжается тревога – четвертая сегодня... Опять сижу у Миновых внизу. Довольно темно. Пишу почти что ошупью, но... будет еще темней. Перспективы весьма мрачные, хотя «праздники» прошли весьма бравурно. В Москве даже состоялся парад войск. Особенно бравурны были послепраздничные радиопередачи. До чего же они непоследовательны... А сегодня командующий ленинградским фронтом Хозин уже неприкрыто говорит, что Ленинград «находится в блокаде». Об этом и говорить не нужно – это чувствуется во всем, особенно в снабжении населения продовольствием. Сегодня уже выдавался хлеб только для сегодня: завтра норма выдачи будет снижена. Продорганизации маневрируют наличными запасами – весьма трудное дело. Масла уже нет даже для маневрирования; выдается (и то надо искать где) сыр за масло. Это вызывает большую нервность у населения, особенно женского, реагирующего

непосредственно, без особых размышлений. Вообще население ведет себя очень «героически», то есть весьма спокойно относится к бомбежкам и обстрелам.

Я видел и говорил с пострадавшими, но ни у кого не видел слез, не видел отчаяния. Мне кажется порой, что страх голода действует сильнее на массу, чем страх бомбежки. Охраняющим порядок приходится чуть ли не силой загонять с улицы людей в укрытия. Особенно трудно приходится женщинам. Боязнь упустить свою очередь, не получить «меланж» или сахар, мясо (мясо, можно сказать, уже исчезло) заставляет забывать о всякой опасности с воздуха...

Кольцо голода сужается, голодная смерть почему-то реальнее вырастает перед взором. А между тем, это ведь еще не голод, не тот голод, от которого мрут сотни и тысячи. Между тем как опасность с воздуха страшно реальна. Ужасы и бедствия, обрушивающиеся на город ежедневно, не поддаются изображению. И они у всех перед глазами. Их нельзя преувеличить...

Если я называю часто адом, то только потому, что когда-то страшнее всего рисовался ад. Но Ад слишком нереально рисовался как церковью, так и писателями, и, по существу, никто же не боялся его (кроме ханжей и замоскворецких или наших охтинских старух). А наш ад – слишком реальность... Может быть, эта реальность и есть причина того, что мы не боимся...

Вот сидит сосед и спокойно рассказывает, как «вчера на проспекте Красных Командиров³ через голову пролетел снаряд. Так метров триста от меня угодил в мостовую и разорвался; никого не убил. Потом раз за разом штук десять. Ну и что поделаты! Походил по магазинам, сел в трамвай и поехал домой...». И не страшно.

Иван Филиппович рассказывает заплетающимся языком: «стоял на дежурстве (он где-то на Выборгской стороне в охране служит). Вдруг как засвистит – джжжжж! – и на Карла Маркса... Ффук! И пламень, огонь – до неба». Снаряд попал в цех во время работы – сколько погибло, скольких разорвало!.. В очереди сегодня в кондитерской женщина рассказывала об ужасах разрушения в 42-м доме на Моховой. Это случилось еще 6-го числа. Но еще и сейчас туда не пропускают. Она живет в этом доме. Уцелела, как и многие другие, потому что была в очереди напротив, внизу. Но здесь-то и оказалась «героиня судьбы».

«Ирочка! Пойди домой, затопи плиту, а я уже одна постою». Ирочка побежала домой. Потом ее трупик нашли через два дня, совершенно изуродованный.

13 ноября, 11.30 вечера

Шестой раз спускаюсь в эту обитель – в тете Дуне. Она очень духом падает – пьет валерьянку...

Поясница очень болит сегодня и почка разболелась, должно быть «перегрузился» сегодня – дрова таскали с Борей из его разоренной квартиры на Виленском

³ Проспект Красных Командиров – так с 1918 по 1944 г. назывался Измайловский проспект.

к нам в сарай... 6-го, во время «праздничного» налета на Ленинград, бомба угодила и в дом Бори. Наиболее пострадала его квартира. К счастью, он ночует у нас и уходит во время тревоги вместе с мамочкой в укрытие к тете Дуне... К счастью, в доме Бори никто не пострадал: все население находились в бомбоубежище.

...Беспрерывный грохот – трудно писать. Звенят зенитки, ухают взрывы, свистят бомбы... Из 42-го дома уже откопали 27 трупов и многих не досчитываются. Дом качается от взрывов. В 11-м доме по Пестеля, говорят, страшное разорение, неимоверное разрушение и жертвы. Погибли целые семьи. И сегодня, верно, тоже немало таких бед... Гудение самолетов как будто над самой головой... Надо много нервов и душевной крепости, чтобы все это выдержать. Тетя Дуня не перестает креститься и причитать: «Иисус-Иисус!». Поможет ей Иисус...

Сегодня хлебная норма уменьшена до 150 гр. – для всех и до 300 гр. для рабочих. 150 граммов звучит, конечно, больше, чем четвертушка. Население приняло как должное. Готовится к 50 и 100 граммам. Возгласы и вздохи «когда это кончится» относятся только к ужасам бомбежки – вот где скрывается противоречие. Голод страшен, а молят конца бомбежки...

А бомбардировка города и артиллерией, и с воздуха подлинно бешеная. Может быть, это действительно, ярость отчаяния, злость смертельно раненого зверя. Подлость – хуже звериной! Правильно заметила Бунута, что фраза Сталина «Гитлер походит на Наполеона, как котенок на льва» неудачная, интеллигентски мягкая и благородная, но обидная для котенка. Лучше было сказать: «...как крыса на льва». Ибо хищность, кровожадность и омерзительность чисто крысиная... Котенок – слишком человеческое животное, особенно такой котенок, как наша Умка. Нет, наша Умка (страдающая, бедная, вместе с нами от недоедания), белая мурлышка, неспособна на такие подлости, как Гитлер и его подлейшая банда...

Маленькую Ниночку поцарапал серый кот. Плача, она говорила тете Дуне – бабушке своей:

– Прогони его к немцам!

Да, немец стал символом страха, подлости, низости...

...Опять бомбы сброшены поблизости от нас. Но наш дом счастливо минует чаша сия, хотя он и находится в этом злосчастном «квадрате».

Как хорошо бы, как необходимо полежать, согреть бок, поясницу... Весь таз болит от сидения. Терпи, крепись!..

14 ноября, 9 вечера

Старая привычка писать на людях, оставшаяся у меня со времени репортажа, помогает мне сейчас. Кругом и старики, и женщины по обыкновению «калякающие» о чем угодно, и хнычущие малыши, а я – правда, с некоторым напряжением, пишу, ловлю свою мысль и закрепляю на бумаге...

Страшное сотрясение – упала бомба и, видимо, разорвалась. А говорят, много бомб не разрывается. Они лежат подолгу, из окружающих ближайших домов выселяют людей до обезвреживания снарядов. Но, должно быть, у нас не очень умеют разряжать эти бомбы, и некоторые взрываются через много часов или взрываются при разряжении, как это было на Моховой, 30 (или 32), где при этом погибли два человека. Лежат неразорвавшиеся бомбы на Рылеева, 32, на Рылеева, 3 и в других местах...

Кошмарна была прошедшая ночь. Налет закончился только в 3 часа. И снова, по словам наблюдателей, на наш район (впрочем, не только на наш) выброшено множество бомб... Гр. В. (он сюда приходит с семьей – маленькой Ниночкой и женой) бывает по своей работе во многих местах. Он видел на Майорова разрушенные вчера дома: на Фонтанке снаряд упал в садик за цирком – часть ограды вылетела в реку, часы на Думе разлетелись вдребезги.

Моховая, 3 – дом разнесен в щепки. Проезд от Пестеля в ту сторону закрыт. Проезд по Пестеля в сторону Летнего сада открыт. Уже убрали с мостовой выброшенные взрывом камни, предметы и мусор. Дом 9, где помещался народный суд нашего района, зияет как открытая развороченная рана. Рана на теле Ленинграда. Сколько таких ран, видимых и невидимых! Только бы не умереть от заражения крови, от гангрены – залечит Ленинград все раны.

Ленинградцы крепки: сотрясения повторяются, стены, пол так и качаются, тетя Дуня автоматически крестится... и в уголку, возле новорожденной Люси идет воркотня, далекая от войны, бомбежки и всех ужасов... Это Груша пришла (буквально) сегодня из родильного дома с младенцем – девочкой, родившейся четыре дня назад. Когда бы это у нас, в Ленинграде, выпустили роженицу на четвертый день после родов!

«Счастливая» мать бодрa, спокойна и рада, что может укрыться от бомбежки вместе со «своими» в этом весьма малонадежном убежище у тети Дуни... Ай да ленинградцы!..

...Отбой... ВТ длиной два часа. Два часа разбойного нападения и бесчеловечных убийств с воздуха...

Недаром умный изобретатель-самоучка Т. И. Волосков еще в начале прошлого века писал: «Овладев новой стихией и воздухом, люди, конечно, не преминут сделать и ее вместилищем своих раздоров и кровавых битв. К земным и морским разбойникам прибавились бы еще и разбойники воздушные, которые нападали бы на беззащитных... Нет, нет! Воскликнули мы: ни к чему изобретать способ летания по воздуху».

Чудесное предвидение умного, гуманного человека, думавшего всю жизнь об облегчении души человеческой и прекрасно знавшего природу человека-зверя...

15 ноября, 8 часов вечера

Жестокие дни, жесточайшие ночи. Ад крошечный. Полтора часа уже длится «очередная» воздушная тревога, очередной бандитский налет. Снова наш район в центре «внимания» злых стервятников. Сброшено уже несколько фугасок очень-очень близко. Так и кажется: вот-вот повалится стена, посыплется потолок. От воздушной волны все время ощущение качки. Женщины очень перепуганы, бедные.

Погасло электричество. Это напоминает сцену из «Потопа» Бергера в постановке Вахтангова. Хорошо, если это кончится в ЖАКТе благополучно... Однако, писать невозможно...

12 час. Ночь... «Отчего я люблю тебя, ночь?» Ничего более парадоксального... В небе тихо. Тревога закончилась около 9 часов. Но напуганная бомбежкой наша молодежь настояла, чтоб мы все спустились вниз. Но куда? У Семы взрывом бомбы выбиты все стекла в окнах – холод и тьма; там находиться нельзя. Уцелела одна комната Бобки. Там и устроились Сема, Таня и Бобка. Кажется, и Эмочка там осталась. Мы же вновь пошли к тете Дуне. Она уговорила Бунуту лечь с ней в кровать. Широкая кровать. По крайней мере, полежит. Боря Ник. прикорнул в кухне (первой комнате этой гостеприимной квартирки), где изрядно холодно. Боря Ал. развернул железную кровать, достал какой-то сеник. Тоже, по крайней мере, лежит.

Я устроился у письменного стола на двух стульях – ни сесть, ни лечь, что твой международный вагон экспресса. Зато я обнаружил на столе чернильницу и перо. Спать все равно нельзя: две девицы – Гала и Людмила, трех месяцев и четырех дней, – не переставая плачут. Бедные ребята: перепуганные насмерть бомбежкой матери накормили их порченным молоком своим или недостаточно покормили, и они кричат от боли или голода... Новорожденные в осажденном городе, под страхом ежеминутной смерти от бомбы, артиллерийского снаряда или осколка кирпича...

Прошло три часа, а бомбежки, между прочим, нет. Ирония (на сей раз приятного характера) судьбы: очень готовились, заранее «укрылись», а налета и бомбежки – вот увидите – не будет. Только лишний раз моя больная поясница изломается. Но... такова жизнь в осаде, в неустроенной осаде.

...После тревоги я вышел из ворот поглядеть, что делается. Оживление очень большое. Темно и звездный шатер над головой. Ярко горит Юпитер (кажется, это Юпитер, на северо-востоке). Движение пешеходов очень большое: все спешат добраться домой, до «спокойного» ночлега. На тротуарах дворники старательно сметают осколки стекла – под ногами сплошные осколки, в воздухе звон сметаемого стекла. «Порядок» быстро восстанавливается...

Моховая уже ограждена рогаткой, и у нашего угла весь квартал изолирован. Бомбежка, наделавшая много шума, грохота и тревог, обошлась сравнительно

«недорого». В домах нашего ЖАКТа жертв нет, нет даже раненых. Только в 25-м доме по улице Пестеля, в доме «Гос. Кондитер» или «Главкондитер» (важный «военный объект») бомбой, упавшей в тесном дворике, кто-то убит и есть несколько раненых.

Утром – завтра еще выходной день для служащих – вновь соберется дикая очередь за конфетами в «Кондитере»... «А на утро она вновь улыбалась». Такова жизнь. Ну, ребята, кажется, затихли. Погас свет. Попробовать подремать, как в вагоне поезда...

18 ноября

...Дни 6 и 15 ноября никогда, думаю, не забудутся ленинградцами. Столько крушения, столько горя – бессмысленного, нелепого, неотвратимого в своей дикости! За что, почему?..

Когда ходишь по городу, особенно по улицам нашего района, невольно вспоминаешь мистические слова: «Петербургу быть пусто». Но, конечно, это были страшные слова только для мистиков. Святое место пусто не бывает. А что может быть святее нашего Питера, нашего Ленина-града? Это имя как гром и как град: Петербург, Петроград, Ленинград!..

Какой еще город столько вынес, выносит, страдает! Где еще столь стойчески, столь героически ведется борьба и выносятся лишения за свободу, за счастье Ленинграда, народа!

Хорошо сказал Джамбул: «Ленинградцы – гордость моя!»

...Между прочим, когда ходишь по городу, видишь разрушенные дома, развороченное, переключенное, изломанное, искрошенное «добро» трудового населения, нависшие обломки верхних этажей, приходишь к выводу, что у нас в Ленинграде нет настоящих бомбоубежищ, где бы укрывавшийся действительно был гарантирован от злой смерти от бомбы. Где только ни попадала бомба в дом, особенно если падала сверху «прямым попаданием», дом проваливался до самого основания. «Бомбоубежище» в доме 10 по Моховой имело своды метровой толщины, и эти своды провалились от удара бомбы и похоронили под собой десятки людей, искавших спасения...

Бомбоубежище в поликлинике на проспекте Майорова пострадало в первую очередь, ибо бомба разорвалась внизу на мостовой близ убежища и осколками, и вырванными камнями убило и ранило несколько человек – потому что это убежище только по названию убежище. И много подобных. И эта беготня сверху вниз, это «спасание» в нижних этажах – просто смешно, ни к чему... Чутьочку запоздали у нас с сооружением метро. Только оно и есть надежное убежище, остальное же, как удачно ошибся как-то диктор радицентра, – «бомбоубежища»...

19 ноября

В 6 часов – мы еще обедали – сирена завывала. Это повторяется каждый день. Только наступают сумерки, стервятники прорываются в город и творят свое черное

дело. Так было вчера, так и сегодня, причем тревога длится полчаса, 40 минут, затем после короткого 10-15-минутного перерыва возобновляется и длится уже час, полтора, иногда и больше двух часов.

Сидим опять у тети Дуни. Маленькая Галя плачет, а тетки – их трое, все молодые, как ни в чем не бывало усиленно занимаются рукоделием: кто на машинке строчит, кто чулки штопает, кто вышивает. Все они работницы и, оказываясь, это привычка не сидеть без дела. Хорошие ребята! Одна из них говорит: «Выживу – обязательно сошью себе черное бархатное платье с белым воротничком...». От души ей желаю: и выжить и сшить себе прекрасное бархатное платье...

Хочется записать сегодняшний день. Никогда еще я так не жил. Одним доволен – что не лежу и в состоянии что-то сделать, хотя бы для дома (это говорят – для обороны). Что же я делаю? Например, сегодня. Встал «рано» – в 9 часов. Ходил к соседям за водой – у нас уже 4 дня водопровод испорчен и закрыт. Побрился – пятый день не брит...

После «легкого» завтрака – вареная картошка (это сейчас большой деликатес), у нас она еще имеется, и чашка какао (разведенный кипятком напиток) – я отправился на поиски продуктов по карточкам на 2-ю декаду. Обошел весь наш квартал, заходил во все магазины, но ничего не достал. А вчера мне повезло – достал «у Елисеева» (в гастрономе) подсолнечное масло, полагающееся по карточкам, простояв в очереди всего три с половиной часа!...

Вернулся домой около трех часов. Занялся «дровозаготовкой». Притащил из сарая дров, расколол их для буржуйки, и дощечек. Затем наколот эти дощечки для самовара. Время прошло. В пять часов пришла с работы (из Эрмитажа) Эммочка – и обедали. Еще «все в порядке», как выражается Бор. Ник., обед как обед: и первое, и второе; на первое был суп с крупой и микроскопической долей крабов (крабы – «за рыбу», полкоробки на суп для семьи) и второе – «улики», то есть тертый картофель, зажаренный как блины. Весьма вкусное кушанье даже в мирной обстановке. Хлеба только маловато, весьма мало...

Но все на том согласны – будь его хоть еще меньше, лишь бы не было бомбежки. Обед уже кончали второпях под звук сирены...

Вот и весь день. За весь день (и так почти каждый день) не удается даже газеты посмотреть, а книги и совсем забросил... Особая, совсем особая жизнь. Существование! Вечер наступает – усталость нервов, утомленные мускулы и оутепелый мозг. Долго ли можно так тянуть?

20 ноября

Сегодня снова сокращена норма хлеба – на 25 гр., а рабочим – на 50 гр.⁴ Для всех пятерых получил 750 гр. – на завтра: сегодняшний рацион съеден

⁴ 20 ноября 1941 года в Ленинграде провели пятое по счету снижение норм выдачи хлеба. На рабочую карточку стали выдавать 250 граммов хлеба в сутки, на все

вчера («выиграли» 150 гр. – выбиравший сегодняшний рацион сегодня получили уже по сокращенной норме).

Простоял 5 часов в очереди за мясом на 2-ю декаду. Достался 3-й сорт, по 7 руб. 10 коп. за кг. Но к моменту получения мяса я уже так устал и озяб, что если б даже осталось не бычье, а лошадиное, кроличье, собачье мясо, – я бы уже не ушел без него. Вернулся домой совсем в сумерках. Эммочка была уже дома и вместе с Бунутой очень беспокоились из-за моего отсутствия. За это время съел несколько картошин и чашку «какао» с маленьким ломтиком хлеба.

Не могу, однако, сказать, что меня оставили силы. Нет. Это, конечно, большая трата нервной энергии и физической силы – стоять пять часов на морозе, под снегом, слушая нервный визг женщин, слушая «страшные» рассказы о бомбардировке (плакаты призывают «не разговаривать о бомбардировке – это помогает врагу разрушать наш город»), возгласы: «а нам уже не достанется», «уже идет только второй сорт», «надо поставить кого-нибудь следить за очередью – там примазываются впереди, смотрите!», «это все оттого, что берут два веса» (не понимаю, что это значит, мне разъясняют: берут для себя и по поручению), «это безобразие! А я стою с шести часов» (стоит она, правда, рядом со мной часов с 12 дня). Все это требует много сил. Но я уже натренировался. Это мне не страшно.

Даже удивительно и непостижимо, должно быть, из области психологии или психопатологии: дома я удерживаю мочу максимум 3 часа, иной раз не успеваю «донести» до уборной, замачиваю кальсоны, – и никакие старания, никакая волевая борьба с этим не помогает. А вечером я выдерживаю столько, сколько длится моя очередь: 3–4–5 и более часов! Сегодня, например, выдержал целых 6 часов! Наблюдение для урологов...

Думаю, моя выносливость, несмотря на перенесенную болезнь и грозные операции, благоприобретена трудовой тренировкой. Меня спасает любовь и потребность в движении, в физической трате энергии, не могу сидеть без физической работы. Если раньше я тратил силы преимущественно на свою редакционную и корректорскую работу, дополняя это небольшой работой на дому (наливать воду, выливать воду, подмести комнату, исправить кровать и т. п.), то сейчас главная затрата энергии идет на очереди, на колку дров, таскание воды, согревание самовара, мытье посуды, топку печи и много других мелочей, утомляющих порой руки и ноги (но не голову) до дрожи, до судорог...

Но это хорошо. Я не впадаю в голодную апатию, в голодную лень. Мы еще повоюем, черт возьми! Даже сегодня я сам себя наблюдал и сравнивал с другими – я бодр, хотя и голоден. Голодное кольцо все теснее и теснее. Я даже в состоянии записать свои ощущения...

остальные – по 125 граммов хлеба.

День сегодня прошел без воздушных тревог и бомбежки и ночь прошедшая тихая была – после трехчасовой тревоги вечером. Должно быть, снег мешает зверюгам нас тревожить...

26 ноября

Последние дни воздушные тревоги реже, но продолжительнее. Ряд дней прошло «нечувствительно» для нашего района. Сегодня лишь вновь где-то поблизости сброшен смертоносный груз. Вчера днем тревога длилась 4 часа, сегодня – 3 часа и тоже днем. Ночи две прошли «спокойно»...

Дни тяжкие. Общее положение, судя по «последним известиям» Информбюро (хотя они пишутся особым «эзоповским языком»), весьма тяжелое. Угроза, нависшая над Москвой, не уменьшается. Враг «выдыхается, задыхается», теряет все больше и больше – неимоверно много, и все же мы нет-нет, а отступаем. Кричим «ни шагу назад», и – отдаем все новые и новые пункты. Только от Ростова фашисты на 60 км.

Зима, конечно, хороший наш союзник. Но если за зиму немцы не будут сокрушены (а для этого нужно много-много танков и самолетов) – боюсь, мы проиграем войну. «Союзники» же наши – Англия и США – кормят нас пока многими словами. Новое наступление англичан в Ливии... Ах, лучше бы бросили они хоть одну дивизию на север Финляндии (хотя бы), – это было бы нужнее и чувствительнее для облегчения нашей борьбы...

Приезжал Петр. Опять где-то близко «формируют» из остатков новый полк. Страшные дела творятся на фронте. И немало головотяпства, если не хуже. Сколько гибнет, сколько гибнет народа! А мы кричим от потерях немцев... Откуда же все-таки «превосходство в людях»? Тяжело!..

Положение в Ленинграде тоже не лучше. Говорю о продовольственных делах. Удручающая картина. Новое явление – очереди выстраиваются уже с 5–6 утра (еще полная ночь) – у совершенно пустых магазинов. Это очереди ожидания – в надежде, авось что-нибудь привезут. Так стоят по 4–5–6 часов, порой безрезультатно. Вчера простоял 2 часа – за пивом. Пришел домой – без пива (очередь прервалась тревогой). Сегодня встал пораньше. В 7 часов уже был в очереди у «Елисеева» – с вечера узнал, что будет крупа на 3-ю декаду. Был, наверное, тысячный в очереди. Простоял до 11-ти, совершенно окоченел и ушел ни с чем, без всяких видов...

Опять тревога. 5 часов. Уже просидел с Бунутой 3 часа у тети Дуни...

29 ноября

Положение все хуже. Вести с московского фронта нехорошие. Даже официально признается, что положение стало «более грозным». Что это означает, каждый понимает. На ленинградском фронте не лучше. Особенно мучительны стали дневные налеты, длящиеся по 5–6 часов. 27 числа тревога продолжалась

с 12 до 18 часов, вчера с 12 до 17. Сегодня вот уже два с половиной часа продолжается, а конца ей не видно. То пальба зениток, то грохот взрывов сбрасываемых фашистами бомб. И опять наш район – как будто центр нападения. Метят также в корабли, стоящие на Неве, но больше попадают в воду...

Бунута, верная слову, данному ей Борису (он уехал 26 на рассвете в командировку на Урал), пошла прятаться к тете Дуне. Я решил твердо не ходить вниз: слишком это утомительно для меня. А от очередей и колки дров опять разболелся левый бок. Буду «прятаться» наверху: никем не доказано, что гибнут только и обязательно находящиеся наверху. Навлеку, конечно, гнев Эммочки. Но даже «для нее» не могу это делать – устал...

Мучительно отсутствие света. Ток выключается на весь день и весь вечер. Только во время тревоги иногда свет включается. Не понимаю этой «политики»: кому в квартирах, кроме меня, во время тревоги нужен свет? Ведь все уходят в убежища...

«Ни читать, ни писать (вот воспользовался тревогой, чтоб записать Игорю послание) – только по полу плясать!» – как поется в детской песенке...

...После целого месяца получено, наконец, письмецо от Игоря. Жив, миляга! Даже я уже стал мрачно думать о его судьбе: уж в очень гиблое место попал. Но сейчас переведен в политотдел – надо думать, более безопасно. Ведь его дело не танки взрывать, а пленных допрашивать. Но он ведь такой – полезет, куда не надо. Вот Петр – этот уверен, что не погибнет. А это очень важно. «Смелого пуля не тронет. Смелого штык не берет».

30 ноября

...С утра просветление: после тяжелого напряженного ожидания – радостная весть: ростовская армия нанесла немцам тяжелое поражение... Сам И. В. послал поздравление с победой нашим славным армиям Юго-Западного и Южного фронтов. Вот если б в таком же духе – в хвост и в гриву погнали их и на других фронтах. На московском же продолжает быть очень тяжело, и «Правда» предупреждает против самоуспокоенности, к еще большему напряжению сил. «Под Москвой фашистские мерзавцы должны найти могилу». «Не видать Москвы гитлеровской банде» и т. д. Шутка ли сказать – изувер, людоед Гитлер против Москвы... Но молниеносный, стремительный натиск немцам не удался и вторично. А это для немцев смерть. Скорей бы!!

На нашем фронте как будто тоже успехи. Но мы все еще в тесном кольце...

Мария Алексеевна Васильева

«...Спасибо нашему гению Верусе»

Об авторе: Геолог Мария Алексеевна Васильева (1909–1970) начала свой блокадный дневник 19 января 1942 года, а последняя запись датирована 18 мая того же года. Жила с родными на ул. Достоевского, почти напротив Кузнечного рынка.

Вторник, 3/II

Дома словесная ссора. Веруся вернулась с работы расстроенной. Вопрос об эвакуации и разговоры на производстве. Мать по-прежнему не хочет слышать об отъезде... При уходе на работу Вера на улице видела снова трех мертвецов на панели, особенно запечатлелся труп женщины с ребенком, бедняжка заочечнела в объятьях с ним.

Вот уже несколько дней Боровая улица заливается водою, никто ее не перекрывает, очевидно, что-нибудь лопнуло. На дороге в воде по кузов вмерзли два автомобиля. Люди для личного пользования черпают воду прямо с дороги.

Среда, 4/II

...Подвели итоги пищевым продуктам.

1 чашка чечевицы – один день питания.

2 чашки лапши – два дня питания.

18 картошин – три дня питания.

2 раза капусты – четыре дня питания.

3 раза риса – три дня питания.

Итак, полмесяца февраля еще протянем. Веруся с работы принесла дополнительное питание – желе, всем досталось по 1,5 столовой ложки и по коржика...

Четверг, 5/II

После утреннего завтрака почувствовала себя ужасно плохо, снова ослабление всего организма – омертвление. Полусидела на диване под шубой в ватной жакетке, главное – отсутствие всякой мысли и неподвижность.

Но вот мысль начинает работать, и пришли на память слова какого-то ученого «Я мыслю, следовательно, существую». Два глоточка портвейна, данные

*Вера Алексеевна Васильева. Довоенное
фото. Из архива В. В. Абрамова*

мамой, оживили, придали бодрость – встала и у печи отошла совершенно. Но слабость – как она надоела, временами кажется себе, что я симулирую, и я начинаю двигаться опять до полного упадка.

У нас несколько изменился режим в питании. Долю хлеба решили оставлять на день, так что вместо трех раз теперь понемножечку кушаем четыре раза. Изобрели новое блюдо – поджарили с Лекой хлеб в касторке. Всем очень понравилось, как будто бы хлеб со свиным салом...

Суббота, 7/II

У нас баня. Целую неделю мамулька заготавливала воды. Бедная, сегодня ей здорово досталось. С 2-х часов затопила каменным углем (принесенным Верусей) плиту. Нужно было прогреть кухню. Ну закоптила же все наша старушенция – двери, стены, ни до чего не дотронуться. Целую неделю я страдала за затрату сил обоих – мамы, Веры. В этот день они пытаются переделать все: вымыться, намыть полы, выстирать белье. Так и было...

Боже мой, в данный момент я вспоминаю себя, как, бывало, натираешь всю квартиру, быстро, чисто, соседки-бабы приходили любоваться на мое мытье. А теперь сижу куклой, и всякие мелочи раздражают меня, а всего два месяца назад я еще легко прибирала и кухню, и комнату. Ну ладно, нужно быть хотя бы в чем-нибудь полезной, тороплюсь починить чулки Веруси и белье мамы. 40 дней не мылись, почти столько же не меняли белья...

Благодарность им обоим. Баня удалась на славу! Блаженные, распаренные и утомленные, мы с Ольгой еле добрались до постели, а они обе, бедняжки, до 2-х часов ночи провозились с бельем. Главное, бедняжкам подкрепиться-то нечем, хлебушка-то маловато.

Воскресенье, 8/II

Думала – не сегодня все после бани будут долго спать. И... как раз наоборот! Вчерашняя переутомленность на всех сказалась. Все рано поднялись. В начале 8 ч. Веруся побежала в магазин с целью получить мясо. В 9 ч. все поднялись.

Мать начала выносить вчерашнюю воду. Я не вытерпела: пока была вода, обтерла сырой тряпкой шкафы, двери, стены...

Вечером из нашего дома навестила нас Мария Осиповна! Чрезвычайно интересный человек. Веруся с нею познакомилась в пожарной команде при жакте. Проговорили об эвакуации. Все время дрожащая за Ленинград, сейчас она стремится вырваться из него.

Нина Николаевна собирает свои пожитки, единственная мысль, бодрящая ее – бежать, бежать. Сломала свой рояль, ломает шкафы с целью заготовки дров своим трем бабушкам.

Понедельник, 9/II

На улицах покойники, на этот раз женщины. Очевидно, начинается повальная очередь их. Жактовские работники оттаскивают таких гостей подальше от своих

ворот к соседу, и так трупы валяются не прибранными по 2–3 дня. У Веруси на заводе в общежитии за воскресный день умерло 4 человека.

Все мы, а особенно я (чего давно не было) хорошо спали, правда, сон мой и продолжался всего 6 часов, а затем ожидание 10 ч. с отсчетом каждого часа при отбое часов.

Среда, 11/II

Прибавка в хлебе! Иждивенцы получают на 50 гр. больше, служащие на 100. Следовательно, в день мы теперь получаем 1.600 гр. Как много по сравнению со 125 гр. на человека, то, что пережито нами, и однако кусочек все же кажется незначительным.

Четверг, 19/II

Неделя как не записала сюда ничего. Записать же необходимо многое. Виною всему моя бессонница, измотала совсем. Знаю, что это расстройство основной нервной системы, необходим совершеннейший покой и никаких раздражений...

В воскресенье впервые, после двухмесячного перерыва, заработало радио. Услышать его было весьма радостно, но это было возможно только в воскресенье, сейчас оно работает настолько тихо, что даже не проследить за последними известиями.

*Вера Алексеевна Васильева
на отдыхе на юге. Довоенное
фото. Из архива В. В. Абрамова*

Всю неделю слушаю хорошо доносящиеся ночные паровозные гудки, как будто бы железная дорога оживает.

Суббота, 21/II

Сегодня прогуливалась по улице. Какое блаженство! Иду и улыбаюсь. Временами чувствовала слабость в ногах. Придя домой, учинила генеральную уборку комнаты...

Улицы города имеют неприглядный вид. В переулках нагромождение грязного снега и местами вылитых человеческих отходов. Окна домов забиты фанерой, и они имеют более приглядный вид, чем застекленные, ибо подчас из стеклянных окон торчат огрызки труб времянок, которые придают весьма грязный, убогий вид зданию. На центральных улицах поражают своими развалинами обнаженные от досок песчаные основы, защищающие стекла магазинов и учреждений. Теперь доски растащены людьми на отопление.

Понедельник, 23/II

24-я годовщина Красной армии. Целый день прекрасно работало радио. Днем, и особенно вечером, передавался чудный концерт. Из последних известий основным является: 1) приказ Сталина к красноармейцам и партизанам об окончательном изгнании германских фашистов, 2) от фашистов совершенно освобождены Московская и Тульская области, 3) Ленинграду не грозит опасность вторжения германцев, но он не освобожден от немецкого окружения, и когда это произойдет – неизвестно.

Всю ночь на 23/II раздавалась жуткая артиллерийская стрельба. Очевидно, наши выгоняют немцев из насиженных гнезд...

Четверг, 26/II

За последнее время мама сильно осунулась. Становится маленькой худенькой старушкой. Та нагрузка, которую она несет, излишняя по питанию. Принести и вынести воду, мытье пола, стирка и изготовление обеда. То, что она получает во время завтрака, обеда, ей мало, и это вполне понятно, – она все время находится в движении...

Суббота, 28/II

Нагрузка по получению продуктов целиком легла на Верусю. Сегодня с 6 часов ушла в магазин. Пришла бодрая, с хорошей выдачей:

Манная крупа 0,5 кг

Горох 250 гр.

Гречиха 1 кг

Сахарный песок 600 гр.

Вечером прикрепили карточки и получили 600 гр. мяса. Все это очень всех приободрило. Вообще, февраль месяц по выдаче продуктов был наиболее благоприятен.

Все эти дни продолжается жуткий вражеский обстрел. Начинается с 6 ч. утра и несколько раз продолжается в день до 4 часов. Говорят, на улицах во время обстрела бывает много пострадавших. Большие разрушения снаряды производят на жилых зданиях. Нередко в стенах домов видишь круглые отверстия, обнажающие внутренность пострадавшей квартиры или комнаты...

Народ все умирает. Сегодня ходила в поликлинику. По дороге встретила двух женщин, везущих на санях покойника, очевидно, умершего в спящем положении в виде «стульчика». Голова и туловище покойника завернуты в одеяло, ноги обнажены. Войдя в поликлинику, я поразились гулом очереди людей за справками, истомленные, тупые, вытянутые и почерневшие лица. Поликлиника, кроме справочного, не работает. У входа натолкнулась на труп женщины: чистенько одетая, ноги в чулках,

очевидно, кто-нибудь воспользовался валенками покойницы. Люди проходят совершенно равнодушно, толкая труп открывающимися дверьми.

*Мария Алексеевна Васильева, автор
блокадного дневника. Фото 1948 г.*

Из архива В. В. Абрамова

2/III

Из информбюро сообщают: «Кольцо блокады фашистов у Ленинграда становится все меньше и меньше». Но зиме-то конец, на носу весна. Будет ли блокада сбита? Есть ли угроза вторжению фашистов в Ленинград?..

Военная опасность для Ленинграда не уничтожена. Что же может принести городу весна? Загаженные дворы, помойки, общественные места, квартиры. Ослабшее от недоедания, грязное и вшивое население. Незакопанные мертвецы, не только на кладбищах, но и внутри города...

И еще более ужасное, что может ждать население Ленинграда, – голод. Дороги не восстановлены, распутица шоссейных дорог, таяние льда на Ладожском озере (как единственное дорожное сообщение в настоящий момент). Несмотря же на смертность, на большое количество эвакуированных, население Ленинграда остается все же большим, и обеспечить его продовольствием нет возможности. Того, что усиленно готовится и подвозится сейчас, слишком

Екатерина Прокофьевна Глинская

«Удивительные люди эти ленинградцы»

Об авторе: Когда началась война, Екатерина Прокофьевна Глинская (1907-1970) работала хирургом в Обуховской больнице. За плечами было окончание в 1930 году Государственного института медицинских знаний по специальности «врач-хирург»¹. С марта 1942 года заведовала хирургическим отделением инфекционной больницы Фрунзенского района на Лазаретном переулке у Витебского вокзала. После войны Екатерина Глинская стала крупным врачом, доктором медицинских наук, была удостоена звания «Заслуженный врач РСФСР».

До самых последних дней жизни память о блокадной больнице для нее оставалось свята. И потому, наверное, как главную семейную реликвию хранила она рисунки, выполненные одной из своих пациенток – неизвестной художницей, оказавшейся в больнице на Лазаретном в начале весны 1942 года. Эти девятнадцать графических работ, большинство из которых сделано с натуры, запечатлели реалии блокадного госпитального быта. На некоторых из них запечатлена и Екатерина Глинская. А один из рисунков – автопортрет художницы, с ироничной «Молитвой местного раба».

Теперь хранительницей этих блокадных реликвий является дочь Екатерины Прокофьевны – Оксана Викторовна Глинская. Многие годы она пытается установить авторство рисунков, но пока безуспешно. Искусствоведы и художники предполагают, что автор могла быть, скорее всего, профессиональным книжным графиком. А специалисты Русского музея уверены, что художница была очень юной – не старше двадцати лет. Ее имя остается пока одной из тайн блокадного Ленинграда...

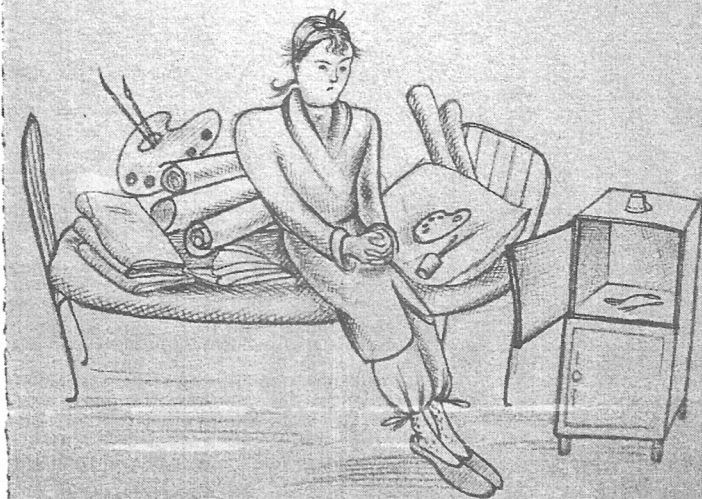
12/XII – 1941 г.

Плохой признак, что меня потянуло к перу, чтоб записать несколько строк. По сводкам Совинформбюро, все пишущие дневники оказались убитыми, и их дневники становились достоянием людей.

¹ В 1930 г. переименован во 2-й Ленинградский медицинский институт, с 1947 г. – Ленинградский санитарно-гигиенический медицинский институт, с 1994 г. – Медицинская академия, в 1995 году присвоено имя И. И. Мечникова.

Молитва местного раба:

«Господи! Не дай мне погибнуть до 1го! Подкрепи угасающие мои творческие силы хоть тарелочкой лишнего супа или кусочком хлеба! Иначе не увидят свет ни три альбома, ни пять выставок, ни четыре спектакли, ни шесть рисунков, кои должна я сотворить к 1-му числу во прощавание инфекционной больницы... Слава твоя духовно и телесно, о Господи!..»

Автопортрет
неизвестной
художницы –
«Молитва
местного раба».

Выполнен
в больнице
на Лазаретном
переулке
весной 1942 г.

Ну что ж! Я давно стала фаталисткой, а точнее, с момента первой бомбежки, то есть четыре месяца тому назад.

Какие существенные факты за 1941 год:

Дом разрушен, жить там нельзя

Лилин² дом разрушен до основания

3) В дом Л. А.³ попал снаряд

4) Два раза попадала под артобстрел (шагала по трупам)

5) Ежедневно хожу под артобстрелом (свистят над головой).

Ну вот скупые факты фронтовой жизни. Пережито? Да.

² Лиля – Елизавета Яковлевна Мартынова, сокурсница Екатерины Прокофьевны Глинской по Государственному институту медицинских знаний и ее близкий друг. После войны работала в 1-м медицинском институте.

³ Л. А. – Лидия Александровна Талызина, с марта 1942 г. – главный врач инфекционной больницы Фрунзенского района.

*Екатерина Прокофьевна Глинская.
Фото 1940-х гг.*

*Екатерина Прокофьевна Глинская.
Фото 1929 г.*

Пережито – непрерывные, каждодневные бомбежки, пережита беготня в поисках пропитания, пережито... много.

Кончился год. Вступаю в 1942 г. с таким балансом – полное истощение физических сил. Голод.

Это страшней бомбежек и артобстрелов. Голод.

Голод, сжимающий медленно, но верно костлявой рукой сердце.

Что сейчас дома. Георгий⁴ погибает от голода. Лиля держится только нервами, я хожу с тяжелой головой, с болями во всем теле и с желанием кушать. Кушать без конца. Хоть один раз покушать досыта! Голод. Страшная вещь. Это надо пережить, а иначе не понять никогда этого чувства.

Это личное, а город живет, но страшной жизнью, света нет, тепла нет, воды нет, трамваи не ходят, в кооперативах ничего нет, две декады выдачи нормы нет. По улицам ходят тени людей, обреченных на смерть от голода. Гробы, гробы, трупы, трупы. И вместе с тем никогда мне не казался город таким красивым, как в эти смертельные дни. От мороза стоят такие красивые деревья, так красива Нева и ее набережные с замерзшими кораблями и застывшими домами.

Город тих, словно уже вымер весь. Нет трамвайного шума. Радио не кричит, люди молча проходят, как автоматы, лишь редкие машины нарушают покой улиц обреченного города, иногда плач нарушает тишину – значит, украли

⁴ Георгий Яковлевич – брат Елизаветы Яковлевны Мартыновой.

хлебную карточку, падающих людей никто не поднимает, тупо и равнодушно проходят мимо завтрашние мертвецы.

Сегодня улетели мои письма Виктору⁵ и отцу⁶. Ну, надежды на посылки уже нет. Говорят, что в Ленинград посылок не принимают. Почему, это понятно. Так хочется жить, поднять на ноги малышей⁷, хоть немного пожить по-человечески. Не хочется по-звериному. Не хочется умирать с голода. Можем прожить две недели – это последнее, после этого смерть. Правда, легкая смерть, но ведь это смерть. Конец, амба.

Вспоминаю Блока.

«Я не спеша собрал бесстрастно

Воспоминанья и дела

И стало беспощадно ясно

Жизнь прошумела и ушла».

«Беспощадно ясно» – конец. Тяжело.

За 12 дней декабря не получено ни одной крупинки перспективы... За это время каждодневный обстрел города, пострадала поликлиника Л. А. Она тяжело переживает голод.

Не хочу больше писать. Не получается. Все невольно подгоняется под голод. Это самое страшное, сегодня это унесло уже много, много тысяч, и каждый день уносит около восьми.

Декабрьская норма хлеба 125,0 – служащие, иждивенцы, детские. 250,0 – рабочим.

1942

23/1

Протянули еще десять дней.

Существенное: Георгия, благодаря Л. А. (великое ей спасибо), устроили в стационар ответработников. Лиля свезла его на саночках. Улучшения нет. У меня

⁵ Муж Екатерины Прокофьевны Глинской Виктор Владимирович Спасский.

⁶ Прокофий Григорьевич Глинский – отец Екатерины Прокофьевны, жил в Актюбинске, работал на железной дороге.

⁷ Малыши – дочь Екатерины Глинской Оксана и дочь Елизаветы Мартыновой Елена. Оксана родилась в октябре 1940 года, Елена Мартынова старше ее на 19 дней.

Екатерина Прокофьевна Глинская.

Фото середины 1950-х гг.

был голодный понос. Поставила на ноги Л. А. Отеки с лица сошли. У Лили еще держатся. По-медицински – дистрофия II стадии.

Вчера получила январскую норму (декабрьская аннулирована) – 50 г масла, 100 г сахару, 500 г пшена – всё. На месяц. Как жили? Ходила в райсовет, к председателю Бубнову. Сказала честно – погибаю. Дал ордер на 2 кило дуранды, которую в рынке невозможно достать (кило – 300 р.) и прикрепил к столовой.

Получила оттуда 8 дурандовых лепешек. Три дня лепешки ели, а дуранду 2 кило едим и сейчас как сахар. Был суп дурандовый, не взяла, потому что надо вырезать 250 г крупы за этот суп, а за 8 лепешек вырезали 200.

Как живем? Заели вши, белье рваное и черно-серое, на ногах струпья грязи, воняет, как от козлов, от холода недержание обоих сфинктеров, mensis нет четыре месяца. Дети грязные, но пока сравнительно сыты, помогает консультация и блат. Ясно одно – мы умрем раньше детей (от голода). Нарастающая адинамия, еще присоединилось отсутствие курева. Папиросы котируются на черной бирже как хлеб. На черной бирже цены такие: хлеб – 700 р. Кило крупы – 500 р., масло 1500 р., сахара нет. Шесть поленьев дров – 250 р. К сожалеению, на черной бирже и за эти деньги я достать ничего не могу. Пачка папирос – 40 р.

Недавно по радио передавали речь Попкова⁸ – бодрил, просил потерпеть несколько дней. Терпим – цифра умерших растёт, днями достигая до 70, а в среднем 30. На свальных пунктах⁹ очереди больше, чем в магазинах.

Частые картины – женщины везут на саночках слабых мужчин. Мужчина просит помочь подняться на лестницу. Смертники.

Мужское население все поголовно имеет вид смертников, а женщины через двух. Сегодня в магазине (пошла, чтоб получить детскую норму масла 75,0 г на месяц) подали петицию в политотдел.

Реально встал вопрос о выезде из города. Стоит 4.000 в военной машине (контрабандой). Думаем ехать, пока держат ноги. Ничего не жаль, ничего не нужно – сохранить только жизни и поднять ребят. Одно утешение – нет обстрела несколько дней, хотя мы уже привыкли к вою снарядов, но приятней их не слышать, по нашей улице в каждом доме снаряд. Город явно пустеет. Народу явно поубавилось. К сожалеению, за счет смертей, потому что ехать невозможно, пикеты¹⁰.

⁸ Петр Сергеевич Попков – председатель Ленгорисполкома. В августе 1949 года являлся одним из главных фигурантов «Ленинградского дела». Был арестован и 1 октября 1950 года был приговорен к расстрелу. 30 апреля 1954 года военной коллегией Верховного Суда СССР приговор, как фальсифицированный, был отменён и П. С. Попков полностью реабилитирован (посмертно).

⁹ На «свальные пункты» жители во время блокады свозили своих умерших родственников.

¹⁰ Пикеты – кордоны, не выпускавшие жителей из Ленинграда.

Все факты. Но город жив, живет, работает, тянется, тянется с пеной смерти на губах. Если уже нет около полутора миллионов и еще столько же уйдет в мир теней – стоила ли игра свеч?

25/1

Вчера прибавили хлеб, по 50,0. Норма: рабочий 400,0, служащий 300,0, иждивенцы, дети 250,0, было бы достаточно, если бы выдали все, что положено по карточкам, но дают так мало, что эта прибавка идентична уколу камфоры умирающему человеку, оттяжка смерти, но не выздоровление. Угрюмо встретили эту прибавку – смертельно мало. Хлеб – древесина.

Стоят такие морозы, что страшно ехать с ребятами в холодной грузовой машине. Если здесь 40 градусов и ниже, то в поле на ветру все 50 и 60 будет. Не доедем, замерзнем по пути. Кровь не греет, в комнате в валенках замерзают ноги, а что будет в пути?

Кончается всё. Нет дров, осталось на 3–4 дня. На Чайковской все разворовали, что будем делать? Рядом горит дом, вечером пойду воровать дрова. Между прочим, горит дом, его никто не тушит, пожарники, человек десять, стоят и смотрят, как зрители, – нет воды.

Люди стоят, таскают свое барахлишко на улицу, на снег. Жуткое дело.

28/1

Три дня сидим без хлеба. Занимаем очередь в 3 часа утра и до 9 часов стоим на морозе. Хлеба нет. Говорят, будут давать муку в половинном размере. Испекли лепешки по две штуки – муки больше нет. Кружится голова от голода. Слабость. У Лили – второй день t 38,1, 38,4. Всё пришло к концу.

Света нет, дров нет, хлеба нет, воды нет, соли нет. По-видимому, и жизнь приходит к концу. Наша квартира – все смертники – все отечные-опухшие. Вчера умер ребенок у соседки.

Три дня радио абсолютно молчит, сегодня что-то забормотало разухабистое и сконфуженно умолкло. Не уместны в нашем городе смертников веселые песни. Все эти дни идет усиленный обстрел города.

Вчера в подворотне кто-то подобрал труп мужчины. Управдом заметил, что какой-то гражданин шарит у него в карманах, ну повел разговоры о стыде и совести. Я колола дрова, услышала крик в подворотне. Вижу – лежит труп, а рядом стоит завтрашний труп и заплетающимся языком отвергает обвинение управдома. Живой мертвец, вид культурный, в пенсне, культурная речь – конечно, он шарил в карманах и, конечно, искал только хлебную карточку. Завтра он будет тоже трупом, и его также подбросят в подворотню – хоронить некому.

Между прочим, соседний дом, конечно, сгорел весь (четырёхэтажный), и ночью загорелся рядом с ним стоящий в другую сторону от нас (ветер был от нас), никто не тушит, может этак и весь квартал выгореть.

2/II

Протянули еще несколько дней. Получили долги частью мукой, частью хлебом. Тянем. В кооперативе подбросили сахар, конфеты. Пили чай с сахаром, подкрашиваем порошком для ликерных настоек – красота!

Получили новые продкарточки – норма прежняя, говорят, что полностью ее отоварят. Говорят... много говорят, а пока что на улицах трупов не убавляется, а наоборот.

Участковый милиционер назначает час приема в жакте и в очереди регистрируют всех покойников на дому, гуртом. Много пожаров по городу, говорят, поджигают. Горят большие красавцы-дома. Лилия ушла в больницу за получением детской карточки... Вымучивание людей – выдавать хлебные карточки 1-го числа, детские – 2-го. Как будто кто-то специально делает лишние затруднения и волнения, а главное, голодовку, потому что люди за 31/I съели еще 29 и 30, значит, 31/I – голодные, 1/II – голодные.

Говорят, что по Ленинграду проведено колоссальное вредительство по хозяйству и по снабжению. Факт, что Москва думает, что Ленинград уже выправляется, а по существу уже смертники – женщины.

3/II

Лилия пришла поздно – еле дошла, завтра наша единственная поддержка Л. А. кладет ее в стационар, где находится и Георгий.

Если бы не было Л. А., все мы бы давно подошли с голоду, как крысы. Она нас выцарапывает за счет собственной крови из когтей смерти. Нас и детей. Об этом я не писала и больше не буду писать. Это надо чувствовать и запомнить на всю жизнь, так как жизнью мы обязаны ей.

Умирает сосед. Ребенок не похоронен до сих пор. Сосед – молодой хороший парень – рабочий № завода. Голод. Вчера бродил, сегодня умирает. Квартира смертников. Город – смерти. Обреченный город. Всю ночь гремела артиллерийская канонада. От нас и к нам.

4/II

Снесли соседа в ванную комнату и положили рядом с трупиком ребенка. Теперь в каждой квартире морг. Не хоронят потому, что трудно похоронить так, как хочешь, а главное, утаивают смерть, потому что живые пользуются карточкой мертвеца.

Мать не хоронит ребенка, жена – мужа, в том и другом случае нужна хлебная карточка. В первом случае это 250,0 г хлеба, во втором 400,0 г. Жизнь.

Проводила Лилию в стационар. Она совсем ослабла. Леночка¹¹ голодает, потому что бабушка съедает ее хлебную норму. Приму меры. Лилию «съели» Георгий

¹¹ Леночка – дочь Елизаветы Яковлевны Мартыновой (Лили).

и бабушка. Лиля ушла с тяжелым сердцем. Не хочет она, глупая, понять, что такая изоляция ей нужна, иначе бабушка «съест» ее всю. Я же вижу, что Лиля свою смертельную дозу отдает бабушке, а сама слабеет.

Когда же будет лучше?!

Неужели выйдет по украинской пословице: «Пока солнце взайдэ, роса очи выест». Легко умирают от голода. Идет, идет, упадет – и готов.

В квартире остался один старик и мальчик (мужское население), остальные – женщины и дети. Кто на очереди?

Тяжелы пищевые сны. Каждую ночь снятся разные яства. Полиурия. Тяжелеет голова, веки тяжелые, словно свинец, делаешь усилие, чтоб их поднять. По утрам качает из стороны в сторону, днем разойдешься. Руки и ноги – скелет, мышцы все съедены. Несу ведро воды – одышка. Живу только надеждой сама не знаю на что.

Ясно для меня, что из Ленинграда надо бежать без оглядки. Дети скелеты – без воздуха, без соответствующей еды, что их ожидает? Начнется весна, по улицам и дворам потечет кал. Вода загрязнена. Жди кишечных заболеваний, а то и холеры. Сыпняк, голод, бомбежка, пожары, артобстрел. Когда-то это были абстрактные понятия, теперь это – суровая жизнь.

11/II

Прибавили хлеб. N – 500,0 рабочим, 400,0 служащим, иждивенцам и детям – 300,0 г.

12/II

Объявили о выдаче круп на февраль – рабочие 500 г, служащие 375, детям 300, иждивенцы 250,0. Умерла бабушка у соседки – третий покойник. Снесли в «домашний морг» в ванную.

Сегодня ходила за посылкой от Виктора на Большую Охту. Еле пришла обратно. Тяжело!

Радость получения посылки стирается общей слабостью, руки опухли, но 16 километров прошла за 5 часов, значит, не все еще потеряно!

16/II

Раньше я могла не спать буквально в течение месяца, забываясь только на несколько минут в сутки – были крепче нервы, сердце теперь только тупо будет ныть до тошноты, и я буду в лучшем случае сидеть на кровати и курить до головокружения, а ребенок безмятежно спать, выдавится тяжелая слеза материнской муки и беспомощности. Сколько могут протянуть нервные пучки сердца эту нагрузку? Недолго. Засыплет убежище – откапывать некому, пожары не тушат. Мимо трупов равнодушно проходят, кто будет откапывать. Мужчин не осталось, а остальные – «дохлые».

Сыпняк.

Лист оторвала девочка, которая интересуется всем, что делает мама.

18/II

Ужасно болит голова по утрам. Видимо, отравление парами бензина и вонью от параша. За 70 рублей за литр из-под полы продают какую-то чертову смесь скипидара-бензо-коро-зараза. Лампа все время вспыхивает и ужасно воняет.

Говорят, что с 20/II будет двухнедельный карантин города из-за сыпняка. Из-за отсутствия воды, дров, света все так зашвырели, что даже у маленькой в голове есть вши.

Придумала оригинальный рецепт мытья посуды: ложка воды – несколько кусочков бумаги – бумага смачивается в воде и этим вытирается тарелка, после чего насухо грязной тряпкой – получается чисто. Думаю запатентовать... Комедия. Сейчас напекли восемь лепешек из кофейной гущи – немного муки – прямо пирожное!

Пишу эти строки, а Шура¹², вооружившись ножом, удачно занимается охотой в моей голове.

Сегодня из стационара приходят домой Георгий и Лиля. Георгий пролежал месяц, Лилия – две недели. Пока спасены от голодной смерти. Что и как дальше – в руках Аллаха.

Вокруг Ленинграда идут вот уже несколько дней упорные бои. День и ночь гудит артиллерийская канонада, отсюда и сюда летят снаряды. Скорей, скорей прорвать блокаду, дать жизнь замученному городу. Смертность не уменьшается.

Продолжается паническое бегство – эвакуация из города. Уезжают много, но врачам горздравотдел сказал «нет». Вводят обязательную регистрацию врачей не работающих. Видимо, их мало, а работа впереди большая.

Если срочно не будут организованы дезпункты и бани, Ленинград вымрет от сыпняка. Ласточка есть – Усачева баня начала работать, очереди колоссальные.

Надо немедленно снять замки с общественных уборных. «Уборная закрыта до конца ВТ¹³». Такая надпись на уборной около горздравотдела, а вообще, если ты идешь куда-либо надолго, запасись мочеприемником и калоприемником. Уборных нет.

Я контрабандой пользуюсь прачечной, когда хожу в консультацию. Увидят, так врачу шею накомылят!..

Просила купить какао килограмм за 1000 рублей и масло 1 кило за тысячу. Деньги выручила, продав муку 1 кило за 300 р.

Купили две коробки спичек за 35 рублей и две церковные свечи за 30 рублей. Вечером Л. А. с Шурой пришли взвинченные: их задержал постовой

¹² Шура – медсестра.

¹³ ВТ здесь и далее – «воздушная тревога».

милиционер – показались подозрительными, что-то женщины прут в противогазах, которые, кстати сказать, давно предназначены ленинградцам для носки всего чего угодно, только не противогазов.

Так вот Л. А. и Шура объяснили, что прут пропитание из столовой и из яслей для себя и для детей. С сомнением отпустил. Вообще, ретивые мильтоны кинулись обыскивать граждан с пакетами в поисках спекулянтов, в силу чего я принуждена была вести посылку от Виктора прямо через лед Невы, а не идти через мост, где задерживает постовой. Посылку отбирают тоже.

Погода стоит потрясающе морозная, ясная, чувствуется приближение весны. Жить-то как хочется.

25/II

За эти дни существенное – артобстрел каждый день. Смертность по «белорыбице»¹⁴ прежняя. Лиля отекла. Я занимаюсь частной практикой. Делаю визиты пищевикам за плату натурой – коробка килек, 150,0 грамм масла, крупка и пр., пачка папирос. Кстати, она стоит на рынке 125 рублей.

Вечер. 10 ч. 15 мин. Тишина. Все спят. Передают хороший концерт. Теперь понятно, почему бойцы на фронте тоскуют о музыке. Прошел еще один трудный день. Сводку об окружении 16-й армии под Старой Руссой услышала в Райздравотделе, куда забрела в поисках пропитания.

Запомнилось – в поликлинике, куда тоже захожу за пропитанием, ко мне обратился человек и робким голосом отрекомендовался: профессор консерватории, сталинский лауреат, композитор Канторович. Сказал просто: умираю с голода – беспомощен, можете чем-нибудь помочь? Направила его в комиссию Райсовета, может быть, дадут путевку в стационар для дистрофиков (не приняли четыре раза из-за вшивости).

Сейчас долго думала, что кушать завтра. Решила вскрыть банку мясных консервов (вторую) из присланных Виктором. Осталась одна.

Надо кушать.

Город явно подчищается, люди шебуршатся на улицах, чистят от снега трамвайные пути – проверяют люки. На кухне у нас обваливаются потолки, потому что на третьем этаже все нечистоты сливают в раковины уборной – просочились во второй этаж, со второго к нам, а управхоз не интересуется.

Лилин институт эвакуируется – что делать. У Л. А. несколько дней было плохо с сердцем – я просто упала духом. Скорей бы кончилась эта смертная блокада.

23/III

Не писала давно. Было некогда. Потом как-то не тянуло к перу. За это время было много тяжелого. Самым больным был вопрос отъезда. Слухи и настроения

¹⁴ Одна из стадий дистрофии.

колебались, как море. Приходили, говорили: «Немедленно убегайте из этого обреченного города. Не останется здесь камня на камне». Следом другие говорили: «Врут, подлецы, самое страшное позади. Ехать не надо. Везде голод, нигде не ждут с жареными пирогами, дорога из Ленинграда усеяна трупами». Эти противоречия буквально раздирали сердце на части.

Существенное за это время. Ушла с работы с 5/III. Помогаю Л. А. развешивать инфекционную больницу. Лилин институт остался в Ленинграде. Она уходит из института и переходит к нам в больницу. Ходить на Петроградскую голодной – тяжело. Георгий две недели проработал на хлебозаводе – уволили. Ходит дистрофиком. Сегодня по рекомендации Л. А. пошел наниматься на другой хлебозавод.

Город тонет в грязной воде. Но трамвайные пути по главным магистралям очищены и иногда по ним проходят грузотрамваи со снегом.

Каждый день интенсивнейшие обстрелы. Сегодня был обстрел шрапнельными снарядами. Хожу по частным визитам и с протянутой рукой по всем питательным учреждениям. Тянемся. Вчера у Л. А. было, по-видимому, цинготное кровоизлияние в коленный сустав.

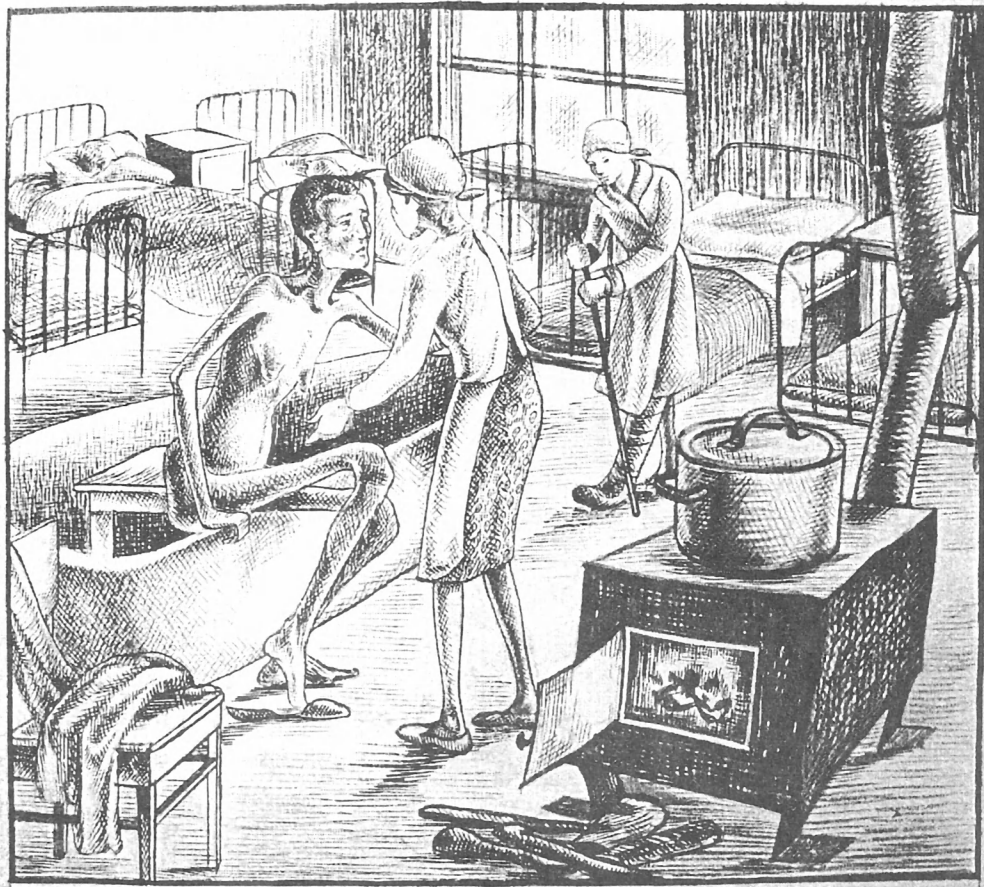
Хорошая дружная весна – тепло – жить бы только. По радио чудесная музыка – Шопен, сейчас виолончель уносит мысли в другой мир, далекий от суровой и страшной реальности.

10/IV

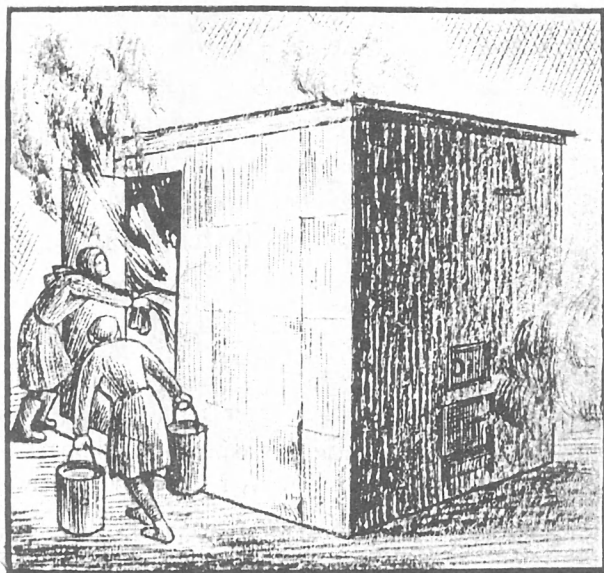
Несколько строк. Работаю с полной нагрузкой. 2/IV открыли больницу (2 отделения), к 15-му должны открыть еще одно отделение на 90 коек и к 1/V еще одно на 90 коек. К этому же времени оборудовать лабораторию и Rentgen-кабинет. Работа захватила на много %. Тревожит по-прежнему фронтовая жизнь. Сейчас я не голодаю. Вечером 4/IV и в ночь на 5/IV (пасхальная ночь) был такой налет, такой артобстрел и так гремели зенитки, что ленинградскому привычному человеку стало невыразимо тоскливо и страшно по-человечески. Ракетами было освещено как днем, и сброшено большое количество фугасок на город. Неофициально говорят, что в налете участвовало около 300 самолетов. Я лично сосчитала одиннадцать пикирующих над городом.

Маленькая деталь. Только что я с Лилей отошла от одного здания и успела вбежать в больницу, как в это здание было всажено две фугаски. В больнице немного посыпались стекла. Ночью в тоске промучилась с Л. А. у детской кровати, где безмятежно спала наша обезьянка. Куда идти? Куда бежать от жуткого свиста и разрывов фугасок? В убежище? То есть в подвал, а там вода, холод и темно. Засыплет, и раскапывать никто не будет. Некому. Вот так ночь и протомились одетые у детской кровати.

Этой пасхальной ночи не забыть.

Мытье больной в палате. Рисунок неизвестной художницы, начало весны 1942 г.

*Медсестры пытаются
потушить пожар в сушилке
для белья. Рисунок
неизвестной художницы,
начало весны 1942 г.*

Бывало и такое... Рисунок неизвестной художницы, начало весны 1942 г.

Город лихорадочно чистится от заразы и уличного кала. Сегодня был первый дождь. Грязи и воды еще очень много, и нужно еще очень много, чтоб его почистить, тем более что канализация не работает. Счастье, что в городе много мест, куда можно сваливать нечистоты (Фонтанка, Мойка и прочие реки).

От Виктора получила вторую посылку. Хороший он парень. Непонятно молчание Анатолия¹⁵. Приехать, натрепаться, видеть, в каком состоянии остается семья, его ребенок, уехать и ни копы, ни прислать денег, я уж не говорю о посылке, что это – величайшая подлость? Бездушные, или он умер.

Средины нет. Всякий порядочный человек, отец, если он жив, помнит о дочери и должен помогать по мере сил. Лиля не может

купить ребенку даже хлеба, потому что хлеб сейчас стоит кило 500 рублей, денег у нее, конечно, нет, а отец... или Анатолий сволочь и подлец, или он мертв. Средины нет. Таково решение – приговор погибающей от голода семьи. Будем живы – дочь этого не забудет никогда.

Пора спать. Семья вся спит. Был трудный рабочий день.

P.S. Умер сосед. Смертность по городу по-прежнему большая. Эвакуация по-прежнему широкой волной. Сегодня достали обезьянам клюкву за вливание аскорбиновой кислоты.

Цинга.

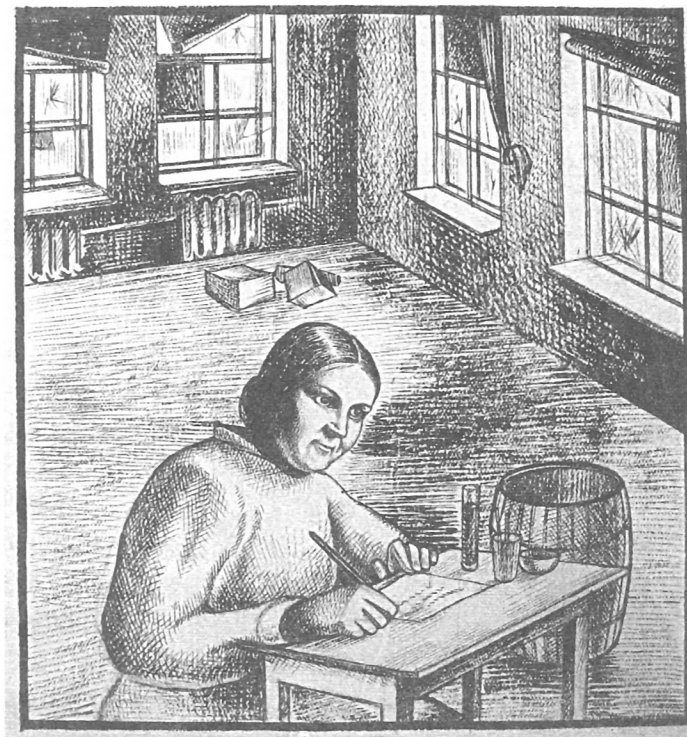
19/IV

Живы. С 15/IV пошли трамваи с пассажирами. Люди, садясь в трамвай, плакали от радости, готовые целовать кондуктора, давали не 15 коп., а как в церкви, кто сколько может.

Работаем и напряженно прислушиваемся к фронту. Что-то готовится.

¹⁵ Анатолий Евсеевич Крисс – муж Елизаветы Яковлевны Мартыновой.

*В лаборатории. Рисунок
неизвестной художницы,
начало весны 1942 г.*

*Хлам в бомбоубежище. Рисунок
неизвестной художницы,
начало весны 1942 г.*

*У постели больного. Рисунок
неизвестной художницы,
начало весны 1942 г.*

Наем обслуживающего персонала в больницу. В центре у стола – Екатерина Глинская. Рисунок неизвестной художницы, начало весны 1942 г.

Город расчистился, главные улицы чистые, сухие. Вчера вечером под окном залаяла какая-то маленькая собачонка. Было так странно. Ни собак, ни кошек мы не видели несколько месяцев. Поедены. Обезьянка моя важно разгуливает в галошах по лужам.

27/IV

Выступала на суде в качестве свидетеля по обвинению НП. За грязь, отсутствие вентиляции уборных, мочу в плевательницах и т. п. по старой работе. Судья – молодая девушка строгого вида, нарзаседатели – дистрофики, защитник – дистрофик, подсудимый – доктор-дистрофик. В перерыв защитник подходит и говорит: «Есть хочется, обещали принести и не несут». Секретарша суда, девушка в зеленом берете, косматая с цыганскими серьгами и носом картошкой, ушла куда-то, по-видимому, в столовку, и все ее ждали около часа. Была «ВТ».

За последние дни устала от каждодневного жестокого обстрела и каждодневной тревоги «ВТ». Очень шумная, с грохотом зениток и свистом фугасок. Как правило, начинает с обстрела и одновременно – налет. Опять тоска о судьбе маленькой кнопки. Устала очень, так устала, что начинаю падать духом. Идут упорные слухи о наших победах и о скорых изменениях в международном масштабе. Скорей бы конец этой бойне!

Цены – хлеб 500 р., папиросы 6 руб. 1 штука. По-прежнему хлеб – золотая валюта.

10/VI

Давно не писала (с 27/IV).

Закрученные, занятые дни.

Существенное за это время: все живы, относительно здоровы. Лиля перенесла ангину, потом что-то септическое, сейчас болят все суставы, ходит с трудом. Лидия А-вна вымоталась настолько, что слегла с болями в сердце. Приглашала Тушинского (старик седой), диагноз: полное переистощение нервной системы. Бабушка еле бродит – цинга, опухла одна нога. Я держусь, только стала невропатом. Дети здоровы. Георгий взят в армию. Это существенное личное.

Служебные: больница на хорошем счету. За это время открыли еще одну больницу в том месте, с которым связано много тяжелых воспоминаний, дней голода (столовая). Больница обещает быть хорошей. Сейчас помещена туда детвора с 10-12 лет – дистрофики.

Настроение тяжелое. Обстрел почти каждый день, редкие дни без обстрела. Ночи напролет обстрел, гремят оружейные залпы, тревога. Днем мотаешься в работе, ночь не спишь. Выматывается нервная система до предела. Чувствую, что дошла до точки от бесконечного напряжения, тревоги за судьбу малышей. Тяжелое и никогда не испытанное чувство. Тошнота и сомнамбулизм временами находит и, кажется, сейчас разорвет сердце.

Город такой чистый, воздух такой свежий, как в деревне, зелень, детей очень много, а вообще город пустой. Новой дистрофии нет, старой много. Сеть оздоровительных столовок очень помогла, широкая сеть больниц, рационы, усиленный паек, все это, безусловно, отразилось на внешнем и внутреннем облике ленинградцев. Люди чистые, опрятно одеты, но у всех одна мысль – зимовать с войной в Ленинграде не будем.

Девочку укладывают спать, а она кричит: пасему мама, пай мама? Пойду к ней.

21/VI

Живы. Каждый день обстрел, вчера откололо угол дома в нашем дворе. Дорога, ведущая в больницу, усыпана воронками. Настроение напряженное, ожидаются решительные дни.

Дни дождливые. Сейчас слышен гул самолета, по-видимому, английской конструкции. По радио передают о героической работе ленинградских медработников.

Завтра годовщина войны. На днях была на Невском и обнаружила, что кладовские кони с Аничкова моста сняты. По-видимому, спрятаны, так как за последнее время Невскому крепко достается от обстрела, но впечатление такое, что кони ушли на фронт защищать Ленинград.

Сон. Рисунок неизвестной художницы, начало весны 1942 г.

Масса разноречивых разговоров о конце войны и втором фронте. Упорно говорят, что война кончится в августе – сентябре. Но при нас или после нас, как говорят ленинградцы, неизвестно. Хотелось бы, чтоб война кончилась при нас. Город приобретает весьма культурный вид. На углах милиция, которой не было зимой, учреждения белятся, красятся, такое впечатление, что мы живем в тылу, и город явно подтягивается, дисциплина и пр. Снаряды просвистят, на улице битые стекла, штукатурка – дворники подметают, и все пришло в норму, только прибавились новые раны в домах, в мостах и по асфальту, а дети бегают около этих воронок и ковыряют песок до нового свиста снарядов – как мышенята прячутся в норки – и снова вылезают.

На улице у люков стирают белье, у магазинов (хлебных) маленькие рынки, несмотря на специальные постановления, преследующие мародеров и спекуляцию. Торг – мен идет широко. Как говорят ленинградцы, рынки «разукрупнились». У каждой булочной толкучка. Сейчас много едят зелени, рвут в скверах, на кладбищах и т. п., были случаи отравления. Охотно едят шавель, крапиву, подорожник и пр. Ленинград перешел на подножный корм.

Удивительные люди эти ленинградцы. Многие имеют возможность уехать – так не хотят, плохо живут, голодают, а не хотят бросать город. Вот и у меня такое же чувство, боюсь за малышей. Фронт есть фронт, а ехать не могу – не оторваться от такого замученного и такого любимого города, кажется, готова работать еще больше, еще лучше, чтоб Ленинград вышел из полосы страданий, чтоб дети ленинградские, кстати их еще очень много, тысяч 150, бегали, не боясь снарядов. Такое чувство не только у меня, абсолютно у всех ленинградцев. Не жаль ничего и здоровья также за счастье нашего города и наших детей.

22/VI

Была ВТ. Годовщина войны, вылетели наши истребители, немцы в город не провались.

23/VI

К обстрелу город привык. Но каждый обстрел, то есть каждый день эти картины, полные драматизма, героизма, храбрости и спокойствия людей, сурового и величавого.

Дописываю 3/VIII. Картина была такая. Обстрел потрясал дома, сыпались стекла, штукатурка. Люди попрятались. Я проходила мимо одного угла – до обстрела стояла продавщица фруктовой воды. Толпа – дети. Обстрел куда-то их всех сдул. Еще не было отбоя обстрела, а только притихло, и на битом стекле опять выросли словно из-под земли продавщица и толпа, как будто ничего не было. От этого угла снаряды падали на расстоянии 10–15 метров.

Не писала давно. Не пишется, слишком много разноречивых переживаний. Основное – неясность перспективы. За последние дни волна эвакуации

несколько стихла. Началось наступление, день и ночь гремят залпы. Вчера целый день ВТ.

Скажи мне, кудесник, любимец богов,

Что сбудется в жизни со мною?

И скоро ль на радость соседей-врагов

Могильной засыплюсь землею?

Дети здоровы. Лиля больна, ангина. Гремит и гремит канонада, дрожат стены больницы, дребезжат стекла. Девочка¹⁶ заявляет: «Наши стреляют» и «Не пойду гулять, тревога». Ленинградский ребенок!

Две недели живу при больнице. Старый дом засыпан снарядами.

Глубокая вера, кровь, пролитая за родину, никогда не были бесплодны.

14/IX

Одиннадцатый день больна девочка, подозревают брюшник. Лежит в кровати, как восковая фигурка.

18/IX

Реакция резко положительная. Брюшник. Первая болезнь. Недетская болезнь. Ленинградский ребенок – заразилась, конечно, в скверике, в песочке, изгаженном, как все ленинградские скверики.

24/IX

Девочка поправляется. Начинает кушать. Вчера заявляет: «Зенитки стреляют». День и ночь гремят орудийные залпы. Что нас ожидает?

1/X

Работали, как тигры. Закончили переоборудование приемного покоя, лаборатории.

Кончился месячник заготовки дров. Нам нужно еще 500 кубов ломать.

Стоят чудесные солнечные теплые дни. Такие не фронтовые, что даже странно слышать звук сирены ВТ и непрерывный орудийный гул.

Были концерты в больнице. Первый концерт, больные плакали, от звука человеческой песни отвыкли. На второй концерт приходили спокойней.

Не понимаю, что это – старость или усталость, но так хочется конца войны, чтоб работать. Столько надо восстанавливать. Жизнь такая интересная, оказывается, штука. Только теперь начинаешь понимать, что смысл жизни в творческом труде, а не в тунеядстве.

16/X

Пишу в темноте. Болит сердце. Чувствую себя очень плохо. Масса неприятностей на работе. На кухне девочка с няней твердит: «Ах, какой рассеянный»

¹⁶ Имеется в виду дочь Оксана.

и пр. За окном гудит канонада. Опять тревожные слухи. Ожидаются в течение ближайших дней грозные события.

28/X

Бешеные, замороженные дни, подвозка дров из Лесного, погрузка, подвозка, выгрузка и опять погрузка. Нет людей, нет горючего, приходится изворачиваться. Везде прорывы, всюду нехватка.

Фон. Частые зенитные разрывы и день и ночь. Несмолкаемая артканонада. Говорят, начался обстрел вновь города. За этими замороженными днями нет времени подумать о перспективах личных и города.

29/X

Минутка перерыва. Два годика девочке. Такая шалунья, что просто беда. Все говорит, и довольно чисто. Сейчас занимается на кухне со своими игрушками.

Л. А. в райсовете на совещании по поводу дров и будет просить в миллионный раз электроэнергию и бензин.

Исчезает табак. Перспектива без курева.

31/X

Вчера у нас угнали газогенераторную машину. Сегодня приходил Горпож – плохие печи. Завтра нечем подвозить дрова.

Безумно тяжело работать.

7/XI

Встретили праздник. Участились воздушные налеты со сбрасыванием бомб на жилые дома.

8/XI

Ночь в тревоге, день – тревога. Болит сердце.

21/XII

Чудо-чудеса! Дали свет больнице. Красота, кто понимает!

Фея сидит у меня на коленях и спрашивает меня: «Мама, что пишешь? Что макаешь?».

26/XII

Кончается тяжелейший 42-й год. Любопытно оглянуться назад и мысленно пробежать основное, чем он был заполнен.

Январь – холод ледникового периода. Голод волчий, целый день в поисках пропитания, как волк. Получался заколдованный круг: чтоб ходить, надо было есть, а есть надо было для того, чтоб ходить и добывать еду. Есть было нечего – ноги не ходили. Порочный круг.

Февраль – то же.

Март – подъем, потому что надо было организовывать больницу. Больница – это жизнь. Стало тепло.

Апрель – Больница открыта. Хлопотно.

Май – доразвертывание.

Июнь – организация второй больницы.

Июль – доразвертывание.

Август – подготовка к зиме.

Сентябрь – болезнь девочки, подготовка к зиме.

Октябрь – трудная хозяйственная работа.

Ноябрь – освободились от другой больницы.

Декабрь – зимние доделки.

К 1/І 43 года приходим

с центральным отоплением,

с электрическим освещением,

с налаженным водопроводом и канализацией.

Красота.

Стоит это все седой головы и вытрепанной нервной системы.

Личное: личного ничего нет.

Да! Есть. Готовим елку обезьянке, деда мороза реставрировали, игрушек накупили, елку достаем. Сейчас приползла ко мне, уселась на колени и говорит: «Пиши, мама! На горшок не хочу. Мама пишет тете письмо. Паинька мама» и пр. дребедень.

27/ХІІ. Вторая зима в Ленинграде, в блокаде. Прошлую зиму не думала, что и вторую зиму буду жить здесь. Живу. Как не похожа эта зима на прошлую. Основная разница – в прошлую зиму каждый день нес уныние, тоску смерти, смерть. Город разрушался, научная жизнь не существовала, мертвецы бродили по улицам среди пожара и пепелища. Эта зима – каждый день несет радостные вести с фронта. Есть свет, есть тепло, есть прожиточный минимум. Заработали научные общества и общественные организации, хотя больных много еще. Дистрофия в городе не исчезла и смертность пока велика, но дует другой ветер, ветер бодрости, и это – много.

На улице сейчас дождь. Беспокоит одна мысль: если Ладога не встанет долго, то возникнут перебои с питанием. Но это только два месяца – январь, февраль, март уже будет теплый. Черт побери, хочется жить! Разговоры – Сталин сказал, что вам понравилось быть героями, сколько можно ходить в героях – пора прорвать блокаду.

31/ХІІ. 9 ч. вечера. Наступает 1943 г. Миллионы людей ждут от него исполнения заветного желания конца войны. Что на самом деле он принесет? Детям устроили настоящую елку с электрическими лампочками и проч. Настроение так себе.

7/1. Прошла встреча Нового года с пивом и спиртом. Для больных – елка. Наступает суровый трудный год. Прошедшая ночь без сна. Всю ночь напролет ВТ со всем симфоническим оркестром.

Ясные дни, ясные ночи – налеты. У Елизаветы¹⁷ пеллагра, делаю ей внутривенную никотиновую кислоту. Устала.

12 час. 25 мин. ночи. ВТ. Началась в 8 ч. вечера, до сих пор отбоя нет. Больные измученные в убежище бояться сидеть, не захотели, ушли. Сейчас раздался сигнал отбоя (лучшая симфония войны).

Ответ пятилетнего ребенка на вопрос, какую больше всего любишь музыку – отбой воздушной тревоги.

Ночь морозная, звездная. Была в кочегарке. Дежурный ушел куда-то с вахты, температура спущена на 50 градусов. Завтра сниму с работы.

9/1

Курю «Лесную быль».

12/1

День 40-летия Л. А. Преподнесли ей корзину искусственных цветов. Живых нет нигде.

17/1

Начиная с 4/1 каждый день по ночам продолжительная ВТ: началось наше наступление.

18/1

Разговоры о хороших успехах на нашем фронте (ленинградском). Вчера по радио сообщили о взятии Шлиссельбурга. Ситуация радует.

Неделю у нас живет кошка. Мышей уже не видно, а то невозможно: прижались, садишься кушать, так мыши в тарелку залезть готовы.

26/1

Совершился. Наконец долгожданный прорыв блокады. В городе была радость и слезы радости. Казалось, что с прорывом блокады мгновенно кончатся наши муки. Но суровая действительность напомнила очень жестоко о себе. Начиная с 20/1 жуткие ночные тревоги напролет всю ночь. Сбрасывают бомбы большой разрушительной силы, бросают по всему городу. Недавно всадили три бомбы в Фонтанку близ Чернышева моста. На всей Фонтанке нет ни одного стекла.

Последние ночи особенно тревожно. Вновь, как прежде, с чувством тоски склоняешься над детской кроваткой. Вновь, как прошлую зиму, выхожу на улицу

¹⁷ Елизавета Яковлевна Мартынова.

и смотрю на небо, где рвутся зенитки, снаряды, осколки так жужжат, как цикады в далеком Крыму в счастливое время. Сыплются с жужжанием и шелестом, как дождь, барабана по крышам.

Небо ясное, звездное, Луна, так светло, как днем, и вплетаются в звезды вспышки разрывов и в тихую ночь симфония канонады – свист фугасок, смерть!

Вновь, как и прошлой зимой, бессонные ночи с максимальным напряжением нервной системы, день напряженной работы.

Сейчас опять ВТ, вторая за вечер. Несколько минут назад гремели зенитки, сейчас слышен их отдаленный гром. Небо мутное, поземка, тусклые звезды. Вчера ВТ кончилась в 6 час. утра. Началась в 9 час. 20 мин. вечера.

Тикает, тикает радио. Девочка спит. Л. А. в пальто сидит на диване. Я тоже одета. Пишу, прислушиваясь к нарастающему гулу зениток. Днем был очень сильный обстрел шрапнелью, много жертв.

Сигнал отбоя! Лучшая музыка в мире! Как-то ночью, когда завывала сирена ВТ, девочка проснулась и говорит: «Тетя Лида, это музыка или нет?».

Малютке сегодня 2 года 3 месяца. Забавно говорит стихи, и растет это зернышко само не знает, на какой жуткой почве, политой кровью страданий.

2/II

Несколько дней тихо.

На улице дождь 0 градусов. Мотаемся в поисках угля. Иду в театр смотреть «Нашествие». Меня тоже мотают с переводом на другую работу. Шантрапа зовет меня «мамочка-деточка».

3/II

С утра была в 230 у Шнирмана. Выясняла, почему нам дали только на 3.000, в то время когда мы уплатили 36.000. Позже зашла к Муници. Выясняла одно направление из месткома Архитектурно-планировочного управления больной с диагнозом дистрофия III степени, каковой не было. Оказывается, местком под сурдинку протаскивает своих сотрудников недели на 2-3 в больницу – как в санаторий.

После зашла в райздравотдел. По пути у Александринки увидела уголь, аж сердце заболело. Потому, что вчера я искала его в подвалах Апраксина двора. Подвалы залиты водой – она замерзла, не уколупнуть.

В райздравотделе получила дополнительную карточку на Л. А. и два стахановских талона¹⁸.

7/II

Пришел первый поезд с Большой земли с продуктами. Торжественно перерезали красную ленту на Финляндском вокзале.

¹⁸ Талоны на повышенное питание.

11/II

Беру уроки английского языка. Сегодня урок музыки. Девочка поправляется от гриппа.

Был торжественный пуск R-кабинета. Организовали новый кабинет главврача.

24/III

Последние три дня ожесточенный обстрел района днем (сегодня целый день), а ночь напролет ВТ с воздушными подарками и сильнейшим заградительным огнем. По сводкам Ленинградского фронта, сбивают больше 20 самолетов на подступах к Ленинграду. Оживление. Ночи очень тревожные. Усталость.

4/IV

На исполкоме стоял вопрос о годовщине нашей больницы.

Очень тепло.

Вечером праздновали именины Л. А. Было весело. Из подарков надо отметить чашечку, полную гороха. Погода пасмурная. Тревог не было.

5/IV

Л. А. продолжает вчерашний праздник. Смотрит в кино «Руслан и Людмилу» и «Большой вальс».

19/IV

В субботу, то есть 17/IV был большой обстрел нашего района. Вообще за последнюю неделю целый день интенсивные обстрелы районов, ночью напролет ВТ. Скажем прямо, довольно утомительная штука. Никогда так ленинградцы не желали плохой пасмурной дождливой погоды, как сейчас. Хотя ночью отдохнуть. Так вот 17/IV часа в 2–3 я зашла посмотреть, как спит малышка, и только наклонилась к ней, как полетели с грохотом стекла во всей квартире. Схватив ее в одеяло, спустила вниз, где няня стала одевать ее, а я побежала наверх – узнать, в чем дело.

Оказывается, снаряд попал в противоположную стену от больницы метрах в десяти. Поэтому повывлетали стекла близлежащего отсека по всем этажам. У нас была сорвана наружная дверь. Холод, ветер баллов на 8. Больных спустили вниз и зафанерили все дефекты.

Этот обстрел нашего района по количеству жертв первый за время войны. Днем бойцы МПВО замыли кровь на тротуарах, дворники убрали щебень и стекло. Ночью дождем смыло остатки крови на мостовых, и жизнь идет дальше. Л. А. в это время была на Петроградской стороне с обследованием больниц от обл-исполкома.

Настроение тревожное. Правда, на многое реагируешь меньше, чем раньше, но ожидание тяжелых испытаний преследует. Обстрелы, налеты (каждый день).

Устройство настоящих дзотов в домах – все это говорит за то, что война каждую минуту может войти в город.

В городе увеличивается количество психозов депрессивного типа.

Частично, конечно, можно объяснить пеллагрой, но и, безусловно, тем, что два годы ленинградец живет под гнетом смерти каждую минуту. Да и голодно в иждивенческих группах.

Нервная система перенапряжена до отказа. Не отдыхает ни минуту и, безусловно, сдает.

Да, забыла! Вечером 17/IV услышала какой-то странный, давно забытый звук в небе, который вплетался в отдаленный грохот зениток – оказывается, летели лебеди! Стайка около пятидесяти штук с гоготом проследовала куда-то на юг. Далекие милые картины. Вернется ли когда-нибудь это вновь? Так хочется в лес с ружьями за плечами.

Сегодня идет дождь, и так это радует, что, может быть, не будет ВТ.

Часто думаю про Ольгу Григорьевну¹⁹. Очень хочу с ней поговорить. Где она? Днем были дожди, ночью погода светлая и все ночи ВТ.

29/IV

Вот с неделю, как стоит пасмурная дождливая погода. Нет ВТ. Ночи спокойные. Вчера был сильный обстрел Невского и Дзержинского района. Я была в Я смотрела «Леди Гамильтон». Нам скромный ужин прервал снаряд, влетевший в буфетную. Нашли, посмотрели на него, на дырку в потолке и продолжали дальше пить пиво. Это Ленинград, это ленинградские бытовые картинки. Единственно было неприятно, что надышались пороховым дымом. Ночь прошла спокойно.

Сейчас смотрю на небо в тревоге, ясное оно очень, кучные белые облака проплывают. Не любим мы ясные небеса, тревожные они очень. Две вещи особенно мне сейчас нужны: 1) наблюдение за небом и 2) барометр, который стоит на столе. Сейчас стрелка между дождем и «переменно» идет в сторону «переменно». Плохо, значит, погода меняется.

Приближается 1/V, не радостен он, возможны всякие безобразия.

15/V

Чего-то так насыщены дни, что писать и много есть чего, и нечего. Праздник встретили тревожно: целый день обстрелы – большие жертвы.

Пару дней назад – целый день ВТ, и среди ясного неба много сброшено бомб близко от нас. Последние дни и ночи ВТ. События нарастают.

Страшно подумать, что Ленинград будет Сталинградом. Настоячиво говорят о химии и настоячиво говорят о возможности боев на Ленинградском фронте.

¹⁹ Певича Ольга Григорьевна Вязникова – хорошая знакомая Екатерины Прокофьевны Глинской.

Подруги Екатерина Прокофьевна Глинская (слева) и Елизавета Яковлевна Мартынова (Лиля). До войны оставалось всего несколько лет... Фото из архива О. В. Глинской

Усталость. Меня опять теребят с переводом.

Сегодня купили пять цыплят 23-дневного возраста по 100 рублей штука. Пишат желтые комочки в ящике.

9 ч утра 16/V

Всю ночь напролет ВТ. Сейчас еще отбоя нет. Гул немецких самолетов. Грохот зениток, свист фугасок, а погода стоит чудесная, ночь светлая, восход солнца – одна очарование, утра теплое.

17/V

Что-то странное творится за последние дни у нас в городе. Спокойно летают немецкие самолеты

(преимущественно с 5 до 8 часов утра) настолько низко, что ясно видны опознавательные знаки, и спокойно бросают бомбы. Пишу в 8 час. 45 мин. утра, отбоя нет.

23/V

Тревожные сигналы по ночам о начавшемся большом бое. Вплетаются звуки раньше неслышанного орудия – тяжелый гул. Погода сегодня пасмурная, холодная, две ночи засыпаю одетая, в пять утра просыпаюсь, раздеваюсь, ложусь. Девочка гриппует, Л. А. тоже. У меня боли довольно сильные в сердце. Отчего бы это? Настроение, как ни странно, спокойное. На днях смотрела в Александринке «Раскинулось море широко», из кино «Кондуит», «Принц и нищий».

У нас огородная горячка. Огороды в Обухово. На днях запретили ездить туда – говорят, надо разминировать дорогу, а то много огородников подорвались. Цыплята живут.

9/VI

Чудесные белые ночи. Всю ночь можно читать. Часов с 11 поднимают аэростаты воздушного заграждения, и они на фоне серо-голубого неба плавают в эфире, как дельфины. Чудесные дни и ночи, только бы жить! Хочется побродить по Неве, хочется жить. Идет выдача медалей «За оборону Ленинграда».

Девочка растет, только все колени в ссадинах. Цыплята большие. Засеяли еще огород во дворе. Взошли огурцы, редиска и всякая дребедень. Рассада капусты и картошка хорошо прижились. Поливаю каждый вечер. Сублимация. Сердце

устало от борьбы и болит, хочется покоя от войны, чтоб жить так, как велит сердце. Уходит молодость.

За последние дни активизация воздушных боев на подступах к Ленинграду. Что грядущее нам готовит?

21/VI

На днях прирезала одного цыпленка (ушиб крылышко). Накормили ребят бульоном. Сдох кот, отравился мышью.

Стоят чудесные ясные дни и светлые ночи. Сегодня ночью горел аэростат воздушного заграждения. Как свеча. Остальные после ВТ попрятались.

Смотрела «Она защищает родину»²⁰. Тяжелая вещь.

Много работы. Настроение спокойное.

18/VII

Обстрел города продолжался часов 13–15, по силе и продолжительности первый.

Большое количество жертв среди гражданского населения. Настроение такое, что идешь по улице и ждешь выстрела в спину.

26/VII – 28/VII

Отпраздновали 25-летие советского здравоохранения и годовщину нашей больницы. Устроили хороший концерт... После концерта для сотрудников «банкет», под радиолу танцы до 11 ч. вечера. Банкет соорудили такой. С «носа» по 300,0 г хлеба. Достали зелени, наварили зеленых щей и натушили репы со свежей редиской. На третье – кофе и голубица. На зелень Горторг дал разрешение на 20 килограмм, а голубицу набрали санитарки в минных полях.

Было очень весело. Вместо вина – красный сироп – напиток из киоска. Красота. Танцы до упаду!!

Вчера опять встал вопрос о переводе меня в Сомат. больницу²¹ главврачом в связи с тремя случаями самоубийств в той больнице. Пока удалось снова отвести это назначение. Не потому, что мне не хочется работать, а, честно, потому,

*Портрет Екатерины Прокофьевны
Глинской работы художника
М. К. Севруга. 18 июня 1964 г.
Фото из архива О. В. Глинской*

²⁰ «Она защищает Родину» – художественный фильм о партизанах, снятый в 1943 году режиссёром Фридрихом Эрмлером по сценарию Алексея Каплера. В главных ролях – Вера Марецкая, Николай Боголюбов, Лидия Смирнова, Борис Дмоховский.

²¹ Соматическая больница – многопрофильная больница, занимающаяся лечением внутренних органов.

*Оксана Глинская и Лена Мартынова.
Фото 1941 г. Из архива О. В. Глинской*

что чувствую – мало осталось силенок. Все больше сказывается нечеловеческое перенапряжение нервной системы.

Сейчас маленькая шантрапа лежит в постели и что-то напевает. Лидия А. в кино, смотрит «Гибель „Орла“»²² вместе с Елизаветой.

Настроение обычное. Обстрелы продолжают. Как-то ночью была ВТ. Слежу с тревогой за синявинскими событиями. Хочется не слышать свиста снарядов и разрывов шрапнелей.

2/VIII

Ночью участились ВТ, день и ночь обстрел. Страшно ходить по улицам. Сегодня в 230-й сказали, что норма питания больницы снижается до рабочей категории. Мне, Елизавете и Л. А. задерживают дополнительные карточки. Будет голодно. Нужно организовать бригаду

лесорубов, торфяников.

13/VIII

Три дня обстрела мало беспокоят. Они есть, но терпимее. ВТ не было, были дожди. Напряженно ловили сводки Информбюро. Каждое утро на конференции проводили политминутку.

Больница лихорадочно готовится к зиме. На сегодня: две бригады, созданные из санитарок, заготовили в лесу 400 кубов дров. По блату достаем 100 тонн торфа из Левашово (дело за вагонами), в больнице лежит «НЗ» около 400 кубов дров. Сегодня получили наряд на разгрузку дров на вокзале и вывоз 215 кубов.

Бригада маляров (из санитарок) отремонтировала приемный покой, пищеблок, I-е отделение, аптеку, очень неплохо. Во II и III отделении работает дезбригада (клопы), скоро приступим к ремонту. Крышу починили, но часто пробивают или осколком шрапнели, или осколками от зенитных снарядов. Паровое отопление довосстанавливаем. В основном, как будто дело на мази, но много мелочей. Много надо материалов, а достать все невероятно трудно. Лечебная работа

²² «Гибель „Орла“» – приключенческий фильм о загадочной судьбе корабля «Орел», оказавшегося осенью 1920 года у причала Новороссийского порта (1940 г., режиссер Василий Журавлев, в ролях Николай Анненков, Виктор Громов, Сергей Столяров, Михаил Трояновский, Сергей Комаров, Лев Фенин и др.)

налаживается. Проводятся районные конференции с любопытными современными докладами.

Личное: Л. А. и я каждый день пьем никотиновую и аспарагиновую кислоту. Вчера зарезала петуха (заболел благодаря огороду, который мы засеяли на двух помойных ямах (под домом)). Живем, как боги. Огурцы, редиска, салат, репа, лук, морковь и пр. вволю. Ягоды приносят санитарки (малину, голубицу, черную смородину, бруснику). Пиво есть. Не жизнь, а красота!

Девочке покупали на рынке строчки, а сегодня ребята лопали бульон из петуха и «куриную ножку».

В Обухово огород очень хороший, но воруют. В общем, живем, как в мирное время, даже лучше. Дополнительную карточку получила, говорят, что на сентябрь получу литературную. Все хорошо.

Только очень устала. Хочется выспаться без тревог, хочется пройти по улице без страха: а вдруг начнется обстрел. За последние дни до того были зверские обстрелы, что кровью залиты почти все улицы города. Много жертв на площадях и на трамвайных остановках по Невскому.

15/VIII

Со вчерашнего дня опять началось по радио: «Внимание, внимание, говорит штаб МПВО. Район подвергается артиллерийскому обстрелу».

16/IX

Прошел только месяц, а сколько радостных событий. Какие чудесные вести с фронтов. Сегодня взят Новороссийск, последний оплот немцев на Кавказе.

Настроение бодрое, хочется смеха. Вчера собрали половину огорода. Картошки накопили полмешка. Картошка замечательная.

Девочка такая шалунья растет.

Сегодня была очередная четверговая конференция врачей. Смятение.

Вчера, то есть 12/X, пережила одно обычное ленинградское происшествие.

Около 2 ч. 30 мин. дня начался шрапнельный обстрел района в комбинации со снарядами. Снаряды ложились на расстоянии 200–300 метров от больницы, а шрапнельные осколки с воем и свистом врезались во дворе больницы

*Оксана Глинская (слева) с санитаркой.
Фото 1942 г. Из архива О. В. Глинской*

*В больнице блокадного Ленинграда.
Третья слева – Елизавета Яковлевна Мартынова.
Из архива О. В. Глинской*

и в наш огород. Началось, как обычно, внезапно. Малышка с Пашей ушла гулять. Дома была Оля. Л. А. была в 230-й и зашла в кино посмотреть «Георгий Саакадзе»²³.

Первая мысль – где малышка? И вот под грохот разрывов снарядов и свист шрапнельных осколков я бросилась искать девочку. Навстречу попадают такие же взволнованные испуганные матери, тоже в поисках своих цыплят. Оказывается, они спокойно сидят в подъезде дома против больницы. После первого удара они туда вскочили, вбежавший следом за ними доктор Богорад получил удар осколком в спину – благополучно.

После этих переживаний у меня так заболело сердце, что и сейчас чувствую боль. Вообще, что-то очень часто мне стало не по себе.

16/X

Приезжала центральная комиссия по осмотру больницы на переходящее Красное Знамя. Все в порядке, но большое количество мух испортило впечатление. Часа через полтора после их отъезда начался такой артобстрел, что все дрожало вокруг, в окно палаты II отделения влетел осколок снаряда весом около

²³ Двухсерийный художественный фильм, снятый на Тбилисской киностудии режиссёром Михаилом Чиаурели по мотивам романа А. А. Антоновской «Великий Моурави» в 1942 году.

Предписание исполкома Красногвардейского района об эвакуации Екатерины Прокофьевны Глинской и членов ее семьи, подписанное 26 августа 1941 г. Указание выполнено не было: через несколько дней последняя железная дорога, связывавшая Ленинград со всей страной, была перерезана врагом... Из архива О. В. Глинской

килограмма, пробил стекла и в противоположном углу пропорол подушку на кровати и воткнулся в стену.

Послала носилочные звенья с сестрой для оказания помощи пострадавшим. Не правда ли смешно: страшно быть в претензии к больнице за мух, когда железные мухи сыпятся вокруг, но война стала нашим суровым бытом, а требования к больнице более повышены, чем в мирное время.

6/XII

Замороженные дни. Работы очень много и настолько выкладываешься, что и писать не хочется.

Сегодня проводили Л. А. Условия поездки очень культурные, с нетерпением жду, как она проедет «коридор». На обратном пути наша машина влетела в воронку от снаряда. Здорово ушибла пальцы, рассекла губу верхнюю, беспокоят зубы, вот здорово, Л. А. приедет, а у меня зубов верхних нет. Красота! Последние два дня обстрелы, начиная с 9.30 утра и до 5-6 часов вечера. Очень интенсивные.

Пока живы.

8/XII

Вызывала секретарь РК Михалева. Четкие, ясные указания о поднятии полит-работы среди врачей группы.

Целый день болит голова.

Вечером спрашиваю у малышки, что баба делает. Ответ буквально: «В Москве разбирает игрушки, которые купила мне». Сейчас сидит и «читает газету», так «мне вечером дадут сгущенное молоко»...

14/XII

Каждый день собрание. Вчера пришла в 10 ч. вечера, было бюро. Сегодня, наверное, приду так же – партсобрание.

Сигнал о приближающейся эпидемии гриппа. Задача – организовать мед-работников на профилактику и борьбу с гриппом. Ужасно беспокоит – как бы Л. А. на Большой земле не подхватила грипп.

22/XII

Последние дни участились обстрелы вечером и ночью. Значит, покоя нет даже ночью.

Опять боли в сердце. Беспокоит судьба малышки. Три дня назад снаряды (два) разорвались довольно близко. У Лили полетели стекла, у нас осколки в палаты. Когда же прекратится литься кровь детей? Хочется, чтоб приехала Л. А., но с болью слушаю свист снарядов, лучше бы она приехала, когда их не будет.

26/XII

Сегодня малышка первый раз в жизни говорила по телефону с Москвой и Бабой²⁴, забавно. Сидела, как ангелочек, сложив ручки, смотрела умоляющими глазками и просила: «Дай мне поговорить!».

Наступают как будто морозы. Сегодня 3 градуса ниже нуля.

Как будто готовится наступление.

2/I 1944 г.

Л. А. приехала 31/XII. Я приготовила хорошую елку. Встретили Новый год. Чувствую себя настолько плохо, что не хочется писать. Слабость.

15/I

С раннего утра гремит артканонада, даже стекла звенят. Я забралась на крышу следить за разрывами снарядов. Наконец началось!

²⁴ Баба – так Оксана называла Лидию Александровну Талызину.

Владимир Николаевич Моргачев

Выжить помогла... коммуналка

Об авторе: Владимир Николаевич Моргачев родился в марте 1934 г. Трудовую биографию начал во время войны с портняжного дела. Окончив после школы техникум, стал топографом-геодезистом, занимался изыскательскими работами по всей стране. Впоследствии – инженер-строитель, прошел путь от техника до главного специалиста в «Ленгипрометзе». Талантливый фотограф, участник многих международных выставок, собиратель старинных кирпичей и всевозможных предметов ушедшего «уличного быта».

До войны каждое лето мы выезжали на дачу. В сорок первом году моего отца, Николая Васильевича Моргачева, работавшего шофером в 52-м строительстве, мобилизовали на сооружение аэродрома в деревне Касимово. Дачу мы сняли неподалеку, в Вартемяках, и жили там с конца мая.

Когда объявили войну, то многие уверяли: продлится она недолго, все будет как на финской: сто дней – и мы победим. Началась мобилизация, и отца, как и хозяина дома, в котором мы снимали комнату, взяли в армию буквально в первую неделю войны. А потом, недели через две после начала войны, через нас потянулись беженцы со стороны Приозерска. Женщины с детьми и стариками брели днем и ночью, на тачках и колясках они везли скромный скарб. С собой они вели коров, овец, коз.

Когда беженцы проходили через деревни, часть скотины они продавали, и мы купили у них козочку, которую называли Розой. Она была у нас, детей, как собачка – мы бегали с ней в поле, на речку и прыгали с обрыва в песчаном карьере. А когда мы стали уезжать, козочку пришлось зарезать. Шкуру мы взяли с собой – потом она здорово помогла нам во время блокады...

Буквально через месяц после того, как закончилось движение беженцев, пришли военные. Говорили, что они с полуострова Ханко.

Рядом с Вартемяками была деревня Лупполово, в которой жили финны-ингерманландцы, – их называли «чухнами». Их выселили в августе, и все, кто жил в Вартемяках и Дранишниках, разграбили их брошенные дома. Тащили к себе

кухонную утварь, одежды, какие-то бытовые предметы, и никто этому не препятствовал. Финны после войны туда уже не вернулись, да и самого поселка в этом месте больше не было. Дома разобрали, землю распахали. Пусто на этом месте...

В конце августа мы переехали в Ленинград – домой на Лахтинскую улицу, дом № 4, что на Петроградской стороне. В магазинах уже начало все исчезать. Ходил тогда такой анекдот: «Вы попробуйте хотя бы, как вкусны и нежны крабы». Дело в том, что магазины тогда были забиты банками крабовых консервов. Они лежали еще с довоенных времен – раньше их просто не покупали (дороговато!), а теперь это было практически единственным, что оставалось в продаже. И появилась чечевица. Недаром немцы листовки бросали: «Чечевицу доедите, Ленинград нам весь сдадите!». Я видел эти листовки – нам не разрешали их поднимать. Были специальные бригады, которые собирали их и сжигали. Но они все равно везде валялись... Чечевица была и раньше до войны, но ее почти не брали. Теперь же мы ее купили несколько килограмм.

...В детстве я мечтал стать путешественником, и эта мечта едва не сбылась после возвращения в Ленинград из Вартемяк. Меня с моей сестрой Люсей, старше меня на два года, вместе с детьми нашего дома отправили в эвакуацию от ортопедического института имени Турнера, располагавшимся неподалеку. Отправляли только детей, без родителей. Нас посадили на автобус, у каждого в руках был узелок. «Путешествие» наше длилось недолго: через пару дней нас привезли домой на Лахтинскую улицу – к счастью, без приключений, целыми и невредимыми. Оказалось, что город уже был к тому времени в кольце блокады. Мама была очень рада нашему возвращению.

Хорошо помню первые воздушные тревоги. Наш дворник дядя Петя заводил ручную механическую сирену. Ставил ее на землю, ногой прижимал и крутил ручку. Не на всех улицах были репродукторы. На нашей, Лахтинской, их не было. Вот почему первое время сигналы тревоги подавали дворники. Потом уже сигналы подавали по уличным громкоговорителям и по радио. И днем и ночью. Радио работало круглые сутки. Я помню, что не спал до половины двенадцатого ночи, когда передавали последние известия – о положении на фронтах. Вообще, забегая вперед, надо сказать, что радио имело особое значение для жизни блокадного города. Это были не только сводки совинформбюро, но и удивительно прекрасные детские передачи, разучивание песен, пионерские зорьки, театр у микрофона...

Когда объявлялась тревога, все должны были идти в бомбоубежище. В нашем доме его не было – мы бегала напротив, в дом № 3 по Лахтинской, – там было и бомбоубежище, и газоубежище. Все, у кого дети, спускались в газозащитное сооружение, остальные – в бомбоубежище. Разница была в том, что первое было комфортнее: там было и лавок больше, и удобные санузлы.

Была хорошо налажена система оповещения и сопровождения. Когда подавался сигнал воздушной тревоги, у каждой парадной появлялись дежурные девушки из МПВО и командовали: когда нам выходить и бежать на противоположную сторону улицы в убежище. Иногда добежишь до середины улицы, и она командует: «обратно!» И вот так мы иногда по несколько раз пытались добежать до убежища. Конечно, это вызывало немало нервовтрепки.

Первый налет был 8 сентября, когда горели Бадаевские склады. Даже от нас хорошо виден был дым этого пожара – горели они трое суток.

Во время обстрелов было очень страшно. Когда взрывался снаряд, ощущение было такое, что он упал где-то совсем рядом. Улицы довольно узкие, и эхо, которое возникало после взрыва, отражалось от домов и создавало ужасную звуковую картину. Казалось, что все кругом рушится. Особенно ночью, когда еще полусонный выскакиваешь из дома и бежишь в бомбоубежище. На входе всех предупреждали: «Дверьми не хлопать!». Почему? Двери металлические, и когда ими хлопают, у людей сразу возникал синдром взрыва бомб и снарядов...

А потом начался голод. Он заставил всех насторожиться, появилось недоверие: а вдруг украдут карточки? Хорошо помню первую жертву голода в нашей квартире. Ею стал старичок в одной из комнат нашей коммуналки. Его жена несколько дней не выходила на улицу, у нее не было сил, и она позвала маму со мной. Старичок лежал на кушетке, и мне показалось, что он улыбается. Но это на самом деле по нему ползали вши... Она попросила нас выкупить хлеб по его карточкам. Она его не хоронила потому, что был уже конец месяца и надо было получить новые карточки. Если бы она заявила, что он умер, то ей карточки не дадут. Но вскоре и она умерла.

В те самые жуткие месяцы блокады я потерял отца. С сентября 1941-го он был шофером на грузовой полуторке на Дороге жизни. Один или два раза он приезжал к нам. Однажды привез нам мешочек земли с конфетами вперемежку. Разбомбили машину, которая везла продукты, и в земле он набрал для нас эти «конфеты». Мы их растворили в воде, выпарили, и потом из получившегося раствора делали тянучки на сковороде. Больше мы отца не видели. В декабре 1941-го пришло извещение: «Пропал без вести». Или же он утонул с машиной на Ладоге, или погиб где-то на Дороге жизни...

В самое голодное время, в декабре, когда мы дошли уже до того состояния, что ели все, что только могли съесть, нас очень выручила шкура козочки из Вартемяк. Она лежала у нас на полу, перед кроватью. Эту шкуру мы сварили, положили на стол, и ложками скоблили кожу, пока не сошла шерсть. Но хватило нам ее на один-два раза.

Потом уже голод был настолько страшный, не все карточки удавалось отovarить. Помню, в канун нового, 1942-го, года мы ушли к тетке на улицу Белинского.

Плакат времен блокадной поры

Трамваи не ходили, и мы шли пешком. Снегу было много, улицы превратились в узкие протоптанные тропиночки, по которым мы и шли. По дороге в гастрономе у цирка мы отоварили карточки на крупу – нам дали грамм триста лапши – серой, плоской. Мы разделили ее на пять частей, по количеству человек, и каждый свою часть грел на коптилке. Это было настоящим «новогодним лакомством».

У тетки мы прожили дня три, а потом пошли обратно домой, на Лахтинскую. По дороге мне пришлось наблюдать страшную картину: на Марсовом поле вдоль Лебяжьей канавки лежали штабеля трупов. А когда мы поднялись на Кировский мост, я услышал звук, похожий на трамвайный. Сначала я не понял, откуда он: трамваи ведь не ходили. Но затем мы увидели источник звука: медленно

но, с трудом, поднимались на мост несколько грузовых машин ЯЗ-5¹, в них вертикально стояли трупы – и в кузове, и в прицепе. И, в основном, голые. Я был настолько потрясен увиденным, что, несмотря на голод, несколько дней не мог есть. Картина была страшной. Вот так мы встретили 1942-й год...

Любопытно, как содержался тогда город. В ЖАКТе была специальная книга, где указывалось, сколько каждый житель дома отработал часов на уборке². Перед тем, как выдавать продуктовые карточки, смотрели: сколько часов отработано на уборке территории, прилегающей к дому. Маме доставалась часто помойка, и работать приходилось мне. А иногда мы убирали снег. Весной, когда он оттаивал, из-под него порой показывались трупы, занесенные с зимы, но это была уже особая статья: их убирали специальные бригады.

¹ ЯЗ – Ярославский автозавод.

² Согласно решению исполкома Ленгорсовета от 12 декабря 1941 года «О порядке привлечения населения города Ленинграда к выполнению, в порядке трудовой повинности, работ по уборке снега», устанавливалось, что «рабочие, служащие и учащиеся, привлекаемые к уборке снега в порядке трудовой повинности, работают по 3 часа в сутки после работы или учебы, а трудоспособные граждане, не работающие по найму, – по 8 часов в сутки».

Еще существовала такая обязанность, как поездка на оборонительные работы. Обязанность была мамина (она работала в швейной мастерской), но она брала нас, то есть меня с сестрой, с собой, – оставить одних не могла, да и неизвестно еще, где было безопасней. Несколько раз мы ездили в район Парголово «на окопы». Было это в конце ноября 1941 года и весной 1942 года. На оборонные работы выезжали женщины, почти все из них были с детьми. В нашу задачу входило собирать хворост и поддерживать огонь у костра...

Что касается карточек, то они прикреплялись к определенному магазину. Хлебные можно было выкупать в любом, а все остальные продовольственные (на крупу, мясо, жиры) – только в определенном. Лапшу под новый 1942-й год мы купили в гастрономе у цирка по большому исключению – нам ее продали то ли по недосмотру, то ли просто из жалости. В блокадную пору не говорили «купили», а говорили – «дали», или «отоварили», а люди, подходившие к очереди, обычно спрашивали: «Что дают?».

Бывало – приходишь в магазин за мясом: его нет. Дают замену по калорийности: к примеру, вместо полкило мяса – грамм сто шоколада. Но ведь из него суп не сваришь! Кроме продуктовых, были карточки на соль, спички, керосин.

Была и «система» бартера. На каждую рабочую карточку полагалось пол-литра водки и пара пачек папирос. Водка нам была не нужна, и мы ее меняли на Дерябкином рынке, что в конце Шамшевой улицы, у красноармейцев на конину. А была ли это конина или что-то другое – кто знает? Верили на слово. Тем более что обмен, как правило, происходил в ближайшей парадной. Света не было, меняли в полутьме. Все было подпольно, мы ведь догадывались – конина ворованная. Овес менять было проще – его взвешивали на безменах или оценивали по объему. А пересыпали тарелками. Дома мы сушили овес на буржуйке, толкли в ступке, просеивали и варили овсяный кисель – это был очень хороший, сытный продукт, которым мы и спасались. Мясо реже удавалось обменять...

Как ни странно, но и в блокаду ходили в гости и принимали гостей. Угощать было нечем и потчевали хлебом – самым ценным блокадным продуктом. Хлебосольные хозяева всегда спрашивали у гостей: «Вам хлеб одноручный или двуручный?». Если «двуручный», то отрезали по всему сечению буханки тонкий ломоть. Он был настолько тонкий, что его надо было держать двумя руками. «Одноручный» был чуть потолще, его брали одной рукой...

Блокадный голод внес коррективу в мою детскую мечту: теперь я уже хотел стать не путешественником, а поваром, чтобы всегда быть сытым! Ведь в блокаду я постоянно хотел есть и даже после войны, еще лет десять, постоянно испытывал чувство голода. Это был своего рода блокадный синдром, преодолеть который оказалось очень сложно. Ведь тогда, в блокаду, все свободное от занятий и сна время хотелось есть. А есть было нечего... Спасали дуранда,

Собрание в «уголке безбожника» на заводе «Красная Заря». Четвертый слева за столом – Николай Васильевич Моргачев, первая справа за столом – Вера Георгиевна Моргачева. Фото конца 1920-х гг. Из архива В. Н. Моргачева

жмых, суфле – жидкий напиток из сои, с добавлением сахарина, а также шроты, по виду напоминавшие лапшу. Это был отжим после получения масла из сои. Белая масса, которую разжевать практически невозможно, и оставалось ее только глотать.

Обычно пищу готовили на керосинках, примусах и буржуйках. Обед, ужин и завтрак состояли из одного блюда. Варили суп (из того, что было) и ели его в два приема: сначала жидкое, а потом густой осадок. Посуду можно было не мыть, потому что мы буквально вылизывали ее языком до блеска.

Ранней весной ходили на речку Ждановку и там с моста, ведущего к стадиону Ленина (ныне «Петровский»), с помощью металлической сетки ловили колючку – мелкую костлявую рыбу с тонкими игольчатыми плавниками. Пропустив через мясорубку, из нее делали котлеты...

Первая блокадная зима была, конечно, ужасной: воды нет, канализации нет, водопровод не работает, темно... Но и она осталась позади. Когда дали электричество, установили жесткий лимит на расходование электричества. Периодически приходили специально обученные люди из «Ленэнерго», проверяли показание счетчика: если там был перебор, то сбрасывали клеммы и ставили пломбы. Тогда приходилось сидеть без света.

Вера Георгиевна Моргачева (вторая справа) на отдыхе в компании друзей. Фото 1928 г. Из архива В. Н. Моргачева

В сентябре 1942 года я пошел в школу – в первый класс. Портфелем служила сумка из-под противогАЗа. Самое главное – в школе нас кормили. У меня была последняя степень дистрофии, и мне полагался удвоенный паек. А обед состоял из одной каши – пшенной, чечевичной, овсяной или перловой. Кроме того, раз в неделю нам давали напиток из хвойного настоя. Противный такой, зеленого цвета. Прямо в класс приходили санитары, наливали нам кружку этого настоя³, и мы были обязаны его выпить. Каждый день, когда мы приходили в школу, нас проверяли на вши. Если обнаружили – отправляли на Карповку в баню, где проводили санобработку...

В блокаду работали кинотеатры. На Большом проспекте действовало три заведения – «Эдисон», «Арс» и «Люкс». В «Люксе» я даже выступал несколько раз. Рядом был госпиталь, и раненые, способные ходить, приходили в кинотеатр на концерты – мы читали стихи Симонова, песни пели...

³ Витаминный напиток из хвойного настоя изготовлялся по специальной рецептуре, разработанной группой сотрудников Научно-исследовательского института АН СССР. Им снабжали госпитали, детские учреждения, войсковые части и действующую сеть предприятий общественного питания Ленинграда. Отзывы и заключения врачей больниц и госпиталей о хвойном настое были исключительно положительные. Он оказывал очень эффективное действие, лечил и предупреждал авитаминоз.

Воспитанники детского сада на площадке на углу Большой Пушкарской улицы и Введенской (в то время имени Розы Люксембург) улиц. Третий слева – Владимир Моргачев, четвертая слева – его сестра Людмила Моргачева. Фото 23 февраля 1939 г. Из архива В. Н. Моргачева

*Брат и сестра Владимир и Людмила (Люся) Моргачевы.
Фото 1939–1940 гг.
Из архива В. Н. Моргачева*

Помню, с конца 1942 года город жил надеждой на «второй фронт». Идешь в школу и шутки ради, встречая одноклассников, говоришь:

– Второй фронт открыли! Ты слышал?
– Ну да?!

Мы не знали, что такое «второй фронт», но слышали, что должен скоро открыться. Нам очень хотелось, чтобы это случилось как можно быстрее, и мы сами сочиняли такие легенды и несли в школу...

После школы мы часто ходили в развалины на углу улицы Ленина и Большого проспекта, где половина квартала была разрушена бомбежкой. В этих руинах кто-то делал себе огородики, а мы, мальчишки, организовали там свой «штаб». Были у нас там какие-то свои дела. И у каждого было оружие. У меня одно время была ракетница, которую я на что-то выменял. После снятия блокады оружия стало еще больше:

*Вера Георгиевна Моргачева. Фото 1946 г.
Из архива В. Н. Моргачева*

*Николай Васильевич Моргачев.
Фото 18 октября 1931 г.
Из архива В. Н. Моргачева*

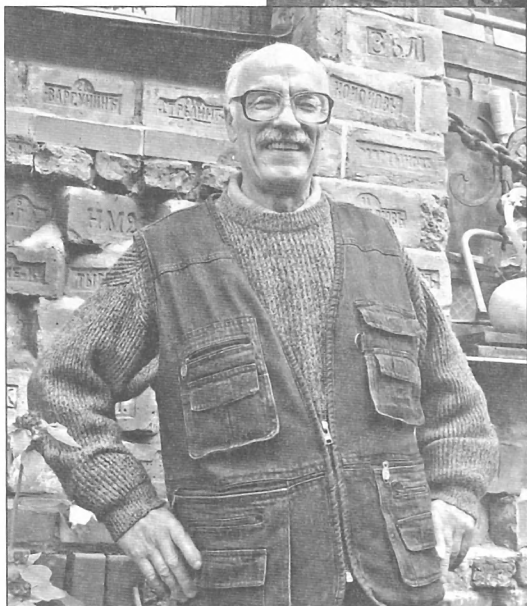
некоторые наши ребята ездили на места боев. Это были очень опасные и рискованные «экспедиции». Однако они привозили оттуда оружие, потом меняли его кто на что горазд. Например, на хорошую коллекцию марок. Пистолет можно было обменять на винтовку или на каску...

Несмотря на тяжелейшую жизнь в блокадном городе, дети все равно оставались детьми, хотя кто-то потом назвал их «маленькими старичками»⁴. Мы находили возможность играть – в прятки, лапту, футбол, штандер, казаки-разбойники. Играли в маялку (со специально сшитой из маленьких тряпочек «маялкой») и в «двенадцать палочек» (на одном конце доски, установленной посередине на упор, клали двенадцать палочек, а по другому концу ударяли ногой). Хулиганили, дрались, спорили, ссорились и мирились, делились друг с другом тем, что имели...

Вспоминается много мелких деталей блокадного быта. К примеру, в почтовых ящиках довольно часто обнаруживались листочки с рукописным воззванием к Богу о помощи в победе над немецкими захватчиками. Завершались эти призывы предложением размножить их до десяти экземпляров и разнести по разным адресам. В нашей семье верующих не было, но жажда победы,

⁴ Из «Блокадной книги» А. Адамовича и Д. Гранина: «Дети-старички, безулыбчивые, молчаливые, вялые, все понимающие и ничего не понимающие. Немцы, война, фашисты где-то там, за городом, да и сама блокада оставалась для шести-восьми-десятилетних детей понятием отвлеченным. Конкретными были темнота, голод, сирены, взрывы, – непонятно, почему все это обрушилось на людей? Куда исчезла еда, куда исчезли близкие?.. Непросто было этим маленьким старичкам потом возвращаться в жизнь, в детство, к самим себе».

*Владимир
Николаевич
Моргачев. Фото
Сергея Глезерова,
сентябрь 2010 г.*

окончания войны брала верх, и мы выполняли просьбу церкви.

Помню, что ближе к концу 1943 года стали открываться кофейни. В них продавали кофе из желудей, стакан стоил рубль. И были еще пирожные из шрот – красивые на вид, но совершенно несъедобные.

Во время блокады у меня было чувство, что жизнь такая и должна быть:

в голоде, в холоде, в бомбежках, со смертями. А немцев я воспринимал животными – такими, какими их изображал известный карикатурист Гальба⁵ в своих рисунках на страницах газет, вывешивавшихся на улицах. Настоящих немцев, пленных, я впервые увидел в 1944 году. Они разбирали развалины на Бармалеевой улице. Помню, злоба была к ним страшная, необъяснимая. Мы в них даже бросались камнями...

Воспоминания о блокаде – очень тяжелые. До сих пор не могу читать книги о блокаде, хотя собрал их много. А вообще у меня укоренилось мнение, что в блокаду спаслись в первую очередь люди, жившие в коммунальных квартирах. Там была особая взаимовыручка, поддержка друг друга. Неизвестно еще, выжил бы город в блокаду без коммуналок? После войны все пошло наперекосяк: в тех же коммуналках начались своры, скандалы. А ведь во время войны все это куда-то исчезло: были помощь, взаимопонимание в тех суровых, страшных условиях...

⁵ Карикатуры художника Владимира Александровича Гальбы, известного как мастера политической сатиры, печатались почти каждый день на страницах «Ленинградской правды».

Елизавета Георгиевна Вейде

«Только здесь поняла я, что значит „Родина“...»

Об авторе: Елизавета Георгиевна Швырева (Вейде) – житель блокадного Ленинграда, ветеран труда, несовершеннолетний узник фашистских концлагерей.

Начало моего письма

Это было начало весны, но все же еще стоял мороз на дворе. И травка еще не зеленеет. Все кругом черно и голо. Печально выглядит весь город. И плачет все кругом и плачем мы, покидая наш любимый и печальный край, нашу РОДИНУ. Не кто иной, как немыслимый голод заставил нас покинуть наш родимый край и ехать на чужбину.

Тяжело мне описать этот день, когда, ожидая, мой последний взор падает на эту грязную темную улицу моего города. Как печально смотрят опустевшие дома наших колонистов, которых уже вывезли месяц тому назад. Но время летит, и час отправки примчался не спросясь. Но вот он настал, тот печальный час, который обозначает отъезд из дома родного. Тот час, когда мы остались без крова и крыши. Покинуть родину – это очень тяжело тому, кто не привык к скитаниям. В тот день, когда нам нужно было выезжать, были мы все как больные.

И помню я, как наш папа печально глядел на все то, что оставалось на произвол судьбы и как сейчас звучат у меня его слова, которые он произносил еще у своего гнезда: «Но прощайте все мои родные и знакомые, я уезжаю, но обратно мне не вернуться». Он чувствовал свою смерть. Но прошла ночь, та тяжелая ночь, и машина стоит наготове, мы укладываем вещи, залезаем сами, отъезжаем. Прощайте, все.

На вокзале были еще минуты, когда мы были готовы назад ехать, но не так легко найти машину, для того чтобы попасть назад. Только на второй день мы покинули наш родной город. И ПРОЩАЙТЕ ВСЕ И «ВСЁ». Прощай, родина, мы едем на чужбину. Это было **10 апреля 1942** в 11 часов утра. И на Ладожском озере были мы 13-го в 4 часа ночи. Тихо подъехали мы к станции Лад. Оз. На машинах перевозят нас, красиво выглядит вся эта картина, но печально отражается

*Елизавета Вейде в три года.
Фото 1930 года. Из архива Елизаветы
Георгиевны Швыревой (Вейде)*

это на наших лицах. Тихо едем мы через озеро, лед блестит, вода, которая стоит выше, чем колеса. На все стороны, куда можно кинуть свой глаз, красиво светится лампочки машин на всех сторонах озера: сильный мороз, что даже все кругом трещит.

На каждые 5 метров стоят солдаты с бензином и указывают путь, но вот три машины перед нами пошли одна под лед – мы же объезжаем это место. Даже ничего и не заметно, что только что поглотила вода людей, мы едем дальше, только когда оглянешься назад, то мысль что и наш, может быть, такой конец, мелькает у нас. Мы едем. Страшно и холодно. Слышен крик с разных сторон погибающих и раненых людей от осколков зенитки и пулемета немецких самолетов. Треск и шум, но «бог» помог и мы на берегу: сейчас описываю эту картину и слезы падают – но это все прошло.

Всё это путешествие продолжалось 5 часов – с 11 часов вечера до 4 часов утра. Здесь же мы получили обед и еще хороший сухой паек и перегрузились на поезд и едем дальше, покидая родимый край.

*Эвакуационное
удостоверение,
выданное семье Вейде
в апреле 1942 года.
Из архива Елизаветы
Георгиевны
Швыревой (Вейде)*

Но вот и Вологда – то место, которое осталось у меня в памяти. Здесь мы пошли за кипятком и отстали от нашего состава, и в течение трех дней мы не могли их догнать. Наше положение печальное, мы без куска хлеба, но спасибо солдатам, что те, сочувствуя нам, помогли. Наконец мы догнали наш поезд с поездом моряков. Сколько слез от радости было. Станция Ярославль, здесь мы должны пересесть, но нас везут дальше, и мы слышим, что на Кавказ. Но вот апрель уже к концу, и настает первое мая. Самый обыкновенный день для нас.

Никто нас не приветствует, у нас все по-старому. Кто бы думал, что последний день, когда мы видели папу. Но оно было так, что он жил эту последнюю ночь. Утром рано, когда я еще спала, меня разбудила Нина со словами: «Лиля, вставай, наш папа умирает». Я не верю и продолжаю лежать. Но вот доходит до меня разговор о нем, и я вскочила, но было все поздно, уже больше ничего не поможет, и он уйдет от нас навсегда. И он ушел. Его НЕТ.¹

Когда я подхожу, меня душит испуг и недоверие, я зову еще раз: «ПАПА, что с тобой», но он открыл свои большие голубые глаза и также их и закрыл тихо без одного слова. Мы старались его разбудить, но это было все напрасно. Он заснул и заснул навсегда. Это были это последние минуты, когда мы видели его живым. Это было **2 мая в 9 часов утра в 1942 году**. И вот его нет, и нет навсегда, никогда больше он не придет и не приласкает тебя. «Он УШЕЛ». И этот день запомнится мне на всю жизнь. Он лег нам на сердце черным тяжелым камнем и думаю, что и каждому из нас. Тогда было мне всего 14 лет, когда я потеряла ПАПУ и всех наших, а Нине 10. И вот уже три года как мы скитаемся. Мама наша больная, и потому вся забота ложится на меня.

И поэтому не раз вспомнишь папу и его слова. В то время, когда он помер, нам была потеря его легка. Мы зашили его в одеяло, когда это было почти готово, то я вспомнила, что у меня в мешке лежит маленький крестик, который я положила на его грудь. И в таком положении лежал он у нас два дня, потом на ст. Федоровка в одной остановке перед Сталинградом его сняла милиция. Это было перед обедом, часов в 11. Его брат был ушедший за продуктами, когда пришла милиция. Все мужчины ушли. Мы же, кто за ноги, кто за голову, тянут его на носилки. Все тихо, и никто не плачет. Только когда они отходили с ним, мне стало так тяжело, что я заплакала, как маленький ребенок.

¹ Примечание Е. Г. Швыревой: «Мой отец, Георгий Иванович Вейде, родившийся в 1901 году, происходил из старинного шведского рода. По всей видимости, его предки служили в русских войсках еще с петровского времени. По семейной легенде, наш предок Вейде был в начале XVIII века контр-адмиралом и обучал моряков Петра I. Отец был парикмахером. Этой профессией он занимался с детского возраста – с девяти лет. Моя мама, Елизавета Федоровна Фогельгезанг, родившаяся в 1900 году, была маникюршей в парикмахерской – работала вместе с отцом. Впоследствии работала подкладчицей на шляпной фабрике имени 8 марта, что на Петроградской стороне. В апреле 1942 года во время эвакуации отец умер в вагоне поезда от голода».

Подходит его брат, он веселый, смеется, что вот и брата нет, хлеб остался. «Я, – говорит он, сняв шапку и смеясь, – ну брат, прощай, не хочешь дальше ехать, покинул нас». И только теперь мы чувствуем, как нам тяжело.

Его мечты – быть старым, нас выучить, но все наоборот вышло, вот уже три года как ты из дому. Одне, одне, как береза в пустыне. Но наша мечта – в любой момент домой, домой!!!! Вот прошло восемь дней, и мы на Кавказе. Это было одно пасмурное утро, когда мы, приехав в Мостовую, сваливали наши вещи, подали нам с каждой деревни подводы и отправили нас в хутор Перюмов. Все в цвету, и уже много, что отцвело. Мы получили комнату на М. Т. Ф., откуда было хорошо видно горы и вершины. Всего в 60 км были мы от Эльбруса. За нашим домом лежали Чертовы ворота. Чистый свежий воздух, который и сделал нас здоровыми людьми после такого голода в Ленинграде. Да, природа хорошая, но люди темные. Пожилые люди были в городе такие темные – ни книг, ни газет. Все лето были горы покрыты снегом, а у подножия разбиты прекрасные аулы.

Летом было не так скучно. Но и настала пора, когда бы сидел и читал книгу. Но здесь нечего. На улице дождик уже идет четыре дня подряд. Приходится сидеть в комнате. Скука ужасная. Грязь непролазная, что, идя босиком, грязи будет по колено. И не раз вспомнишь наши улицы Ленинграда. Жители же пасут коров, свиней, не обращая внимания на плохую погоду.

Прошли дожди, настали опять солнечные дни, я, как обыкновенно, спустилась вниз за дровами – была почти готова с охапкой дров, как вдруг раздается удивленный голос нашей соседки: «Лиля! Смотри, немцы?» Я смотрю с удивленным взглядом на сторону дороги, где двигаются пехота и танковые части все ближе и ближе. И вот я не верю моим глазам, это я никогда не представляла, что он придет на Кавказ. Но это правильно, это не сон.

Фронт прошел без боя. И продолжается прежняя жизнь. Немного изменилась власть. Но со временем все страшнее становится нам жить днем здесь. Только и слышно, что там ограбили, там сожгли, там убили. Недолго думая, мы переезжаем в село. Получили тоже квартиру на деревянном полу, светло и уютно, но все же не так, как дома. Здесь тяжело с дровами, нужно на себе по грязи тащить топливо км 3-2. Давно прошли эти хорошие солнечные дни, настала зима, но не такая зима, как у нас. Здесь грязь, дождь, и в этом заключается весь зимний период. Я работаю, сортирую пшеницу, получаем все, что нам нужно для житья.

Незаметно подходит рождество и новый год. У нас же все по-старому, нас три фамилии в одном доме, патефон, но это все невесело. Только можно вспомнить, как раньше жили, как веселились, а теперь скука. И самое главное, что не хватает нам – ПАПА. Эта мысль, что он уснул и уснул на вечность, не дает нам быть веселыми. Этот траур будет вечно лежать на моем молодом сердце. Может быть,

я забуду это все, если я увижу всех наших и посмеюсь с ними. Но это будет все недолго. Каждый несознательный человек упрекает тебя.

30/XII – 42

Записи произведены в Мюнст. Украина.

Недолго жили мы на Кавказе, настал уже январь, но здесь тепло, хожу босиком. Все ближе и ближе подходят русские. Немцы дают нам две подводы, и мы уезжаем. Пришел час, когда нам приходится расставаться с нашими последними родственниками. На последний раз решили мы устроить еще раз так, чтобы мы могли все вместе вспомнить нашу жизнь. Это был наш последний вечер, когда мы могли вспомнить всю нашу жизнь и наши веселые часы.

Но вот прошла эта тревожная ночь, и наступило утро, когда нам нужно расстаться. Со слезами на глазах укладывали мы наши вещи. Мы простились, это была тяжелая минута, люди, смотревшие с дворов своих, плакали тоже. Мы отъезжаем. Далеко за станицу провели они нас. Итак, мы расстались, может быть, и навсегда. Долго еще стояли они, махая нам. Все меньше и меньше казались они нам на горизонте, и вот я вижу, только как мелькают белые платочки. И, наконец, они исчезают, и может быть, на всю жизнь. Это было **12 января 1943 года** в 10-11 часов.

Прибыв в Лавинскую, мы простояли еще там с 5 часов, и нам пришлось там ночевать. Наутро, выехав, делали мы по 25 км на лошадях в день. Дорога замечена снегом. Мороз, что нельзя сидеть – ноги отмерзнут. Мы идем пешком. Вьюга кругом. Три дня ехали до Армавира. Прибыв в Армавир (маленький город), стояли там три дня в одной из школ. И **19-го января** мы отъехали на поезде с Армавира. Медленное путешествие было от Армавира до Ростова – 300 км в 7 дней. Мост через Кубань был разрушен, нам пришлось ждать, пока его исправят. В Ростове мы стояли недолго, и это было наше счастье – через несколько минут, как мы отъехали от Ростова, русские сильно бомбили вокзал, так что все 16 составов, которые там стояли, были уничтожены.

Второго февраля прибыли мы в Орлов в лагерь на солому, здесь пролежали двадцать дней. Эту картину страшно вспомнить: солома кишит вшами, одежда тоже. Кормили три раза в день, только один раз была нам баня. Но наше мучение кончилось, и мы едем в колонию Мюнстерберга. Это было **21/II – 43**.

Но не так легко найти квартиру, мы стояли у одного хлопца на квартире три дня. И лишь только через три дня нашли они нам квартиру – дом, состоящий из трех комнат, куда и поместили нам и еще две из наших ленинградцев. Здесь тоже чисто и весело. С нами патефон, но он не веселит. Музыка больше нас не веселит, а только наводит на слезы. С музыкой вместе вспоминаем мы нашу жизнь, когда мы были все вместе. Скучно вспоминать то, что было раньше, и что происходит сейчас.

28 февр. 43

На днях будет уже год, как мы из дому скитаемся по белу свету. Третье место это за один год. Уже неделя как мы здесь. В воскресенье было скучно, мы только втроем, все чужие, не с кем поговорить, никуда не пойдешь. Уже скоро год, как расстались с нашими колонистами. А затем и тот черный день – смерть папы. Год всего, а протянулся он, точно уже три прошло.

Но на следующее воскресенье было веселее, были в гостях у старого знакомого, домой пришли поздно, и еще долго шумели.

9 марта 43 года

Уже весна скоро придет и лето – река, которая протекает за нашим домом, разлилась, и вода стоит у самых дверей дома. Мама лежит больная.

20 марта 43

Сегодня была первый раз здесь на работе. Спины и рук не чувствую. Только теперь вспоминаю папины слова: «Когда помру, то ты почувствуешь, как тяжело будет тебе». Люди поговаривают, что скоро будут землю делить, но мне она не нужна, я иду работать в огород. В огороде нас много, и частенько мы говорим про все, что было раньше и не раз приходилось мне вспоминать моего дорогого папу.

Все ближе и ближе надвигается лето. И передо мной стоит лето, когда мы были все вместе. И папа был жив. Та частая прогулка по лесу. Катание на лодках. Все прошло, его уже не вернуть.

Много перемен за это короткое время – те, которые приехали и сидели еще в лагере, уехали в Польшу. Все это волнует нас, может быть, и нам придется уезжать.

4/IV-43

Теперь ходим в кино в шести километрах отсюда. Да, это довольно тяжело такую прогулку делать, а утром рано на работу. Но мы еще молодые и глупые. На днях открылся наш клуб, это было в субботу, мы идем после работы в клуб. Девчата идут танцевать, а хоть послушать гармонь. Но недолго продолжалось так – входит наш умный учитель и запретить задумал танцы. Я в первый раз встречаю такого упрямого остолопа, несмотря семь лет проучилась. Хотя бы сам был пожилой, а то и сам еще соня 24-летняя. Такое мнение осталось у меня о клубе сельском.

Шестнадцать лет я не имела понятия о клубе, и еще столько не буду иметь. В кино ходим часто. Лучше дальше, да веселей.

12/IV – 43 году. Мюнстерберг

На днях смотрели цирк, где выступали полтора человека, и платили за эту ерунду по 10 рублей.

15/IV – 43

На пасху были тоже в кино, уже было все зелено, цвела сирень. Было хорошо, но скучно.

25/IV – 43

Надвигается первое мая, день, когда мы шагали по проспектам Ленинграда с песнями, а теперь посылают тебя на работу. Завтра уже второе мая, день, когда уснул наш папа навеки, день траура в моей жизни и некоторых других.

Кругом забирают молодежь в Германию на работу. Всё кругом в цвету, только жизнь наша печальная.

3 мая – 43 года

Погода хорошая, жарко уже, все купаются, но где? В каком-то пруду, где пиявки и лягушки находятся. Да и опять же вспоминается та прошлая жизнь: жизнь в шикарном Ленинграде. Эту прекрасную Неву с ее золотыми волнами. Еще те красивые старинные озера Карелии и нашей местности за городом. А здесь! Ни леса, ни гор, ни озер и рек. Не разгибая спины, приходится работать мне это лето. Как ни тяжело, но помочь нечем, только другой раз горько заплачешь, смотря в альбом и вспоминая всю прежнюю жизнь. Лето подходит к концу, но еще и не слышно разговору о том, чтобы домой ехать.

Сентябрь – тот месяц, когда с радостью шагали мы в нашу любимую школу. Все прошло. Наши дети идут первый раз в школу, но это длится недолго и мы слышали волнение среди народной массы. Прошло немного времени, и произошло то, что мы предчувствовали давно. Мы должны дальше ехать, но куда никто из нас не знает. Так люди говорят, как будто за 400 км на лошадях. Ну, побыли недолго, и настал час ехать. Мы получили лошадей и брички и выехали, никто не знает куда, не то в Польшу, не то в Бессарабию. Я думала, что попадем домой, но не так-то было. Вместо дома едем дальше. В среду были еще в кино, а в субботу мы выехали. Это было 11 сентября 43.

Записи нашей поездки в Германию

Это было ровно в 11 часов ночи **в 43 году 11 сентября**, когда мы отъезжаем от Мюнстерберга. Был хороший звездный вечер, когда мы выехали со двора. Песок, лошади с трудом тянут брички, полные вещами. Все мертво кругом, только невдалеке видно, как что-то горит. Фронт от нас в 20 км.

Нас всего шесть деревень. Сперва выезжает первая и так дальше, наша третья по счету. Мы ждем всех около нашей мельницы – это конец нашей деревни. Но погода изменчива, и в 12 часов пошел сильный дождик. Тут стоишь около домов и не имеешь право зайти. Пока все в порядке было, но наступило уже утро, стало все светлее и светлее. Дождь перестал, но мы все мокрые и не спавши. На наше счастье день выпал хороший, солнечный, и мы можем выспаться за всю ночь.

Вот уже едем пятый день, и мы переезжаем Днепр. Сейчас я сижу на подводе и записываю. Передо мной Днепр широкий. Солнце уже на закате (ночуем уже на улице около подвод), его золотистое отражение легло на голубые воды Днепра. Все кругом шумит, как в цыганском таборе. Везде, как только хватит моего глаза, виднеются только белые паруса лодок и широкие украинские степи. Мы едем по широкой украинской степи, недаром эта песнь. Но я не думала, что мне там много придется видеть и пережить. Это шикарный Днепр, о котором я так много читала. Но вот я сама это все проехала и могу рассказать, как он прекрасен. День уже на исходе, и я кончаю записывать и ложусь спать.

Вечер 16 сентября в 43 году. Пишу дальше и не хочу еще раз описывать утреннюю красоту Днепра. Мы выехали из города Борислав – шикарный город, он лежит на одной из вершин, совсем на берегу Днепра. Есть о чем вспомнить, когда домой вернемся.

Мы находимся в одной из украинских деревень – Юрьевка. Запущенное село находится в балке (балка – яма). Далеко от города. Нам говорят, что мы здесь останемся, но мы не довольны. Какие-то маленькие землянки, но зато много фруктов и хлеба. Один день, и едем дальше. Нам скучно и тяжело и куда ни кинься, везде не хватает папы, был бы он жив и были бы мы в других условиях.

Сколько слез пролила я за это короткое время. Но ничего не сделаешь, значит, судьба моя такая, ведь не я одна сиротой осталась. А их миллионы. Мне было хоть уже 14 лет, а есть и маленькие дети, которые уже совсем круглые сироты.

17 сентября 43 года

Весь день было хмарно и дул сильный ветер, но наконец под вечер погода разыгралась, небо стало ясно. Из Юрьевки нас увезли ночевать в одну из маленьких деревень, где и остались многие из нас. А нас повезли дальше пару километров. Еще эту ночь придется спать посреди улицы. А завтра повезут нас на квартиру – в каждый дом по две фамилии. Село грязное, посредине балка – не знаю, что за мода здесь. Колодец в балке недалеко, пруд, где поить лошадей можно. Дома совсем маленькие, землянки, пол глиняный, окна побитые. Жители выехали, а мы въехали. Но недолго стояли мы там.

Описание жизни в Лазовой гор. Николаев

Пока нас всех развезли, настал вечер, приехали, встали, наши вещи сложили как кровать и легли. Но нелегко было заснуть – на другом конце улицы играет гармошка.

25/IX – 43

Сегодня воскресенье, мы сидим дома и смотрим, как еще люди гуляют. Вчера вечером принесли вещи – две парты, которые заменяют нам все: и стол, и стулья,

и кровати. На улице беспокойно, с каждым днем проходит все больше войск и орудий. Но нас гонят на работу – ломать кукурузу и семечки. Да еще приходится кормить своих лошадей. Сегодня хотели мы пойти к подруге, но она вперед нас была здесь. Опять можем посмеяться, хотя и не долго. Завтра понедельник, вспоминается, как лениво вставали мы в Мю. после похода в кино. А здесь сидим как в мешке, скука и лень. Уже вечер, солнце на закате, лошадей уже покормили и напоили.

26/IX – 43

На работу еще не ходим, хотелось бы поспать, но нужно лошадей кормить, на улице грязь, был дождь, но мне не страшно, я еду верхом на лошади, а другую веду под уздцы. Да кто бы видел из наших, что получилось из маленькой ленинградской девчонки. Настоящий разбойник. Знал бы это папа, что есть его дочь.

28/IX – 43

Наконец навестил нас комендант, держит речь, но я его не понимаю и иду лучше домой. Наши говорят, что он просит, чтобы все спокойно работали.

30 сентября в 43 году после обеда. Лазовая. Настал октябрь и нам нужно идти на работу. Но ведь сегодня Покров, но никто не обращает внимания. Уже через восемь дней мне исполнится 16 лет, пойдет 17-й и так пройдет и 17, а мы будем одни. Даже без папы.

1 октября. Итак, еще не работаем, староста дает нам другую квартиру, потому что эта развалится скоро. Сегодня у немцев Покров, для нас дают тоже праздник, но нам некогда и негде его справлять. Мы чистили сараи. А после обеда было что-то так грустно, что я осталась дома. А девчата ушли гулять. Сажу одна за партой и вспоминаю то одну, то другую историю в жизни. И это все нагоняет еще больше скуки.

3/X – 43. – Покров по-немецки

Настал тот день, когда мне исполнилось 16 лет. К жизни в этом маленьком селе понемногу привыкли – это второй раз справляем мы мое рождение одни, без родных и без папы. С утра мы работали – резали касторку. Да, это был веселый день в моей жизни два года назад, а теперь только сиди и вспоминай, но спасибо еще богу, что есть о чем вспомнить. А есть люди, которым совсем не о чем вспомнить, живя на свете.

Обед 8 октября 43. Лазовая

Не сегодня-завтра едем мы опять дальше. Мужчины кончают нашу будку, потому что дело движется к зиме. Все уже наготове, но когда выезжать, еще никому не известно.

Это был такой прекрасный день, солнце печет, что прямо невыносимо вытерпеть. Все наши подводы стоят одна за другой в ряду, готовые к отъезду. Жутко

взглянуть на эту картину – опять эта дорога глядя на зиму. Мы выехали, я за кучера, но ничего не сделать, нужно ко всему учиться. Ночевали на улице, еще не так холодно, но уже сыро. Местность плохая – горная да лесная. Все больше леса, поэтому жутко очень много партизан. На каждой горе нужно мне останавливаться и ждать, пока наш староста поможет мне съехать вниз.

Я и моя верная подруга Катя ехали все больше вдвоем, и она мне помогала всю дорогу. И мы едем месяц, бричка ломается, чиним ее и едем дальше. Но наконец дали мне мужчину, и с меня спала забота о лошадях. Сколько раз мы отставали от обоза или ехали другим путем. Когда мы отстали, я сильно заболела, но благодаря сестре мне стало лучше...

Мы слышим, что недалеко остался наш путь, всего осталось двадцать километров, а там получим направление на село Гусятино. Как раз на границе – полсела лежит на русской земле и часть на польской. Место опасное. Красивое, на горе, и кругом горы и лес, речка быстрая, мост красивый. И опять большая неприятность: у моей подруги помер папа, и мы хоронили его здесь, в чужом краю. А мы поехали дальше.

Еще день перед тем мы справляли вечер у ее сестры, была музыка и все что угодно. А ночью случилось несчастье. Уже мы готовимся опять в дорогу, поездом, но нам не хочется ведь, только что мы совершили поездку в две тысячи километров на подводах и здесь на месте только четвертый день. Живем далеко от своих на краю деревни. Но подходит рождество, и мы сидим еще на месте, ни пирогов, ничего у нас нет, и мы рады, что можем поесть хлеб и повидло вдоволь. Может быть, будем скоро дома. Так тихо и спокойно провели мы на границе среди чужих старый год и встречали новый.

Уже крещенские морозы, но здесь не холодно, так туманы сильные и ветры. Но только успели начаться праздники, как нас извещают опять об отъезде. Все наготове. Завтра год, как мы уехали с Кавказа и потеряли последнего родственника.

Наступило **21 января в 44 году**. Обед. Мы едем на станцию Закупное. Нам садиться на поезд, а лошадей забирают мужчины и едут назад. А мы одним за границу, прощай, несчастная Россия и наш любимый Ленинград. Вот переехали границу, едем по Польше. Сейчас стоим на какой-то из станций Кахоннова и больше ни одной не знаю, потому что выходиться не приходится, стоим по полчаса на станции.

Лезнау. Здесь нас встречали с музыкой и речью с песнями. Это было ночью **29 января**, когда мы ночью в 11 часов подъехали к ст. Лезнау, и никогда не забуду, как я дремала, и вдруг сильные лучи электрического света осветили меня, и музыка, игравшая марш. Эшелон движется медленно, двери вагонов открыты настежь, мы все стоим и слезы текут по нашим загорелым лицам – мы плакали.

Никто из нас не знает, почему мы плачем – слезы катятся сами. От пережитого горя и бог знает, что будет с нами дальше. И так с музыкой встречали нас здесь, но тяжело досталось нам потом. Медленно подъезжая, слышим мы речи, песни и музыку. Но у нас на душе тяжело и печально. Сотни рук протягиваются к нам, расспрашивая, откуда, как нам жилось, говоря и обещая бабушкины сказки в жизни здесь.

Мы едем дальше, некоторые и там остались, но нас везут дальше. В четыре часа ночи прибыли мы на станцию Эйхенбрюк. Где нас тоже дали до часу музыка, но мы опоздали. Мы подъезжаем, нас подхватывают сотни рук. Станция небольшая, но чистая, все блестит, электричество освещает все как днем. Нас везут в лагерь, где встречают нас сестры в белых халатах – столы накрыты и где только садимся за еду. Солома, но она чисто подобрана, совсем новые одеяла – каждому по два. И мы, уставшие после долгого путешествия, ложимся на солому.

Там были мы всего четыре дня, а потом повезли нас опять в другой лагерь – Зеегрунд. Когда мы туда прибыли, я думала, хоть конец нашему мучению, но это была неправда, опять приходится на соломе сидеть, холодно, маленькая печка, дышим, что даже глазам больно.

Эйхенбрюк. 31 января, ночь. Сидим и играем в карты.

1 февраля. Половина из наших уехали, мы сидим пять фамилий, еще там в лагере скучно, не с кем пошутить, девчат нет, только я да Юлька.

Зеегрунд. Говорят, что мы будем две недели здесь. Холодно, шумно, много маленьких детей. Вчера исполнилось три недели, но сидим еще, солому уже меняли, пол моем каждый день, чисто, но не очень тепло. Мы сидим все в пальто, вещи наши мы отдали в Эйхенбрюк в дезинфекцию, люди говорят, что вытаскивают хорошие вещи, но помочь этому нельзя. Через некоторое время пошли мы с девочками втроем помогать на кухне готовить.

Сегодня **воскресенье, 21 февраля.** Обед уже у нас готов, мы справились и вошли в комнату женщины, поют церковные песни, слушаем их, и наворачиваются у всех слезы. Зал плачет тихо, только видим, как у каждого скатываются слезы с глаз. Мы ведь все так далеко от родины, больше всего одиночки и на чужой земле.

Уже **первое марта**, но мы еще в лагере, завтра месяц как мы здесь. Сажу на соломе и записываю эти строки. И сидя думаешь только и мечтаешь, что будет дальше. Счастлив человек, который имеет отца. Он живет и любит, но мы живем и мучаемся уже третий год.

Еще неделя прошла, пока они только надумали развести по квартирам. Четвертое марта было собрание, они нам прочитали, кто куда попадет. Одна из нас остается здесь, другая поедет 9 километров отсюда, и я 12 километров,

так далеко будем один от другого. Прожив два года вместе, нужно расстаться. Но это не первый и не последний раз нашей разлуки с друзьями.

Сегодня **7 марта**. Кончились наши мучения по лагерям, а что ждет нас впереди? Сегодня наш первый день в Моорзанде, я сижу одна, скучно, никого не знаю, все чужие. А наши поехали за вещами. Все чаще и чаще начинаю я задумываться обо всем, что происходит вокруг меня и со мной. Все такие чужие, как дикие звери.

Скоро опять 2 мая, уже будет два года, как нет у нас папы, как мы одни. Он никогда больше не придет и не пожалеет нас и не скажет, как всегда говорил: «Татуня, положи папирос», – его нет. Сижу одна в комнате, скучно, но ничего, нужно привыкать. Сегодня хочу идти к Эмили, она живет недалеко от нас. Я не знала, где она находится, но несчастный случай помог нам найти друг друга. Нина пошла в школу и встретила ее сестру. Случай помог, и я не одна, опять есть с кем поговорить.

Уже прошло три месяца, как мы здесь, но ничего новенького, домой ехать еще и не думаем. Один раз не успела я встать, как слышу – плачут люди и кричат мужчины. Я иду к окну – вот вам картина. Подводы, наваленные с вещами, и люди наверху. Куда они едут? Этот вопрос нас поразил. Но недолго нам пришлось думать – это были бедные поляки, которых под стражей отправляли на вокзал. Тяжелая картина лежит перед нами, и нам еще тяжелее становится на душе. «Зачем? За что?» – кричали они всю дорогу.

30/VI – 44. Бедные, работали день и ночь у них в своем хозяйстве за лакеев, а теперь они взяли их и выгнали.

Недолго и мне пришлось жить, как свободной птице. Нашлись паразиты, которые изволили меня зарегистрировать и придя с бумагой, крича: «Ты должна у меня работать!». Но нет, я не из таких, которые покорно пойдут с опущенной головой. Я к начальству. «Зачем я училась, – говорю я ему, – чтобы здесь у какого-то дурака неграмотного в работницах быть? Нет!». Мое слово было твердо.

На другой день утром я оделась и пошла к другому крестьянину работать в поле. Обед я поела там и иду посмотреть есть ли письмо. Первый мой вопрос: «Была она здесь?». Наши отвечают: «Нет». Здесь был Мартин, один из наших крестьян, и сказал, что никакой обязанности здесь нет. И дают письмо от моей подруги, которая была в работницах в городе Нейдман около Берлина. Что она писала, я не могла читать: открыв письмо, я увидела ее портрет, и мое сердце забилося, я не выдержала от всей обиды, которую наносят они здесь каждому из нас и оскорбление и, упав на узлы, где лежали наши вещи, зарыдала, как маленький ребенок. Долго не могли успокоить меня, после этого была как разбитый человек.

Такая была моя жизнь первое время в Польше под властью немцев. Тяжело было нам. А что будет дальше?? Только семнадцатый год идет мне, но я уже столько пережила, что это тяжело вам описать.

На улице солнце, лето, хорошо, но на сердце моей тяжелый оттенок от жизни здесь. Все болит у меня и так нехорошо на душе. Когда на работе в поле, то ничего не лезет в мою голову, а так всякая ерунда идет в голову. И каждый день одно и то же, только и слышишь, что тот убит, тот ранен. Позавчера встала я только с постели, недели две лежала я в кровати, думала, что больше не встать, но бог помог, я встала. Но от слабости хожу как медленно, голова кружится. Две недели я ничего не ела, кроме немного козьего молока. Не раз я вспоминала наши ленинградские больницы.

Moorsand. Солнце уже опять скоро сядет, опять прошел день незаметно, и так летят годы без перемен. Вот скоро пройдет лето, но войне еще не конец. И даже не видно впереди. Так мы сейчас живем: день отжил, и слава богу. Живешь без газет и радио, ничего не знаешь. Скука и мрачность окружает нас кругом. Только другой раз в выходной я сижу в саду одна и вспоминаю, что было раньше. Тяжело жить на чужбине.

Пишу **6/X – 44**. Уже так много всего накопилось на мое молодом сердце, что нет больше сил. Скоро будет два месяца, как я работаю в работницах у одной из крестьян. Скучно мне вспоминать мои мечты о том, кем быть. Зачем и для чего было учиться, ведь не для того, чтобы чью-то грязь подбирать, и так многим из нас живется. Все смотрят на тебя как на скотину, каждое дурное неосознанное говно кричит, что мы едим их хлеб, но не забыли, что три года подряд возили и мы хлеб за границу, мы едим свой хлеб, а не их. Только здесь поняла я, что значит «Родина» и что значит жить без отца.

Но время летит, и настает день, когда мне исполнилось 17 лет. Он будет скучный день, что мы совсем не заметим. Так тяжела жизнь человека теперешнего времени. И я хочу, когда я закрою мои глаза, то пускай мой дневник напомнит вам всем эту тяжелую всемирную войну. Пусть он послужит портретом человечества в 1941 и 42, 43, 44 году и т. д. Пусть люди знают, как тяжело было нам при переселении из России в Германию. Будут люди читать эти строки, изучать прошедшую всемирную войну.

Октябрь к концу, начало ноября, но ничего не слышно, все по-старому. Только тоска по родине мучает нас все больше и больше. Говорить по-русски нам запрещают, но мы все равно, скрываясь, говорим на родном языке. Они хотят, чтобы мы забыли наш язык, но этого не будет, хотя бы и здесь придется умереть. Мы родились на русской земле и там же хотим умереть. Такова жизнь в германском плену.

1/XI – 44 г. Не раз я, читая книги, спрашивала у родных, что такое значит жизнь в людях. Но здесь я сама испытала. И только горько заплачешь, глядя на папин портрет. Такая жизнь была в этом году, что будет дальше – никто не знает.

Песня

Ой, ты жизнь моя
Жизнь тяжелая
И большим камнем
Ты на сердце легла.
Но ничего не скажешь
Только подушке
Выплачешь свою тоску.
Но это не поможет,
И все же не поможет.
Нужно же идти, идти. Конец.

Сочинила, когда работала у крестьян, пасла коров. Это было летом в 44 году. Сентябрь месяц. А в день моего рождения лежала я дома больная.

Записи с **20 января 1945 года**. На дворе зима. Мороз, что даже нос мерзнет. И рано утром я с моей знакомой иду в соседнее село за продуктами. Но не так-то спокойно было у нас на душе, ее сестра Грете сказала нам, что уже в город не пускают и нам нужно уезжать. Мы же решили все равно идти дальше. При входе в село мы видим подводы, готовые к отъезду. Мысль о том, что наши тоже могут уехать, тревожит нас. Придя домой, встречает нас взволнованная деревня, все на ногах. Мы едем дальше. Два часа имеем мы на уборку вещей с часу до трех и в три мы должны отъехать с Moorsand. 20 января в три часа. Напрасно мы так старались выехать, пришлось нам ехать только 21-го, в воскресенье, в 10 часов утра. Это был морозный день, заборы трещат от мороза, и мы выезжаем. Прощайте, друзья. Мы едем дальше.

Друзья остались там, потому что они знают, что значит уехать на чужбину. Скитаясь, как мы. Без родных. Сегодня уже три недели, как мы расстались с ними.

Вот настал час разлуки. Это было **21/1 – 45**. Все готово, взяли от всех до свидание. Мы отъезжаем. Быстро едут подводы. Все сидят, только я с Лоттей иду пешком, может быть, это последние шаги, которые мы шагаем вдвоем. Едем через поля одни, только три подводы. И выехав на шоссе, стоит перед нами огромный транспорт. Мы въехали в него и тут и началось наше мучение с нового. Едем день и ночь, гонят нас, мороз трескучий, но отдыху нам нет. Поезжаем до Рогазена – большая станция, но описать тяжело ее. Мы останавливаемся на широкой площади, где и стоим только полчаса, что бы только что-нибудь поесть. Оттуда мы выехали 21 января, ночь полдвенадцатого.

На второй день были уже на польско-немецкой границе. Scharnikovo (Шарниково). Здесь мы покинули Польшу и вступили на немецкую землю. Здесь пришлось нам проезжать два больших красивых моста. Едем по немецкой стороне

все дальше от родного края. Ночевать приходится здесь у крестьян. И отдыхаем день другой раз-два. Но вот Берлин остается в стороне, Штеттин тоже, мы были местами совсем близко от Берлина в 91 км, а от Штеттина 12 км. Но нас гонят все дальше и дальше.

Много больших городов произвели тяжелое впечатление. Где было все разбито и развалено, несмотря на то, что они лежат в тылу Германии. Везде долетают русские бомбы.

12 февраля 1945 в 11 часов, воскресенье. Утром рано выехали мы из деревни и к обеду прибыли благополучно в город, там пришлось простоять нам до вечера и только когда стало темнеть, получили мы направление в гут Аскладе. Где мы и находились долгое время. Получили большую комнату, где посередине стоит большой стол и две скамейки и лежат мешки с соломой. Всего в одном километре от города. Хлеб нам привозят, молоко и картошку берем здесь. Электричество горит.

18/II – 45, воскресенье. Уже пролетела неделя, как мы здесь. Люди говорят, что русские подходят все ближе и ближе, и нам веселее становится, что, может быть, скоро попадем домой. Идет вторая неделя, как мы находимся под крышей этого большого замка, когда лежишь на полу как свинья. Точно как в лагере год назад. Но разница одна, что мы не кормим вшей и можно сварить чаю. На дворе все ближе и ближе слышны выстрелы орудий. Из этого ничего хорошего не предвидится. С каждым днем ждем новой власти. Что будет дальше-то, мы еще увидим.

Вечер 19 февраля. Уже месяц, как мы здесь, но ничего нового. Ходим в кино, очень хорошие картины. Но недолго после нашего прихода началась бомбежка одного из городов на острове, который был всего 60 км в длину и ширину. Весь наш замок стоял как днем освещенный.

На днях получила письмо с фотокарточкой от подружки Тони. Но и опять все тихо. Ни писем нет, ничего. Сейчас 4 часа, все что-нибудь делают, а я пишу.

7 марта 1945 года в 4 часа вечера.

Но вот у нас сегодня **3 апреля** и пишу, сидя в школе в большом городе, но он меньше, чем наш. Ночью была два раза тревога, сидели в погребе полтора часа. Опять дорога лежит перед нами на Гамбург. Она идет все по границе северного моря. Красивое.

15/IV – 45. Сегодня уже неделя, как мы приехали опять на место. Но это место не очень надежное, потому что каждую ночь и стреляют, и бомбят в соседних городах. Мы находимся на краю земли опять на полуострове. Через моря от нас лежит Англия. Сюда прибыли мы восьмого апреля. Квартуру получили в деревне, то есть уже переехали сюда. Но скука и здесь нас нашла, сидишь только да смотришь в окно. Как люди гуляют. А мы, бедные червячки, должны

сидеть в четырех стенах. Только одно и успокаивает, что может быть, поедem скоро домой. Это одна мысль, которая делает нас веселыми среди чужих людей. Много едут людей мимо, но нет знакомых. Красивое впечатление оставило Северное море. Масса гор, рек, леса и полей, которого из них было мало в Польше и Украине.

Но и разбитые города попадались среди этой красоты. И как только вижу я разбитый город, так думаю сейчас о нашем любимом городе. Далеко он от нас остался, не так легко попасть назад.

Но эту поездку я никогда не забуду. Эти прекрасные берега Северного моря, эти большие города Росток, Висмар, Любек и т. д. Но, конечно, куда не кинь свой глаз, везде чувствительно, что уже шестой год войны, каждый город пострадал здесь. Но больше всего пострадали люди, которые остались без отца и без родного края. Которые скитаются здесь как собака. Печальная картина лежит перед нами сейчас. Но вот мы опять на новом месте. Нет ни плиты, ни мебели, и дождик протекает насквозь. Такая веселая жизнь, чтобы если бы я вернулась еще раз домой, то в моей жизни я не хочу больше про Германию слышать. И наша надежда – в скором времени может ехать назад. **19/IV – 45, четверг.**

Но не прошло и полмесяца, как до нашего слуха дошла такая весть, что этого мучителя людей нет, он убит и т. п. Это как раз было 1 мая после обеда. Был он тяжело ранен, а 2 мая был мертв. И просрали немцы, просрали. Через восемь дней и был конец войны, которая столько нужды нанесла нам.

Наше место занято Англией. И наша мечта о поезде домой сорвалась. Больше чем месяц сидим мы здесь и ничего не слышно о поезде домой, а только наоборот люди говорят, что они нас домой не отпустят. Беженцы с Гамбурга могут вернуться назад, а мы, бедные, сидим и смотрим опять, как люди с радостной душой едут назад домой. Тяжело нам здесь, на чужом краю, скитаться. Но наша мечта – как бы попасть домой поскорее к своим родным. **6 июня 1945, среда.**

Воскресенье 10 июня 1945 года

Скучно сидеть, одиноко в четырех стенах комнаты. Ни знакомых, к которым пошел и рассказал кое-что. Мама лежит больная, и мои мечты летят одна за другой. Здесь жизнь такая скучная, и погода еще хмурая: каждый день дождик. Вечер. Печальная жизнь во всем. Но сколько ни думай, ничего не поможет. И даже слышно среди народа, что мы и вообще не вернемся назад. Грустно становится после такого разговора, но ничего не сделаешь, если так и выйдет. И придется нам наш век доживать здесь, на чужбине. Недаром так много песен сочинили мы, девушки, при отъезде из России. Писала 23 июня после обеда в 5-м часу.

Я только что пришла от сапожника, который находится в 4 км от нас. На дворе жарко, что даже голова болит. Климат здесь несуразный: то очень жарко, то

холодно. Про возвращение домой ничего не слышно, все тихо здесь, как в мешке. Солдаты уходят каждый день, а мы сидим. Уже больше месяца, как мы уже живем без войны, но жизнь не улучшается, все по-старому. С каждым днем ждем чего-нибудь нового. **23/VI-45. Eggostodt.**

День 4 июля 1945 года. Eggostodt

Кругом все окрашено летней природой, а на душе нашей холодно и темно. Много солдат в нашей деревне. Но все это нас не веселит, потому что мы не знаем, что с нами будет и что ждет нас впереди. Я слыхала сегодня, что как будто нас на днях отправляют дальше, и не домой, как мы мечтали, а опять на другое место. Печально что-нибудь подобное слышать, но помочь нельзя.

Погода стоит плохая, почти каждый день дождик, ветер и холод. И поэтому еще больше печали ложится на сердце. И как только вспомнишь, что мы одни здесь, среди чужих, и слезы стоят на глазах. Как спокойно живут люди без забот и печали, а мы как? Июль месяц – это месяц, который так много радости приносит нам, когда мы в лагере или где-нибудь, выехавши из города, но здесь этого нет – нет ничего, кроме слез и печали. Здесь нам не жизнь, а мука!!!!

В конце этого месяца наверно начнут нас возить бог знает куда. Но лучше уехать, чтобы не видеть, когда люди смотрят на нас. Ухать на новое место, получить работу и жить как люди, а не так, как сейчас – без работы сидишь и гуляешь и забиваешь свою голову дурью разной, что и как и почему. 4 июля.

Я познакомилась с одним солдатом из Берлина. Ходим гулять почти каждый вечер и то все, что мы теперь от жизни имеем. Целый день сидишь в квартире и вечером идешь немного на улицу, чтобы немного разойтись и посмеяться. Сами солдаты делают представление, но это все не по моему характеру, очень много нецензурного. К чему я не привыкшая. Сегодня пололи брюкву и незаметно пролетело время до обеда. Почти каждый день уходят много солдат домой, но мы сидим еще, как и сидели.

Но мы будем надеяться, что и мы скоро попадем домой. Уже было три года, как мы из дому, но бог знает, сколько продлится, пока мы опять назад вернемся и будем жить как нормальные люди.

11 июля 45

Четверг. И так летит время незаметно, уже середина лета, но никакого изменения в нашей жизни, все по-старому. Погода установилась теплая и даже другой раз жарко. Это время, когда у нас везде зреют и уже созрели фрукты, а здесь ничего не видим, кроме гороха и бобов. Народ скупой и вредный, сами жрут, а о других и не думают. И потом еще, называется, оставайся здесь. Нет – мой ответ, и его я никогда не изменю. Я родилась в Ленинграде, там хочу и умереть. А не где-то среди чужих и скупых людей. Среди этих культурных блядей, так

называемых многими из нас, попавшими по несчастью сюда. «О жизнь, жизнь, как ты изменчива и печальна!».

18/VII – 45

Конечно, это то, что я могу записать, не подходит сюда. Но я пишу не для того, чтобы люди читали, а для себя. Моя жизнь в Eggostodt не вечно текла так спокойно, как вы это думаете, были и дни, когда есть о чем вспомнить. Я имел здесь друга (товарища, с которым мы часто проводили время). Его зовут Герхард Поль, 28 лет. Из столицы Германии Берлина. Человек был женат, но его жена была изменчива, как он это мне часто говорил, но на деле я сама убедилась, в чем здесь дело. Уже прошло больше двух месяцев и другой раз уже последние дни приходит он то позже, а то и совсем не придет.

Я, конечно, верила тому, что он был занят, зная, какова жизнь солдата. Но это был конец июня, воскресенье, как обычно мы хотели идти к какому-то, но он не пришел. Я недолго думая, оделась и пошла с мамой с полк, где по дороге встретила его с девчонкой. Поздороваться не удалось – они проскользнули вперед. Я, недолго думая, на другой вечер иду гулять с одним из знакомых солдат, мы смеялись, шутили, говорили по-русски. А он и не изволил прийти в понедельник. Во вторник я была в молочной, стояла за молоком, он подходит ко мне и начинает разговор, но на его слова отвечаю только коротким ответом. Потому что я не намерена с такими людьми дальше вести дружбу. На место его стояли уже опять десятки, но раз и навсегда покончила и изучила честных немцев. Как девчат, так и ребят. Один и сделал так, что я не могу никого из них переварить. Они все на один лад. Изменщики и изменницы.

Погода плохая, дождик и ветер, не тепло и не холодно. Конец июля, но с картошкой и другими продуктами у нас knapp. Нету фруктов. Сыро, холодно. Про отъезд ничего не известно, солдаты уходят каждый день. **24/VII/**

Пишу **31 июля 45 году вторник**. Eggostodt. Сегодня хорошая погода. Солнце, тепло. Но на сердце у меня темно и холодно. Сидишь целый день и не знаешь, что делать. Нет работы, когда знаешь, что дома тебя ждем это все. Уже начали убирать люди хлеб. Косят и я вспоминаю год назад Моорзанд, где они замучили меня с работой, а здесь сиди. Люди готовятся к зиме, а мы смотрим. Ни дров, ни картошки. Живи только с того, что тебе дают. И будь тем доволен. Не имеешь права ничего сказать. Солдаты уже все отпущены. Среди народа идет все время волнение. Люди все что-то говорят, что-то ожидают.

Время летит, уже середина августа. Но мы еще на месте, ничего не слышно. Сидим тихо и спокойно. Погода плохая, дождик каждый день. Уборка хлеба подходит к концу. Дни летят однообразные, никакого изменения. Вот уже три недели, как я ничего не варю. Живем на солдатском супе. Свое экономим, еще пригодится в дальнейшем.

Сегодня у нас **2-е сентября**, наступает осень, листья падают. Лето прошло незаметно, его здесь и не было – вечно дожди и ветры. Я сижу и вспоминаю те дни, когда я ходила в школу, эти дни веселой жизни, а теперь сиди дома и вспоминай. Сегодня выходной, но он ничем не отличается от буднего дня. Три раза в неделю танцы, но я не танцую. Жизнь тяжелая, не до танцев.

Наши ушли в церковь. Я одна, что только не придет в голову. Скучно нам здесь на чужой стороне одним. Хотя бы скорей домой. Жизнь плохая, тяжелая.

Пишу я сегодня потому, что сердце мое тяжелое, как камень, если я пишу, то легче становится мне. На дворе стоит лето, но нас окружает туман и мечта о том, что на носу висит суровая зима, а мы не имеем ни дров, ни печки. И беда смотрит нам в глаза. Что будет дальше. Ничего не слышно, сидим как сидели. Только каждую неделю хожу в arbissant. Там мы отмечаемся. И каждый раз он предлагает тебе: не хочу ли я идти в работницы, но не для того я училась, чтобы здесь убирать за ними. Я хочу домой – следует мой ответ. Хватит, что мы должны по десять километров в день ходить, что потом лежишь в кровати и не чувствуешь своих ног. Так было уже часто со мной здесь в этой прекрасной культурной германии. И не раз думаешь, как наш народ мучается и погибает здесь. **5/IX – 45 – среда**

День 22/IX – 45. Уже осень, листья опадают. Рано темнеет. А мы еще здесь, в Германии. Но недолго продлится время, и лист упадет и настанет зимняя стужа. Мы же должны здесь все переносить, холод и голод в чужом краю. Скучно и больно описывать и думать, что ждет нас впереди и что уже пережито. Много что пережитого лежит за моей восемнадцатилетней спиной.

День 7/X – 45

Наши в церкви, я одна дома. Сижу и вспоминаю много протекших лет назад. Сколько было радости, когда подходило 8 октября, а теперь сидишь ни родных, ни знакомых не найти. Там, где-то за тысячи верст вспоминают тоже этот день как сон, прошедший давно. Погода сегодня хорошая. Солнце, тепло. Но это меня не веселит – что мне погода, когда завтра будет мне восемнадцать лет, самая хорошая жизнь, а я ее не вижу, и подумать, что ты далеко находишься от родных и не можешь со всеми вместе провести этот день. Уже это четвертый раз я справляю среди чужих людей свой день рождения.

Но вот он и настал, этот день. Который 18 лет назад принес радость в дом. Не успела я еще встать, как пришла наша хозяйка с ее старшей дочкой. Принесли мне цветов. Позже пришла и Дора меня поздравить. Все чужое, никого родных, и сердце обливается кровью. Я сижу и пишу, вокруг меня цветы и мои подарки. Но мысль моя далеко улетела домой, она дома среди наших. Я от них думаю – думают ли наши обо мне. На улице пасмурно. Моросит мелкий осенний

*На лесоповале в поселке Васьково.
Крайняя справа - Елизавета
Вейде. Фото 8 августа 1948 года.
Из архива Елизаветы
Георгиевны Швыревой (Вейде)*

*Внизу: Почетная грамота,
которую Елизавета Вейде
получила в 1948 году на работе
в Тургошском мехлесопункте.
Из архива Елизаветы
Георгиевны Швыревой (Вейде)*

дождик, ветер и эта города нагоняет еще больше тоски. Четвертый год, как у меня нет отца, и это самое тяжелое, что никогда я не забуду. Этот тяжелый камень никогда не сойдет с моего сердца. Хотя я и смеюсь часто, но это длится недолго и через пять минут мне опять скучно и опять мое горе дает себя чувствовать. Еще прошлый год я получила поздравления от подруг, а сегодня я ничего не знаю о них, где они и что с ними. Тяжело вспоминать мне все это. Но голову не вешаю и все смотрю вперед. Может быть, к 19-летию будем мы дома. 8 октября, перед обедом.

Вот что рассказывает дальше Елизавета Георгиевна:

«В Советский Союз мы вернулись в конце 1945 года. До этого короткое время я работала в немецком городе Росток при нашей воинской части – как писарь, выписывала документы. Нас уже тогда военные предупреждали, что в Ленинград нас не пустят и предлагали остаться с ними – так будет спокойнее и надежнее. Но мама была непреклонна: «Что бы ни было, поедem домой».

Мы твердо знали: самое страшное уже позади. После всего того, что мы пережили за годы войны, мы уже ничего не боялись. В дневник не вошел один, едва ли не самый страшный эпизод, когда нас чуть не расстреляли немецкие каратели, приняв за евреев. Это случилось осенью 1942 года на Кавказе. Когда

*Елизавета Георгиевна Вейде,
фото 1951 года. Из архива Елизаветы
Георгиевны Швыревой (Вейде)*

*Елизавета Георгиевна Вейде (слева) с мамой Елизаветой Федоровной (справа).
Фото 1961 года. Из архива Елизаветы Георгиевны Швыревой (Вейде)*

нас подвозили на подводах к Лабинской, мы увидели рвы, к которым подвозили евреев и расстреливали. Нас хотели повести туда же, но нас спасла немка из Колпино Елизавета Александровна – тетя Лиля, знавшая нашу маму. Она была у немцев переводчиком и сумела объяснить немецкому коменданту, что мы не евреи, а русские немцы из Ленинграда. Только благодаря ей мы и остались живы...

Военные из Ростка оказались правы: в Ленинград нам попасть не удалось. Нас не пропустили дальше Луги: мы же были теперь, после оккупации, «политически неблагонадежными». Пришлось завербоваться на работу в Тургошский мехлесопункт в Ленинградской области. Я пять лет там лес валила – работала грузчиком. Мама была сторожем, а сестра работала в колхозе. Пока я там работала (станция Подборовье, поселок Васьково), закончила десять классов.

В Ленинград я вернулась только в 1949 году. С того времени по 1964 год работала в артели «Автотранс» в системе промкооперации. Потом, до 1987 года, в ГлавЛенинградстрое – диспетчером, нормировщиком».

И, напоследок, – сухие строки из архивной справки Федеральной службы контрразведки (ФСК, теперь ФСБ), выданной 30 ноября 1994 года: «Вейде Елизавета Георгиевна, 1927 года рождения... В январе 1943 года была вывезена в Германию, где использовалась на работах в сельском хозяйстве. Сведений о содержании в этот период нет. Освобождена в мае 1945 года и в декабре 1945 года вернулась на Родину. В УФСК РФ по г. С.-Петербургу и области сведений о совершении Вейде Елизаветой Георгиевной преступлений против Родины в период нахождения на временно оккупированной территории в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) не имеется»...

Вместо послесловия

У каждого пережившего блокаду – своя память о ней. В последние годы мы узнали немало неизвестных страниц из истории блокадной эпопеи, которые способны были в корне перевернуть многие привычные представления. Каждое новое свидетельство о блокаде позволяет нам еще раз, иначе, посмотреть на те годы.

По мнению Даниила Гранина, «пещерные, первобытные» условия существования в блокадном Ленинграде «требовали доброты, отзывчивости, сердечности. Хватает ли сегодня нам этих качеств? Не потеряли ли мы их? Сохраняются ли какие-то чувства милосердия, отзывчивости и взаимопомощи? Вот в чем вопрос».

Литература

- Адамович А. М., Гранин Д. А.* Блокадная книга. М., 1982.
- Блокадные дневники и документы / сост. С. К. Бернев, С. В. Чернов. СПб., 2004.
- Богданов И. А.* Ленинградская блокада от А до Я. СПб., 2010.
- Буров А. В.* Блокада день за днем. Л., 1979.
- В осажденном Ленинграде. Воспоминания участников героической обороны о борьбе с голодом и создании в условиях блокады продовольственных ресурсов. Л., 1974.
- Глезеров С.* «Удивительные люди эти ленинградцы» // Санкт-Петербургские ведомости. 2010. 23 дек.
- Гранин Д.* История создания «Блокадной книги» // Дружба народов. 2002. № 11.
- Гранин Д.* «Речь шла не о героизме, а о том, чтобы не пожрать друг друга» // Комсомольская правда в Петербурге. 2009. 20 янв.
- Григорьев В.* 270 дней и ночей. Ленинград. Блокада. 1941–1942 гг. Воспоминания, размышления и кое-что из истории. СПб., 2010.
- Желтов В.* Крещенные блокадой // Смена. 2006. 5 мая.
- ...И победили человек и город [путеводитель по блокадным адресам Петроградского района]. СПб., 2010.
- Комаров Н. Я., Куманев Г. А.* Блокада Ленинграда: 900 героических дней 1941–1944. М., 2004.
- Лебедев Ю. М.* По обе стороны блокадного кольца. СПб., 2005.
- Ленинградская битва. Сборник статей. СПб, 1995.
- Лихачев Д. С.* Как мы остались живы: воспоминания // Рукописи не горят: рассказы, повести, воспоминания / авт. предисл. Б. Никольский. СПб., 2005. С. 424–472.
- Ломагин Н. А.* Неизвестная блокада. СПб., 2002. Кн. 1–2.
- Неизвестная блокада. Ленинград 1941–1944: Фотоальбом / авт.-сост. В. Никитин. СПб., 2002.
- По сигналу воздушной тревоги: сборник / сост. О. М. Смирнова. Л., 1974.
- Скрябина Е. А.* Годы скитаний. Из дневника одной ленинградки. Париж, 1975.
- Скрябина Е. А.* Страницы жизни. М., 1994.
- Солсбери Г.* 900 дней. СПб, М., 1994.
- Сталева Т. В.* Блокадных детей просветленные лица. Художественно-документальные очерки. М.; Торопец, 2010.
- Стахов Хассо Г.* Трагедия на Неве. Шокирующая правда о блокаде Ленинграда, 1941–1944 / пер. с нем. Ю. М. Лебедева. М., 2008.

Содержание

От составителя. Судьба блокадной памяти	3
Зимницкая Галина Карловна	
Блокадные будни (Дневник ленинградской девочки)	22
Семенов Дмитрий Васильевич	
Валдайская идиллия	106
Федулов Джон Дмитриевич	
Не забыть Лычково...	114
Сельцер Ксаверий Наумович	
Заметки «в осаде»	124
Васильева Мария Алексеевна	
«...Спасибо нашему гению Верусе»	151
Глинская Екатерина Прокофьевна	
«Удивительные люди эти ленинградцы»	157
Моргачев Владимир Николаевич	
Выжить помогла... коммуналка	189
Вейде Елизавета Георгиевна	
«Только здесь поняла я, что значит „Родина“...»	199
Вместо послесловия	221
Литература	222

Просим обратить внимание на изменение почтового адреса,
по которому можно заказать наши книги:
199034, Санкт-Петербург, а/я 1

Адрес электронной почты прежний:
zitadel@bk.ru

**Блокада глазами очевидцев
Дневники и воспоминания**

Составитель *С. Е. Глезеров*

ООО «Издательско-Торговый Дом «ОСТРОВ»

Редактор *Л. И. Амирханов*
Корректор *Н. Н. Никифорова*
Дизайн, верстка, обложка *Ю. А. Корневская*

Формат 70х100/16. Бумага офсетная. Тираж 700 экз.

Отпечатано с готовых диапозитивов
в типографии «А-Принт»
Санкт-Петербург, Большая Монетная ул., 16
Тел. 325-28-21

